

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 4

Том 4. История

Санкт-Петербург
2014

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 4 (Том 4) 2014
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Е. С. Нарышкина, кандидат психологических наук, доцент

Редакционный совет:

В. А. Верременко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Л. Ю. Гусман, доктор исторических наук, доцент;
А. Дудек, доктор исторических наук, профессор (Польша);
К. Еконен, доктор философии, доцент (Финляндия);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор (Республика Казахстан);
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор;
К. Мацузато, доктор юридических наук, профессор (Япония);
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент (Республика Молдова);
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор;
Л. Цзюань, доктор филологических наук, профессор (КНР)

**Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. / факс: (812) 476-90-36
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
им. А. С. Пушкина, 2014
© Авторы, 2014

Содержание

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

В.В. Волков

Отечественная историография рынка труда в сельском хозяйстве
России конца XIX – начала XX в.: досоветский период..... 9

С.М. Назария

Бессарабский вопрос в новейших публикациях ряда стран 16

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Д.М. Демидович

Арендные и субарендные отношения в петербургских
доходных домах конца XIX – начала XX в..... 26

Х.А. Курбаналиев

К вопросу об экономическом развитии Дагестана в 1920–1921 гг. ... 34

Н.Н. Гордеева

Благоустройство города Выборга в послевоенный период 43

ИСТОРИЯ СЕМЬИ

Р.К. Адыгамов

Богословский аспект межэтнических и межконфессиональных
браков в трудах мусульманских мыслителей 53

В.А. Веремenco

Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности
в семье в России второй половины XIX – начала XX вв. 62

С.А. Бочан

Семейно-бытовые новации в сельском социуме 1920-х гг. 76

ИСТОРИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.И. КОРТУНОВ

К вопросу о размежевании левобережья реки Урал
между уральскими казаками и зауральскими киргизами
(вторая половина XIX в.) 82

С.Ш. Казиев

Политика коренизации и проблемы межэтнического доверия
в Казахстане (1923–1936 гг.) 90

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Р.М. Зябиров

Процесс проникновения западно-светских идей
в татарскую общественную мысль 100

И.Л. Кислицына

Начальный период эволюции бакунизма 108

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

Д.А. Шагавиев

Влияние мусульманского реформатора Джамал ад-Дина ал-Афгани на татарского богослова Ризаэтдина Фахретдина (Ризу Фахретдинова) 118

М.Р. Салахов

Евфимий Александрович Малов и миссионерская деятельность «Братства святителя Гурия» во второй половине XIX в. 126

Н.В. Некрасов

Финансовые скандалы вокруг П.А. Крушевана и Кишиневского отдела «Союза русского народа» (февраль–июль 1907 г.) 131

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Р.А. Гиззатуллин

Роль Бейт аль-хикма в эволюции исламского образования 138

А.М. Сударинов

Первая мировая война и ведущие ученые Полярной комиссии Российской академии наук..... 144

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

И.С. Тряхов

Деятельность местной противовоздушной обороны Владимирского края в годы Великой Отечественной войны 156

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Б.Б. Гогуев

Аграрная и налоговая политика Румынии в отношении венгерского национального меньшинства в 1920-х гг. 166

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

С.В. Джунджузов

Охранная служба ставропольских крещеных калмыков (1739–1839 гг.) 175

Р.Р. Шангареев

Освещение проблем мусульманского духовенства на страницах газеты «Нур»..... 183

Е.Н. Крылова

Либеральная печать Санкт-Петербурга в конце 1904 г..... 193

ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ

С.И. Черноморченко, С.Л. Смылова

Имидж педагога Тюменской женской гимназии (конца XIX – начала XX в.)..... 202

Е.А. Бендер
«Формирование нового человека»: воспитательная работа
в детских домах в 1920–1930-е гг.
(по материалам Ленинграда и Ленинградской области)209

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Д.Р. Зайнуддинов, И.М. Миргалеев
Токтамыш-хан и Аксак Тимур
в биографическом сборнике Ибн Тагриберди217

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

И.А. Тропов
Неизвестный семнадцатый год224

Сведения об авторах230

Contents

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

V.V. Volkov

The Domestic Historiography of the Labor Market in the Russian Agricultural Sector of the Late XIX – early XX Centuries: the Period Prior to the USSR 9

S.M. Nazaria

Bessarabian issue in the newest publications of several countries..... 16

ECONOMIC HISTORY

D.M. Demidovich

Rent and sublease relationships in the apartment houses of Saint-Petersburg at turn of XIX–XX centuries 26

H.A. Kurbanaliev

On the question of economic development of Dagestan in 1920–1921 34

N.N. Gordeeva

Improvement of the city of Vyborg during the post-war period 43

FAMILY HISTORY

R.K. Adygamov

Theological aspect of interethnic and interfaith marriages in works of Muslim thinkers 53

V.A. Veremenko

Preparation of the noblewomen to economic activity in the family in Russia in the second half of XIX – early XX centuries 62

S.A. Bochan

Domestic innovations in the rural society of the 1920s 76

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

A.I. Kortunov

On the question of delimitation of the left bank of the Ural River between the Ural Cossacks and the Trans-Ural Kirghiz (the second half of the XIX century) 82

S.Sh. Kaziev

Indigenization policy and the problems of inter-ethnic trust in Kazakhstan (1923–1936) 90

HISTORY OF SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT

R.M. Zyabirov

The penetration of Western secular ideas in Tatar social thought 100

Ir.L. Kislitsyna
The beginning period of the evolution of Bakunin's views..... 108

PERSONALITY IN HISTORY

D.A. Shagaviev
Influence of the Muslim reformer Jamal ad-Din al-Afghani to the
Tatar theologian Rizaetdin Fahretdin (Ridha ad-Din Fahr ad-Din)..... 118

M.R. Salahov
Euthymios A. Malov and missionary activity of «Brotherhood
of St. Gury» in the second half of XIX century 126

N.V. Nekrasov
Financial scandals of P.A. Krushevan and the Chisinau branch
of the Union of Russian people (February-July 1907)..... 131

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

R.A. Gizzatullin
Role of the «Beit al-Hikma» in the evolution of Islamic education..... 138

A.M. Sudarikov
The First World War and the leading scientists
of the Polar Commission of the Russian Academy of Sciences..... 144

MILITARY HISTORY

I.S. Tryakhov
Activities of the local air defense of Vladimir region during
the great Patriotic war 156

PROMLEMS OF WORLD HISTORY

B.B. Goguev
Agrarian and tax policy of the Romania in respect
of the Hungarian national minority in the 1920s 166

RUSSIAN HISTORY PAGES

St.V. Dzhundzhuzov
The guard service of the Stavropol
christened Kalmyks (1739–1839)..... 175

R.R. Shangaraev
Illumination of problems of the Muslim clergy
in the newspaper «Nur» 183

E.N. Krylova
The liberal press of Saint-Petersburg at the end of 1904..... 193

S.I. Chernomorchenko, S.L. Smyslova
The image of Tyumen grammar school for girls' teacher
(end of XIX – beginning of XX century) 202

E.A. Bender
«Creating a new man»: educational work in orphanages
in the 1920–1930s (the cases of Leningrad and Leningrad region) 209

PUBLICATION OF SOURCES

D.R. Zainuddinov, I.M. Mirgaliev
Toktamysh Khan and Timur Aksak in the biographical
collection of Ibn Tagriberdi 217

SUMMARY AND REVIEW

I.A. Tropov
Unknown seventeenth year... 224

About authors 230

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930(47)«1869/1917»:331.5:63

В.В. Волков

Отечественная историография рынка труда в сельском хозяйстве России конца XIX – начала XX в.: досоветский период

В статье представлены взгляды российских исследователей периода империи по проблеме становления рынка труда в русской деревне в конце XIX – начале XX в. Автор характеризует как обобщающие труды, так и исследования по частным вопросам: причинам, условиям и последствиям отхожих промыслов, ценообразованию, экономической сущности сельскохозяйственного найма, кабальным отношениям, интерпретации помещиками «рабочего вопроса».

The article looks into opinions of the Russian researchers of the Imperial period on the aspect of labor market and its evolution in the Russian village in the late XIX – early XX centuries. The author characterizes both papers dedicated to some general issues and specific issues including causes, conditions and consequences of seasonal work, pricing, economic essence of recruitment in the agricultural sector, enslaving obligations and resulting conditions, as well as of the landowners' interpretation of the «workers' issue».

Ключевые слова: наем, кабала, цена рабочей силы, отхожий промысел, заработная плата.

Key words: recruitment, enslavement, labor power price, seasonal work, salaries and wages.

Анализ историографии по теме становления рынка труда в сельском хозяйстве России конца XIX – начала XX в. показал, что в отечественной и зарубежной исторической науке проблема функционирования рыночных механизмов в сфере аграрных трудовых отношений отдельно не рассматривалась. Однако по некоторым аспектам рынка труда интенсивные исследования все же проводились.

Первой комплексной работой на эту тему применительно к середине XIX в. стала вышедшая в 1869 г. книга Н. Флеровского (В.В. Берви) «Положение рабочего класса в России» [45]. В ней автор выявил и на цифровом материале доказал несколько важнейших причин обнищания крестьянского населения страны и его

отхода на промыслы: распространенность помещичьего землевладения, задавленность оброками и податями, природно-географические особенности регионов, недостаток скота и земли, истощение почвы. При рассмотрении вопроса о причинах высокой смертности крестьян к перечисленному Н. Флеровский добавил также такие факторы, как тяжелый фабрично-заводской труд, потеря здоровья во время отхода, малодоходность мелких промыслов [45, с. 177, 178, 202, 203, 205, 206, 210, 211, 219, 220, 244, 246, 249, 287, 288, 397, 461].

Н. Флеровский одним из первых заострил внимание читателей на особенностях русского найма: дешевизне рабочей силы, кабальных отношениях, дешевом заблаговременном найме с задатками, засилии подрядчиков, распространенности артельного способа найма (свободного и кабального), уплате за работу товарами, уменьшении зарплаты через функционирование хозяйских лавок [45, с. 50, 135, 136, 142, 102, 257, 296, 299, 301, 335, 338, 373, 400, 447, 454].

Говоря уже о более позднем периоде, следует упомянуть обобщающие труды В.И. Чаславского, Н.В. Шаховского, А.А. Ярошко, Е. Варба, В.П. Милютина, Я.Я. Полферова, Н. Флерова [2; 21; 22; 24; 38; 47; 48; 51]. В этих работах были подробно раскрыты многие вопросы, связанные с жизнью и деятельностью сельскохозяйственных рабочих, но, к сожалению, не всех, а только тех, кто находился в отхожих промыслах на юге и юго-востоке Европейской России. Данные авторы показали условия, побуждавшие крестьян ряда губерний идти в земледельческий отход, его географию, особенности районов, нуждавшихся в сельскохозяйственных рабочих, порядок и способы их выхода, условия найма, отношения между нанимателями и рабочими, уровень цен на рабочие руки и тенденции их развития, роль механизации сельского хозяйства в развитии отхода и найма, состояние рыночной инфраструктуры, мероприятия и проекты по регулированию рынка труда на юге России. Несмотря на такой широкий охват тем, ученым конца XIX – начала XX в. не удалось решить проблему в целом из-за узких территориальных и социальных рамок исследования.

К обобщающим трудам непосредственно примыкали работы земских врачей и статистиков [3; 13; 19; 20; 32; 36; 37; 38; 39; 40; 41], на которые и опирались Н.В. Шаховский, А.А. Ярошко, Е. Варб и другие ученые. Земские деятели уделили большое внимание причинам, содержанию, санитарным и социальным последствиям отхожих сельскохозяйственных промыслов, их географии, демографической и социальной статистике. Были подробно рассмотрены местные рынки и пункты найма на юге России, а также

деятельность возникших на рубеже веков по почину земств врачебно-продовольственных пунктов. В этом же ряду можно назвать и работы Н.В. Пономарева, собравшего сведения о передвижении сельскохозяйственных рабочих, направлявшихся на заработки в южные губернии России [26; 27].

Следующий пласт исследований, которые проводились в досоветской России по данной проблеме, касался более частных вопросов.

В области ценообразования на рынке труда наиболее значимыми являются работы Липского (инициалы неизвестны) [14], И.Г. Дроздова [8], В.В. (В.П. Воронцова) [1].

И.Г. Дроздов, проведя межрайонный анализ цен на рабочие руки в сельском хозяйстве Европейской России за 20 лет с 1891 г. по 1910 г., пришел к выводу о том, что заработная плата земледельческих рабочих выше в тех местностях, которые более развиты в сельскохозяйственном или чисто промышленном отношении, или там, где имеется рынок прихода рабочих и ниже – там, где царят или преобладают до- и полу- капиталистические формы сельского хозяйства и где промышленность или вовсе не развита или же наблюдаются ее зародыши, или же, там, где имеется перенаселенность и откуда, следовательно, уходят на заработки в другие местности [8, с. 55].

О ценовом аспекте так называемой зимней наемки писал Липский. В своей книге на основе изучения цен на различных работах в помещичьих экономиях черноземного центра он показал, что потери крестьян при заблаговременном найме составляли около 50 % по сравнению с наймом своевременным [15, с. 141]. Сущность же зимней наемки как ростовщической операции раскрыл В.В. (В.П. Воронцов). Он указал, что сделка здесь начинается не наймом, а займом и условия возврата долга трудом диктуются кредитором: здесь фигурирует не задаток, а ссуда, служащая средством обеспечения хозяйства дешевой рабочей силой [1, с. 44–45]. Еще ранее об этом же писал и Ф.А. Щербина [46].

В фундаментальной книге Р. Гвоздева «Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение» [4] была затронута роль кулака в организации отхожих промыслов и эксплуатации на них крестьян. Кулак, являясь в одно и то же время кредитором-ростовщиком и посредником-подрядчиком, получал за свои двойные услуги двойное вознаграждение. Р. Гвоздев писал, что в отхожем промысле, так же как и в кустарной промышленности, кабала создавалась одними и теми же условиями: везде ростовщический кредит вырастал на почве крушения мелких хозяйств [4, с. 117].

Политэкономия сельскохозяйственного найма в России изложили П. Маслов и В. Щегло [18; 49]. Они, опираясь на взгляды К. Маркса, установили тесную взаимосвязь высоты заработной платы, цены на землю, земельной ренты и аграрного перенаселения: «В губерниях, в которых заработная плата выше 55 р., в среднем 73 р., средняя цена земли определяется в 30 р. за период от 1883 по 1888 г. Для района с заработной платой ниже 56 р. средняя заработная плата равняется 47,40 р., цена земли – 76,70 р.» [49, с. 52–53]. Следовательно, заработная плата была ниже при высокой ренте и высокой цене земли и выше при низкой ренте и низкой цене земли. Чем более был перенаселен район, тем заработная плата была ниже, а следовательно, тем выше предпринимательская прибыль и земельная рента. Живой труд в земледелии составлял гораздо большую долю хозяйственных затрат, чем в промышленности. Поэтому при понижении заработной платы получалась добавочная прибыль, которая превращалась в земельную ренту и вела к повышению цены на землю. При повышении земельной ренты землевладельцы начинали нанимать рабочих по зимам, чтобы еще сильнее понизить заработную плату. Но это снова вело не к повышению нормы прибыли, а к увеличению ренты и цен на землю [49, с. 53].

Большой интерес представляет региональное экономико-статистическое исследование П. Скворцова [33], обобщающее земские выкладки и характеризующее общие условия деятельности крестьянских хозяйств: уровень развития их производительных сил и сложившихся производственных отношений. Автор показывает, как обеспеченность землей и скотом влияла на кооперацию крестьянского труда, наем рабочей силы, занятие местными и отхожими промыслами, аренду и покупку земли, уровень грамотности крестьян.

Говоря о причинах отхожих промыслов, следует учитывать региональные особенности Европейской России. И в этом плане очень интересным исследованием является статья автора под псевдонимом «П. С-кий» [35]. Он установил, что в многоземельных нечерноземных губерниях причина упадка крестьянских хозяйств была вызвана налоговым бременем, а в густонаселенных центрально-черноземных губерниях – малоземельем и дорогой арендой. Выход из сложившейся ситуации он видел в снижении платежей в первом случае и в развитии доступной мирской аренды с дешевым кредитом – во втором.

Один из первых опытов исчисления масштабов отхожего промысла и всего рабочего населения империи осуществил П.А. Голубев [5]. На основании паспортной и фабричной статистики, учета стоимости обработки всей земли, он показал общее количе-

ство всех рабочих (фабричных, на отхожих и местных промыслах) – 20 966 368 чел. и их общий заработок – 840 120 тыс. р. Большой заслугой П.А. Голубева является раскрытие механизма феномена вынужденной товарности крестьянских хозяйств, который и порождал во многом зимнюю наемку и кабалу.

Содержание кабальных отношений зависимости крестьян от подрядчиков было раскрыто в книге В. Трирогова «Община и подать», а также в работах Г. Сазонова и А. Макаренко [16; 30; 31; 42].

Большую заинтересованность в разрешении рабочего вопроса в сельском хозяйстве России проявили многочисленные корреспонденты Вольного экономического общества и различных региональных обществ сельского хозяйства. Эти материалы можно разделить на несколько направлений.

В первую очередь следует сказать о тех статьях, в которых корреспонденты-помещики излагали результаты своих собственных наблюдений за функционированием помещичьих экономий при вольнонаемном труде в сравнении с барщиной и различными полукрепостническими формами (отработками, испольщиной и т. д.). Выводы авторов были противоречивыми: в разных регионах и местностях для помещиков были более выгодны и прибыльны различные формы ведения хозяйства и эксплуатации крестьян с преобладанием все же полукрепостнических [9; 10; 11; 12; 17; 28; 33].

Вторую когорту материалов составляли статьи южнорусских помещиков, в которых они настойчиво призывали разрешить рабочий вопрос, который, правда, понимался ими весьма узко, т. е. как соотношение спроса и предложения на рынке труда и уходе рабочих от своих хозяев. Авторы выдвигали и свои проекты регулирования найма в России с помощью земств и государственных посреднических организаций [6; 7; 44; 46].

В третью группу вошли статьи, в которых освещались различные аспекты найма земледельческих рабочих в России, например: об отсутствии в большинстве регионов особого класса наемных сельскохозяйственных рабочих из безземельных крестьян, особенностях отношений крестьян с нанимателями из различных сословий, региональных различиях в рабочем вопросе [14; 23; 25; 29].

Таким образом, отечественная дореволюционная историография становления аграрного рынка труда в России является достаточной базой для исследования данной проблемы.

Список литературы

1. В.В. Зимняя наемка // Наблюдатель. – 1885. – № 2.
2. Варб Е. Наемные сельскохозяйственные рабочие в жизни и в законодательстве. Общественно-юридические очерки. – М., 1899.
3. Вольтман А.Н. Таловой хутор Николаевского уезда // Сб. санит. бюро Самарск. губ. земства. – Самара, 1895.

4. Гвоздев Р. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение. – СПб., 1898.
5. Голубев П.А. Подать и народное хозяйство // Рус. мысль. – 1893. – Кн. 7.
6. Гомилевский В. К рабочему вопросу в Новороссии // Записки императорского общества сельского хозяйства южной России. – 1883. – Авг.
7. Доклад императорскому обществу сельского хозяйства южной России по рабочему вопросу Совета Общества // Зап. императорского о-ва сельского хозяйства южной России. – 1884 – № 4; 5.
8. Дроздов И.Г. Заработная плата земледельческих рабочих в России в связи с аграрным движением 1905–1906 гг. – СПб., 1914.
9. Жорский К. Рабочая сила в ферменном хозяйстве // Тр. императорского Вольного экон. о-ва. – 1869. – Т. 1.
10. Записка о стоимости вольнонаемного труда в Симбирской губернии. – Б.м., 1862.
11. Зенкевич И. Что может удешевить рабочие руки и сберечь созревший хлеб // Тр. Императорского Вольного экон. о-ва. – 1866. – Т. 4.
12. Зеленой П. Опыт учета стоимости работ и земледельческих произведений в с. Кузьминском, Холмского уезда Псковской губернии // Тр. императорского Вольного экон. о-ва. – 1864. – Т. 3–4.
13. Клинген И. Описание Волчанского уезда Харьковской губернии в сельскохозяйственно-статистическом отношении. – Харьков, 1882.
14. Красовский В. Способы найма рабочих для сельскохозяйственных работ в Симбирской губернии // Тр. императорского Вольного экон. о-ва. – 1878. – Т. 3.
15. Липский. Цены на рабочие руки при заблаговременном найме. – СПб., 1902.
16. Макаренко А. Отхожие и кабальные рабочие // Юрид. вестн. – 1887. – Т. XXIV. – Кн. 4.
17. Мальнев И. Результаты вольнонаемного труда в Борисоглебском уезде (Тамбовской губернии) // Тр. императорского Вольного экон. о-ва. – 1864. – Т. 4.
18. Маслов П.П. Аграрный вопрос в России. – СПб., 1905–1908.
19. Материалы для оценки земель Херсонской губернии. – Херсон, 1886. – Т. II. Елисаветградский уезд (Статистико-экономическое описание уезда).
20. Меерков А.Н. К вопросу об отхожих промыслах, переселенческом и богомольческом движении в Воронежской губернии за 1911 год // Отхожие промыслы, переселенческое и богомольческое движение в Воронежской губернии в 1911 году. – Воронеж, 1914.
21. Милютин В.П. Рабочий вопрос в сельском хозяйстве России. – Пг., 1917.
22. Милютин В.П. Сельскохозяйственные рабочие и война. – Пг., 1917.
23. Неручев М.В. Рабочий вопрос в его современном виде // Зап. императорского о-ва сельского хозяйства южной России. – 1877. – Март.
24. Полферов Я.Я. Сельскохозяйственные рабочие руки: стат.-экон. оч. – СПб., 1913.
25. Полторацкий А. Замечание на статью «Нечто о вольнонаемном труде» // Тр. императорского Вольного экон. о-ва. – 1864. – Т. 2.
26. Пономарев Н.В. О передвижении сельскохозяйственных рабочих, направляющихся в Новороссийские губернии. – СПб., 1895.
27. Пономарев Н.В. О передвижении сельскохозяйственных рабочих, направляющихся в юго-восточные местности России. – СПб., 1896.
28. Родионов Д. Результаты вольнонаемного труда в Борисоглебском уезде в 1864 году // Тр. императорского Вольного экон. о-ва. – 1865. – Т. 3.

29. Рыбкин Н. Дороговизна рабочих рук на юге. По поводу вопросов русского сельского хозяйства г. Энгельгардта // Тр. императорского Вольного экон. о-ва. – 1873. – Т. 2–3.
30. Сазонов Г.П. Кабала в отхожем промысле // Наблюдатель. – 1889. – № 4. – Апр.
31. Сазонов Г.П. Ростовщичество-кулачество. Наблюдения и исследования. – СПб., 1894.
32. Свидерский Ф.И. Народные скитания // Земск. сб. Черниговской губернии. – 1890. – № 2.
33. Скворцов П. Итоги крестьянского хозяйства на южном трехпольном черноземе // Юрид. вестн. – 1891. – Т. VIII. – Кн. 2–3.
34. Смирнов В. Из Орловской губернии // Тр. императорского Вольного экон. о-ва. – 1864. – Т. 4.
35. С-кий П. Упадок крестьянских хозяйств при общинном землевладении // Северный вестник. – 1886. – Май. – № 5.
36. Сукенников В.А. Лечебно-продовольственные пункты на рынках найма сельскохозяйственных рабочих Саратовской губернии. – Саратов, 1913.
37. Тезяков Н.И. Рынки найма сельскохозяйственных рабочих на юге России в санитарном отношении и врачебно-продовольственные пункты. – СПб., 1902. – Вып. 1. Врачебно-продовольственные пункты для пришлых рабочих в Херсонской, Екатеринославской, Самарской, Симбирской и других губерниях.
38. Тезяков Н.И. От Санитарного Отделения при Воронежской губернской земской управе // Сведения об отхожих промыслах в Воронежской губернии за 1898 год. – Воронеж, 1899.
39. Тезяков Н.И. Отхожие промыслы и рынки найма сельскохозяйственных рабочих в Саратовской губернии. – Воронеж, 1903.
40. Тезяков Н.И. Об ограждении сельскохозяйственных рабочих от повреждений сельскохозяйственными орудиями // Вестн. о-ва гигиены, судебной и практ. медицины. – 1896. – Т. XXXI. – Кн. 2, авг.
41. Тезяков Н.И. Сельскохозяйственные отхожие промыслы в санитарном отношении. – Воронеж, 1898.
42. Трирогов В. Община и подать. – СПб., 1882.
43. Флеров Н. Земледельческие рабочие в России. – М., 1906.
44. Финк В. К материалу о рабочем вопросе // Зап. императорского о-ва сельского хозяйства южной России. – 1891. – № 4. – Апр.
45. Флеровский Н. (Берви В.В.). Положение рабочего класса в России. – М., 1938.
46. Хлюдзинский В. Организация наемного труда в южной России // Зап. императорского о-ва сельского хозяйства южной России. – 1880. – Авг.–сент.
47. Чаславский В.И. Земледельческие отхожие промыслы в связи с переселением крестьян. – СПб., 1875.
48. Шаховской Н.В. Отхожие сельскохозяйственные промыслы. – СПб., 1895.
49. Щегло В. Крестьянское хозяйство и сельскохозяйственные рабочие. – СПб., 1907.
50. Щербина Ф.А. В каких законах нуждаются сельские рабочие? // Северный вестн. – 1886. – Май. – № 5.
51. Ярошко А.А. Рабочий вопрос на Юге. Его прошедшее, настоящее и будущее. – М., 1894.

Бессарабский вопрос в новейших публикациях ряда стран

В данной статье предпринята попытка представить мнения историков разных стран по бессарабскому вопросу, высказанные на рубеже XX–XXI вв. Учитывая научное и общественно-политическое значение проблемы, можно высказать осторожную уверенность в том, что полемика историков по данной проблеме будет продолжаться и в будущем.

The article reflects the attempt of author to present the views of historians of different countries on Bessarabian issue in compressed form that were stated at the turn of the XX–XXI centuries. However, considering its scientific and socio-political significance it can be expressed cautious confidence that the debate of historians on this issue will be continued and in the future.

Ключевые слова: бессарабский вопрос, историки, историография, румынизм.

Key words: Bessarabian question, historians, historiography, Romanism.

Актуальность данной проблемы определяется тем фактом, что в последние годы в некоторых странах становятся всё более настойчивыми действия по «переписыванию истории» с целью установления новых, «более справедливых» границ. В этом контексте происходит и «возрождение» так называемого «бессарабского вопроса», первой стадией чего стали новые «исторические исследования», в которых с великодержавно-румынских позиций доказывается «несправедливость отторжения в 1940 г. советским агрессором исконно румынской земли Бессарабии от родины-матери Великой Румынии». Следующим шагом становятся всё более смелые требования ряда румынских и молдавских политиков и историков к «исправлению исторической несправедливости» и «воссоединению» Бессарабии и Буковины с Румынией [34; 54; 55]. Эти «исследователи» переносят свои сегодняшние идеологемы на прошлое, пытаются «исправить» его на бумаге с целью ликвидации молдавской государственности.

Тотальное замалчивание «неудобных» фактов, с одной стороны, и «изобретение» не существовавших в действительности, но «удобных» современным румынистам «фактов», «событий» и «явлений», с другой, являются типичными «научными приёмами» «румынских патриотов». Следует отметить, что конфронтационный

дух, нетерпимость к иной точке зрения и извращение действительности продолжают исходить со страниц работ, написанных на основе румынистской концепции [38; 39; 45; 46; 51; 53; 56].

Данную мысль мы уже проиллюстрировали на примере интерпретации роли Сфатул Цэрий и «объединения» Бессарабии с Румынией в 1918 г. и июньских событий 1940 г. в наших предыдущих публикациях на страницах данного издания [22; 24]. Мифологизация истории в румынской историографии весьма убедительно раскрыта в ряде работ известного румынского историка и политолога Лучиана Бойи [36].

В этом контексте, с профессиональной точки зрения, становится абсолютно очевидным низкое качество румынистской «исторической науки», которая и в XXI в. оказалась не в состоянии превзойти уровень века XIX-го. При этом следует признать, что в румынской историографии много высокопрофессиональных и честных исследований, однако нам не встретилось ни одной работы румынских авторов по бессарабскому вопросу, в которой бы события раскрывались и анализировались реалистично и беспристрастно. Более того, по степени правдивости мемуары румынских политиков 1918–1940 гг. на порядок выше всех без исключения работ профессиональных историков, в особенности периода после падения диктатуры Н. Чаушеску.

Следует обратить внимание на ещё один момент, свойственный румынским историкам националистической ориентации, – иррациональной совето/русофобии. Так, например, И.М. Опря утверждает, что Россия извечно являлась самым безжалостным врагом «румынского рода». Любое событие из истории двух народов интерпретируется им как враждебное действие русских в отношении румын: «Соседство этой империи было для румынского народа синонимом настоящего террора истории» [51, р. 5].

«В рамках общей картины этих империалистических целей, – продолжает автор, – подчинение румынских стран (имеются в виду Дунайские княжества – С.Н.) являлось постоянной заботой царей России... Гонимые ненасытным стремлением к расширению границ своей империи, русские... дошли в 1709 году до Днестра» [51, р. 6, 7, 152]. Кроме того, считает историк, цели русских всегда вступали в противоречие с жизненными интересами румынского народа: «Румынская дипломатия опасалась.., что, продолжая расширяться к югу, Россия преследовала захват Константинополя и великих проливов и, для реализации мечты царя Петра Великого, переданной Екатерине II-й и её наследникам, она, без сомнений, растопчет Ру-

мынию, нарушив её независимость и угрожая самому её государственному существованию» [51, р. 29–30; см. также: 37, р. 12, 293].

Ещё хуже его отношение к СССР: «Советская империя постепенно закабалила на своих пространствах нерусские народы, поставила их на службу России, стремясь к их денационализации и в конечном итоге к их полному поглощению» [51, р. 152]. А Емилиан Болд уверен, что без постоянного сопротивления румынских правительств «русскому экспансионизму» «страна давно была бы превращена в российскую губернию» [37, р. 10]. В румынской историографии также господствует точка зрения, что в отношениях с Россией «румынская дипломатия во все времена имела корректное, цивилизованное, аргументированное отношение», в то время как советская позиция являлась «лживой, тенденциозной, основанной на инсинуациях, в соответствии с которыми советские представители всегда утверждали, что Бессарабия является русской землёй ещё с XIV–XV веков». А после признания большевистского «режима внутри страны и на международной арене, восстановления его военной мощи, советская дипломатия стала агрессивной, что отравляло атмосферу диалога и предопределило его отрицательный результат» [37, р. 11–12].

В этом контексте для лучшего понимания румынского менталитета приведём переведённую на русский язык книгу Иона и Луизы Попа. И хотя в самом начале заявляется, что «выдержана беспристрастная и непредвзятая манера повествования», уже на следующей странице говорится о «большевистском геноциде Советской России против приднестровских румын», о «советских зверствах в 50-е годы, совершённых с целью сломить сопротивление бессарабских и приднестровских румын», а причина «кровавого приднестровского конфликта» состоит в действиях «националистических политических и военных кругов СССР» [28, р. 7, 8, 9].

Политика России по освобождению балканских народов от османского ига названа «российской экспансией», её усилия по освоению освобождённых от турок и татар территорий – принудительной миграцией и колонизацией», а русские в XVII–XVIII вв. представлены как враги. В свою очередь, оккупация Бессарабии в 1918 г. описана так, будто «передовые румынские части... перешли Прут, чтобы восстановить порядок в Бессарабии», ну а гитлеровское нашествие на СССР совместно с румынским воинством изложено как «освобождение Бессарабии и Северной Буковины» [28, р. 22, 79–81, 40, 86]. В целом же в румынистской литературе бессарабский вопрос представлен как «изобретённый советской стороной "конфликт"» [37, р. 273].

В том же духе в румынской историографии интерпретируется и Вторая мировая война. Начиная с 1990 г. в Румынии вышли сотни работ, призванные оправдать её участие в войне на стороне Гитлера и политику И. Антонеску. В соответствии с данной концепцией у Румынии «не оставалось иной альтернативы, ведь она оказалась зажатой между двух тоталитарных монстров», а маршал Антонеску стал «спасителем Румынии», «защитником национальных интересов» и «мучеником-героем».

Период «борьбы с большевизмом» (1941–1944) назван «священной войной». Это была «справедливая война за освобождение исторических территорий и против коммунистической опасности с Востока» [38, р. 54; 40, р. 402; 41, р. 216, 223, 242; 45, р. 362; 52, р. 47; 56, р. 381, 405, 407]. Террор против мирного советского населения долгое время почти полностью отрицался, однако за последние несколько лет появилось немало работ на эту тему, хотя в любом случае преобладают публикации о «преступлениях советского режима против румынского народа» и в первую очередь против «бессарабских румын».

Для румынистов имеет значение не отражение событий так, как они происходили, а то, как они «должны были» происходить. «В контексте написания румынской истории "объективность" понимается как "соответствие румынским национальным интересам", а это означает, что мои выводы могут разочаровать румынских читателей» [43, р. 409], – сетует голландец ван Мёрс.

По нашему мнению, представляют интерес и некоторые работы историографического характера румынских историков. Так, в одной из них Фл. Ангел подробно анализирует англо-саксонскую историографию бессарабского вопроса, выражая своё полное несогласие с американскими историками, которые солидаризируются со своим правительством в непризнании захвата Бессарабии Румынией [35, р. 349]. Другой историк, Г. Мойса, рассматривает всё написанное по бессарабскому вопросу в Румынии в период социализма, анализирует существовавшие в то время «табу» по данной теме и показывает их постепенное снятие и расширение возможностей для румынских историков писать «более объективно» [44, р. 62–67]. Естественно, под «объективностью» подразумевается тезис «Бессарабия – румынская земля!».

Однако и исследователи из других стран пристально изучают внутреннее положение Бессарабии и её место в международных отношениях в период 1918–1940 гг. Среди трудов современных российских историков, касающихся данной темы, в первую очередь следует отметить сборник документов с подробными комментариями его составителей (руководитель авторского

коллектива В.Н. Виноградов) и монографию М. Мельтюхова [5; 15]. Первая работа содержит ряд важнейших документов, впервые включённых в научный оборот, в том числе принадлежащих американской дипломатии. Вторая написана на основе богатейшего архивного материала из различных российских архивов. Особенно детально останавливается автор на июньских событиях 1940 г. и на военных приготовлениях советской стороны. Однако практически отсутствуют в её основе румынские источники и слишком мало внимания уделяет автор внутренним процессам в Бессарабии.

Что касается журнальных статей или тематических сборников, то подробно рассматривать их данной работе не представляется возможным. Скажем лишь, что в этих сборниках [9; 30], авторы из разных стран анализируют различные аспекты бессарабского вопроса на всём протяжении его существования. Но всё же необходимо отдельно отметить статью молодого исследователя В.В. Репина, касающуюся споров внутри советского руководства по бессарабской проблематике в 1921–1924 гг. Представляет интерес и статья Л.Я. Гибианского, раскрывающая противоречия и взаимодействие советской и германской политики на Балканах, включая Румынию, на начальном этапе Второй мировой войны [8; 29].

Особняком стоит изданная в Москве коллективная монография «Бессарабия в составе Российской империи». В заключительной статье, с умеренно румынистских позиций авторы касаются исследуемых нами событий. Квинтэссенцией их интерпретации является мысль о том, что в тех условиях объединение с Румынией для «бессарабских элит» стало «наименьшим злом», а само «объединение» было не аннексией Бессарабии соседним королевством, а явилось результатом «компромисса с румынским правительством в первые месяцы 1918 г.» [10, с. 366–367]. Авторы утверждают, что данное событие было поддержано крестьянством, хотя хорошо известно, что среди данной категории населения вообще не было сторонников «объединения» [20, с. 45–46].

Не остался бессарабский вопрос и вне внимания украинских ученых [4; 7; 14; 31], которые, в первую очередь, рассматривают его международную составляющую. Правда, в большей степени в сфере их научного интереса находится Северная Буковина.

Из всех публикаций, касающихся данной темы и вышедших за последнее время на Западе, а затем переведённых на румынский язык, особо следует отметить работы Ч. Кинга, В.П. ван Мёрса, Ш.Д. Спектора [42; 43; 57] и др. Данные исследования выделяется среди других, во-первых, глубоким пониманием авторами процессов, происходивших в Бессарабии и вокруг неё в международной

политике. Во-вторых, они раскрывают взаимосвязь внутреннего положения в нашем крае с международными проблемами. Особо хотелось бы подчеркнуть и значение двух статей молодого французского историка Винсена Буле, показавшего положение в Бессарабии на основе дипломатических архивов Quai d'Orsay межвоенного времени [1; 2].

Не обойдён вниманием изучаемый нами вопрос и в современной молдавской историографии. Работы молдавских историков, написанные после 1991 г., можно разделить на две антагонистические группы: румынистскую [46; 53; 59] и молдо-государственную, интернационалистическую [11; 33; 58].

Первая группа публикаций, является румынской калькой. Определённым исключением в этом ряду можно считать монографии И. Цуркану [60; 61], который приводит многочисленные факты, прекрасно подтверждённые богатейшим архивным материалом и воспоминаниями участников событий, об аграрном движении в крае, тотальном произволе румынских оккупационных властей в Бессарабии, полном политико-административном бессилии молдавских националистических лидеров в 1917–1918 гг., об отсутствии малейшего авторитета Сфатул Цэрий у населения края и т. д., но выводы автора, сделаны в угоду румынизму и вступают в вопиющее противоречие со всем содержанием его работ.

Среди публикаций историков-государственников прежде всего следует выделить книгу В.Н. Стати, ставшей одной из первых, в которой положение Бессарабии раскрывается с опорой на документы и представлена реальная картина, сложившаяся в результате румынской оккупации [32]. Монография С. Назарии и В. Степанюка является комплексным исследованием по бессарабскому вопросу, в которой осуществлён также и полный анализ всего написанного по данной проблематике. Не следует игнорировать и другие работы данных авторов, изданных в разных странах, включая Россию [3; 16–27; 47–50].

Нельзя также не отметить фундаментальную монографию П.М. Шорникова, где речь идет о Молдавии в годы Второй мировой войны [58]. Первая часть книги раскрывает положение в оккупированной Бессарабии, дипломатическую борьбу по бессарабскому вопросу и, что особо ценно, автор подробно, на богатой архивной основе, используя воспоминания многих участников тех событий, показывает обстановку в крае в июньские дни 1940 г. и настроения его населения.

В контексте изучения бессарабской проблемы огромное значение имеют и труды видного молдавского историка, специалиста в

области истории Молдавии и международных отношений в эпоху мировых войн, профессора И.Э. Левита [11–13]. Они достойно противостоят тенденции «исторического ревизионизма» в румынской историографии исследуемого вопроса на его начальном этапе. Анализ одной из его книг был отражен в одном из номеров Вестника ЛГУ им. А.С. Пушкина [19].

В заключение следует отметить, что автор постарался представить мнения историков разных стран по бессарабскому вопросу, высказанные на рубеже XX–XXI вв. Однако, учитывая научное и общественно-политическое значение данного вопроса, можно высказать осторожную уверенность в том, что полемика историков по данной теме будет продолжаться ещё не один год.

Список литературы

1. Буле В. Образ румынской администрации и настроения населения Бессарабии, отражённые во французских дипломатических и разведывательных отчетах 1918–1920 годов // Русин. Международный исторический журнал. – Кишинев, 2012. 2 (28). – С. 49–54.
2. Буле В. Французские дипломаты и бессарабский вопрос во время диктатуры короля Кароля II (1938-1940) // Conferința științifică internațională „Identitatea civică și integrarea europeană – factori ai consolidării statalității moldovenești” (Chișinău, 5-6 octombrie 2011). – Chișinău, 2011. – С. 103–105.
3. Буриан А.Д., Назария С.М. «Объединение» Бессарабии с Румынией в свете международного права // Вестн. РУДН. Сер. Юрид. науки. 2013. – № 4. – С. 309–316.
4. Виднянский С. Процессы национального самоопределения на Буковине в 1918 г., её включение в состав Румынского королевства и румынизация автохтонного украинского населения края // Русин: междунар. ист. журн. – Кишинев, 2012. – 2(28). – С. 23–34.
5. Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии: док. и материалы. – М., 1996.
6. Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XXI в.): сб. докл. междунар. науч. конф. – М., 2011.
7. Гакман С.М. Присоединение Бессарабии и северной части Буковины к СССР летом 1940 года: мирное решение вопроса или военная операция? // Conferința științifică internațională „Alipirea Basarabiei la Rusia în contextul relațiilor multisekulare moldo-ruso-ucrainene” // Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-российско-украинского сотрудничества (Chișinău, 1-5 aprilie 2012). – Chișinău, 2012. – С. 148–155.
8. Гибианский Л.Я. Балканские страны в перекрестье политики Гитлера и Сталина в начале Второй мировой войны: от поражения Франции до установления господства «оси» на Балканах // Славяноведение. – 2013. – № 1. – С. 24–42.
9. Июнь 1940-го. Бессарабия и Северная Буковина в составе СССР: материалы междунар. науч.-практ. конф. – М., 2010.
10. Кушко А., Таки В., Грома О. Бессарабия в составе Российской империи. 1812–1917. – М., 2012.

11. Левит И.Э. Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.). – Тирасполь, 2012.
12. Левит И.Э. Движение за автономию Бессарабии в 1917 г. – Кишинёв, 1997.
13. Левит И.Э. Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). – Кишинёв, 2000.
14. Макарчук В., Рудый Н. Восточные границы междувоенной (1918–1940 гг.) Румынии: аспекты международного права // Русин: междунар. ист. журн. – Кишинев, 2012. – 2(28). – С. 55-66.
15. Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940. – М., 2010.
16. Назария С. Эволюция политики стран Запада в бессарабском вопросе на Парижской мирной конференции // Anuar științific al IRIM. Vol. XI. – Chișinău, 2012. – С. 80–92.
17. Назария С. Международная обстановка вокруг бессарабского вопроса в 1939–1940 гг. Общее и особенное в присоединении Бессарабии к СССР в сравнении с аналогичными событиями в Западной Украине, Западной Белоруссии и Прибалтийских странах // Исторична панорама: зб. наук. ст. Чернівецький нац. ун-т. – Чернівці, 2013. – Вип. 16. – С. 52–71.
18. Назария С.М. Международные отношения в эпоху мировых войн: Факты и мифология. – Кишинев, 2012.
19. Назария С.М. Рецензия на книгу И.Э. Левита «Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.). Тирасполь, Литера, 2012. 240 С.» // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. – Сер. История. – № 2. – С. 244–250.
20. Назария С.М. Аннексия Бессарабии Румынией с позиций международного права и отношение к этому жителей края // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 2. – С. 45–48.
21. Назария С.М. Вопрос о Бессарабии в советско-румынских отношениях в начале 20-х годов и попытка его мифологизации в румынистской историографии // Вестн. Дагест. гос. ун-та. – 2013. – Вып. 4. – 2013. – С. 39–47.
22. Назария С.М. Июньские 1940 г. события в Бессарабии и их трактовка в современной историографии // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. – Т. 4. История. – № 3. – С. 92–101.
23. Назария С.М. Оккупация или воссоединение? Окончательное решение бессарабского вопроса и его освещение в посткоммунистической румынистской историографии // Своб. мысль. – 2013. – № 4. – С. 143–154.
24. Назария С.М. Орган молдавских националистов Сфатул Цэрий (1917 г.) и его оценки в современной румынистской историографии // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. – Т. 4. История. – № 4. – С. 17–26.
25. Назария С.М. Плач по «похищенной провинции». Околоисторические фантазии об «освободительном» характере войны Румынии против СССР // Родина. – 2009. – № 12. – С. 152–155.
26. Назария С.М. «...Сможем быстро захватить Бессарабию». Начало румынской антисоветской интервенции в оценках современников и историков // Своб. мысль. – 2013. – № 2. – С. 111–122.
27. Назария С.М. События июня 1940 г. в Бессарабии и их интерпретации в современной историографии // Вестн. Яросл. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 17–21.

28. Попа И., Попа Л. Румыны, Бессарабия и Приднестровье. – Кишинев, 2010.
29. Репин В.В. Дискуссия в НКВДе СССР касательно определения советской политики в бессарабской проблеме // Ист. док. и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. «Сlio-2013». – М., 2013. – С. 365–368.
30. Румыния: истоки и современное состояние внешнеполитического позиционирования государства. – М., 2013.
31. Сыч А. Румыния и Молдова в украинских учебниках истории // Conferința științifică internațională „Identitatea civică și integrarea europeană – factori ai consolidării statalității moldovenești” (Chișinău, 5-6 octombrie 2011). – Chișinău, 2011. – С. 83–86.
32. Стати В. История Молдовы. – Кишинев, 2003.
33. Шорников П.М. Бессарабский фронт. – Кишинев, 2010.
34. Anatol Țăranu despre demersul președintelui Timofti // <http://www.europalibera.org/content/article/25191260.html>.
35. Anghel FI. Politica externă sovietică interbelică în viziunea istoriografiei anglo-saxone // Revista istorică. Academia Română. – 1997. – Nr. 5–6. – P. 347–369.
36. Boia L. Istorie și mit în conștiința românească. București, 1997.
37. Bold Em., Locovei R.O., Ioniță A. Relațiile româno-sovietice (1918–1941). – Iași, 2008.
38. Buzatu Gh. Mareșalul Antonescu și războiul din Est // Dosarele istoriei. – 1999. – Nr. 7. – P. 53–55.
39. Cojocaru Gh. Integrarea Basarabiei în cadrul României (1918–1923). București, 1997.
40. Constantiniu FI. O istorie sinceră a poporului român. – București, 1997.
41. Dobrinescu V. FI., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939–1947). – Iași, 1995.
42. King Ch. Moldovenii, România, Rusia și politica culturală. – Chișinău, 2002.
43. Meurs W.P. von. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. – Chișinău, 1996.
44. Moisa G. Chestiunea Basarabiei în discursul istoriografic comunist // Historia. Revistă de istorie. – 2013. – Nr. 1. – P. 62–67.
45. Moraru A. Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria (1812–1993). – Chișinău, 1995.
46. Moraru A., Negrei I. Anul 1918. Ora astrală a neamului românesc. – Chișinău, Civitas, 1998.
47. Nazaria S. Poziția statelor occidentale în problema basarabeană la Conferința de pace de la Paris // Moldoscopie (Probleme de analiză politică). Nr 1 (LX). – Chișinău, 2013. – P. 157–168.
48. Nazaria S., Stepaniuc V. Apariția problemei basarabene în relațiile internaționale // Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale. – 2010. – № 4. – P. 125–141.
49. Nazaria S., Stepaniuc V. Republica Democratică Moldovenească și „Unirea” Basarabiei cu România în contextul dreptului internațional // Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale. – 2010. – № 3. – P. 152–161.
50. Nazaria S., Stepaniuc V. Problema Basarabeană și interpretările ei în istoriografie: de la apariție la Tratatul de la Paris (1917–1947). – Chișinău, 2010.
51. Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900–1947. Vol. 1. – București, 1998.

52. Otu P. Eroii mareșalului Antonescu se întorc acasă // *Historia. Revistă de istorie.* – 2012. – Nr. 4. – P. 46–49.
53. Pădureac L. *Relațiile româno-sovietice (1917–1934).* – Chișinău, 2003.
54. Programul Partidului Liberal din Moldova // <http://www.pl.md/pageview.php?idc=13>.
55. Programul Partidului National Liberal din Moldova // <http://www.e-democracy.md/files/parties/pnl-program-2011-ro.pdf>.
56. Scurtu I., Buzatu Gh. *Istoria românilor în secolul XX (1918–1948).* – București, 1999.
57. Spector Sh. D. *România la Conferința de pace de la Paris. Diplomația lui I.C. Brătianu.* – Iași, 1995.
58. Șornikov P. *Moldova în anii celui de-Al doilea război mondial.* – Chișinău, 2013.
59. Țâcu O. *Problema Basarabiei și relațiile sovieto-române în perioada interbelică (1919–1939).* – Chișinău, 2004.
60. Țurcanu I. *Relații agrare din Basarabia în anii 1918–1940.* – Chișinău, 1991.
61. Țurcanu I. *Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări. 1918.* – Chișinău, 1998. 260.

УДК 94(470.23-25)«1881/1917»:338:347.453.3

Д.М. Демидович

Арендные и субарендные отношения в петербургских доходных домах конца XIX – начала XX в.

В статье рассматриваются вопросы арендных и субарендных отношений в петербургских доходных домах на рубеже XIX–XX вв. Особое внимание уделяется аренде доходных домов целиком. Анализируются юридические нормы, регламентировавшие арендные и субарендные отношения горожан и практики применения этих норм. Проведенное автором исследование позволяет сделать вывод о появлении новых поведенческих практик, таких как использование юридических лазеек для получения выгоды или уклонения от судебных взысканий.

This article considers the issues of rent and sublease relationships in apartment houses in Saint-Petersburg at the turn of the XIX century. Special attention is paid to the lease of the apartment house as a whole. Laws of the time, citizens rent relationships, and practices of law enforcement are analyzed. Author's research reveals that in the studied time span the new behavioral practices emerged, such as the use of legal loopholes for receiving personal benefits or evading judicial penalties.

Ключевые слова: доходный дом, домовладелец, арендатор, поведенческие практики, арендные отношения, аренда, субаренда.

Key words: apartment house, tenement house, homeowner, tenant, behavioral practices, leases, rent, sublease.

Для конца XIX в. было типичным сдавать дома и квартиры в аренду и субаренду. Существует широкий спектр дореволюционных и современных работ по анализу данного аспекта гражданского права, вопросам аренды земли, промышленных и жилых зданий [4; 9; 15]. В исторических исследованиях этого периода встречается информация о сдаче комнат, углов, коек и полукоек в арендуемой квартире, и затрагиваются вопросы арендных договоров [16; 17]. Однако исследований, раскрывающих историю найма доходных домов целиком в городах Российской империи в конце XIX–XX вв., не существует. На наш взгляд, недостаточно изучена и тема квартирных договоров относительно этого же периода.

Между тем изучение проблем, связанных с взаимодействием домовладельцев и арендаторов, вопросов аренды жилых помеще-

ний, в том числе целых доходных домов, дает возможность обогатить представления о повседневной жизни городского населения Российской империи. Они важны для понимания уровня правосознания жителей Петербурга и юридических аспектов арендных отношений в городах на рубеже XIX–XX вв.

Одним из главных показателей уровня жизни горожанина является его жилище. В дореволюционной России жилищный вопрос главным образом решался с помощью аренды и субаренды. Со второй половины XIX в. началось активное строительство коммерческого жилья, которое к началу XX в. составляло около 90 % всего жилищного фонда Петербурга [7]. Такой активный рост строительства коммерческого жилья привел к формированию новой арендной практики – сдаче доходных домов в аренду целиком.

Проведенные автором исследования позволяют выделить две причины сдачи в аренду целого доходного дома. На первом месте стоит нежелание домовладельца заниматься вопросами, связанными с обслуживанием дома и арендными отношениями: сдачей квартир в наем, коммунальным обслуживанием, налоговыми и страховыми вопросами и т. д. Некоторые домовладельцы для этих целей нанимали управляющих, но и в этом случае правовая ответственность, например за недосмотр, вследствие которого возник пожар или кража в доме, ложилась, в том числе, на домовладельца. Поэтому многие собственники доходных домов предпочитали сдавать свое имущество в аренду целиком, освобождая себя от всякой ответственности и беспокойств за имущество, при этом сохраняя возможность получения непосредственного дохода. Так, турецкий подданный Дмитрий Иванович Ксантопуло сдавал свой дом № 5-1 по Гаванской улице Васильевской части крестьянину Семенову: «Хотя этот дом и принадлежит мне юридически на праве собственности, но с 20 марта 1910 года сдан в аренду на 3 года крестьянину Владимирской губ. Суздальского уезда, Алексею Семеновичу Семенову, каковой по нотариальному договору от 25 февраля 1910 г. <...> принял на себя обязательство нести все расходы по выше названному дому <...>» [11. Д. 9819. Л. 24].

Еще одним примером найма доходного дома целиком может служить строение № 29 по Выборгскому шоссе, которое было сдано крестьянину Агафонову. Согласно информации из приложения к приказу от 3 сентября 1888 г. Владимир Агафонов был оштрафован Санкт-Петербургским окружным судом на 15 р., или, в случае невозможности уплаты, к 6 дням ареста за неправильное ведение домово́й книги [14. Д. 24. Л. 87]. Необходимо отметить: штрафные санкции были применены именно к арендатору и не коснулись домовладельца. Таким образом, в случае сдачи дома целиком, домо-

владелец снимал с себя всякую ответственность за дом и решение вопросов, связанных с его обслуживанием.

Вторым фактором, склонявшим владельцев в пользу заключения договора о сдаче доходного дома в аренду целиком, был, как правило, вопрос, связанный с судебными делами о финансовой несостоятельности домовладельца и необходимостью продать дом за долги. Для того чтобы отсрочить принятие судом решения по вопросу о продаже дома, заключались фиктивные договоры об аренде. Подобные договоры встречаются в фонде Петроградского окружного суда в делах, связанных с взысканием долгов. Ярким примером такого судебного разбирательства может служить дело по иску Марии Михайловны Дадоновой к Ольге Федоровне Котляревской в 1911 г. Согласно материалам, предоставленным сторонами 9 мая 1907 г., В.И. Котляревский по доверенности от своей матери О.Ф. Котляревской занял 220 тыс. р. на один год под 10 % годовых под залог дома, располагавшегося по адресу: Караванная улица, 7. В связи с неуплатой долга, 26 мая 1908 г. в окружной суд был подан иск с просьбой взыскать деньги с О.Ф. Котляревской, и суд иск удовлетворил. Однако «во время производства взыскания по закладной описи дома Котляревских, а именно 29 апреля 1910 года, некой дочерью дворянина Варварой Михайловной Марковой¹ была представлена судебному приставу копия арендного договора, из которой усматривается, что 28 ноября 1909 года В.И. Котляревским <...> был заключен договор с В.М. Марковой на сдачу ей в аренду дома в полном его составе <...>» [11. Д. 4380И. Л. 2]. Договор был заключен, вероятнее всего, фиктивно. Об этом говорит то, что большинство расходов по содержанию дома (производство капитального ремонта, плата за водоснабжение, за страхование, все городские и государственные налоги и т. д.) владелец брал на себя. Кроме этого, сумма договора составила 10 тыс. р., в то время как средний годовой доход с этого дома за пять предшествовавших лет составлял 20 тыс. 203 р. [11. Д. 4380И. Л. 2]. Таким образом, если вычесть все затраты на содержание дома, владелец получил бы около 6 тыс. р. в год, т. е. он сознательно лишал себя более чем половины дохода от своего имущества. Благодаря заключению этого договора домовладельцы отсрочили опись и продажу имущества более чем на два года, так как договор с В.М. Марковой был расторгнут только 11 марта 1911 г. [11. Д. 4380И. Л. 28].

Появление подобных практик свидетельствует о том, что юридические нормы были известны обеспеченным горожанам и использовались ими для обеспечения собственного благополучия. Жители

¹ Варвара Михайловна Маркова была арендатором доходного дома № 7 по Караванной улице с 28 ноября 1909 г. по 26 марта 1911 г.

Петербурга достаточно хорошо осознавали границы правоприменения и находили различные возможности не выполнять постановления правительства, не нарушая при этом законы.

Одним из основных правовых документов, регламентирующих арендные отношения, был договор. Договоры, заключаемые домовладельцем и арендатором на аренду целого доходного дома, не имели специально утвержденной формы [1, с. 44]. Они представляли собой обычный нотариально заверенный договор аренды имущества. Как правило, договор регламентировал права и обязанности сторон, срок аренды и стоимость сделки. В договорах старались прописать как можно подробнее, какие обязанности ложатся на арендатора, а какие – на домовладельца: «На обязанности и ответственность Марковой ложится очистка ретиральных и мусорных ям, дымоходов, санитарного содержания двора, прописка жильцов дома и вообще исполнение всех обязательных постановлений, правил и инструкций, издаваемых для С.-Петербурга <...> Производство капитального ремонта в нужных случаях и окраска дома, перестилка полов и потолков, устройство и ремонт канализации, ремонт фасада, подведение фундамента, возобновление верхних построек печей водопровода, крыши и т. п. остается на обязанности домовладельцев. На обязанности домовладельцев ложится также своевременная оплата за водоснабжение, страхование, а равно платежи всех городских, казенных и иных повинностей<...>» [11. Д. 4380И. Л. 9]. Такая точность была необходима для исключения спорных моментов, которые могли возникнуть в результате эксплуатации дома, и четко разграничить права и обязанности сторон.

Сроки арендных договоров регламентировались ст. 1692 Гражданских законов [8, ст. 1692], согласно которой они не должны были превышать 12 лет. Однако, как правило, этот срок не превышал 10 лет [11. Д. 9819. Л. 24]. Если возникала потребность в более длительном арендном договоре, то делали приписку о приоритетном праве аренды, т. е., если арендатор желал продлить договор, домовладелец был не вправе ему отказать [11. Д. 4380И. Л. 3].

Вопросы найма квартир в доходных домах регламентировались иными видами договоров, которые мы в дальнейшем будем именовать квартирными. Все договоры во второй половине XIX – начале XX в. составлялись по обоюдному согласию, и каждая сторона могла вносить в такой договор необходимые условия. При заключении квартирных договоров происходило иначе. Условия здесь диктовал домовладелец, а квартиросъемщик только подписывал документ. Это приводило к возникновению споров и судебных тяжб [13. Д. 43. Л. 6].

Существовало три вида квартирных договоров: договор найма, квартирная (домовая) книжка и домашнее условие [5, с. 430]. Дого-

вор найма подписывался у нотариуса и был наиболее редко встречающимся способом регламентации отношений между собственником жилья и квартиросъемщиком. Как правило, такие договоры, хотя и имели самую большую юридическую силу, включая в себя самое большое количество пунктов и регламентируя большинство ситуаций, которые могли возникнуть при аренде жилья, не были популярными из-за дополнительных трат. Такие договоры, как правило, заключали жильцы, платившие за квартиру от 1200 р. в год. В него, в отличие от остальных договоров, квартиросъемщик мог вносить свои требования [5, с. 434].

Более часто встречавшимся видом договоров было домашнее условие [8, ст. 1702]. В нем сам домовладелец прописывал все права и обязанности квартирантов, сумму, которую жилец обязывался заплатить домовладельцу за указанное время, и размер ежемесячных выплат. В большинстве случаев практиковалась выплата хозяину годичной арендной платы помесечно или по триместрам. Также указывалось, что в случае неуплаты в срок, квартирант обязан был съехать с квартиры в течение семи дней. Особым пунктом, как правило, шло условие не селить в квартиру жильцов без документов и без надлежащей регистрации [1, с. 45].

Единственным договором аренды квартир в многоквартирных домах, утвержденным полицией, являлась так называемая «Квартирная книжка» (размер варьировался от 9x15 до 14x19 см) в мягком переплете, содержащая около 20 страниц. В начале каждой «Квартирной книжки» был помещен договор найма, включавший правила пользования квартирой и стоимость аренды. На остальных страницах была таблица «Уплата денег следующих за квартиру» с тремя графами: год, месяц и число, за какое время последовала оплата и сумма [2; 3; 10]¹. На каждую квартиру должно было заводиться две «Квартирные книжки», одна хранилась у жильца, и в ней расписывался домовладелец, другая – у владельца квартиры, и в ней расписывался квартиросъемщик [3, с. 3]. На практике чаще всего существовала только одна книжка у жильца квартиры. Квартиранты воспринимали «Квартирные книжки» скорее как очень удобную книгу для ведения расчетов с домохозяином, а не как договор аренды жилья [5, с. 430], и поэтому наиболее охотно подписывали их, считая, что не связывают себя договором с домовладельцем. На самом деле именно «Квартирная книжка» из всех перечисленных договоров была самым жестким условием для квартиросъемщика.

¹ Эти и другие квартирные книжки хранятся в Российской национальной библиотеке.

Ее содержание обеспечивало охрану собственности домовладельца, но почти не защищало жильцов. Из прав жильца в «Книжке» прописана только возможность съехать из квартиры, если она окажется сырой и «вообще вредной для здоровья» [5, с. 432], оплатив только за прожитые дни.

Согласно постановлению Правительствующего сената наниматель имел право пересдать другому лицу нанятую им квартиру или часть ее, не спрашивая разрешения домовладельца [15, с. 522–523]. Это постановление приводило к тому, что большинство взятых в аренду квартир пересдавалось другим жильцам, для сокращения расходов. Таким образом, получалась целая цепочка субарендных отношений: домовладелец сдавал в аренду квартиру, наниматель, занимая часть комнат, сдавал свободные другим жильцам, те, в свою очередь, сдавали в комнате отдельные углы, а угловые жильцы могли поставить дополнительную койку и сдавать ее. Человек, нанимавший койку, в свою очередь, мог делить ее с товарищем, который работал в другую смену. Такие договоры, как правило, заключались в устной форме, без подписания соответствующих документов.

Примечательно, что договор субаренды, с точки зрения правоотношений конца XIX – начала XX в., представлял собой совершенно новый договор, который мог почти полностью отличаться от договора аренды. Единственным ограничением, которое существовало на договоры субаренды, была невозможность предоставлять более широкие права пользования имуществом, чем прописано в первоначальном договоре с домовладельцем. Кроме этого, необходимо отметить, что домовладелец и субарендатор не состояли друг с другом ни в каких договорных отношениях, и все вопросы решались через прямого арендатора. Это можно увидеть, обратившись к полицейским еженедельным отчетам, в которых, кроме домовладельца, управляющего и дворника, появляется новое юридически ответственное лицо – квартирохозяин [14. Д. 24; 2. Д. 90; 12. Д. 25]. Согласно анализу опубликованных данных переписи 1890 г., стоимость субаренды была значительно выше, чем аренда, и выходило, что аренда угла стоила почти столько же, сколько аренда комнаты [7].

На практике арендные договоры заключались не всегда. По сути, они были необходимы для решения спорных моментов, однако, судя по количеству исков, рассматривавшихся в судах того времени, к концу XIX в. несовершенство юридических норм не позволяло избежать проблем даже при наличии нотариально заверенного арендного договора. При определенных условиях судебные тяжбы

по любому имущественному вопросу могли идти годами, причем они не обязательно завершались в пользу правой стороны – всегда можно было найти лазейки, чтобы обойти или отсрочить решение суда. Часть горожан, осознавая свою неспособность защитить свои права, вовсе отказывались от заключения письменных договоров, или, в случае с малообеспеченными категориями жителей, прибегали к квартирным книжкам, которую не считали договором.

Таким образом, начиная с середины XIX в., арендные отношения активно развивались, и к концу столетия сформировался целый комплекс поведенческих практик, свидетельствовавших о том, что вопросы аренды и субаренды жилья прочно вошли в быт горожан и стали неотъемлемой частью их жизни.

Столичные обыватели активно «ассимилировали» существовавшие юридические нормы, пытаясь приспособить их под реалии своей жизни, исполняя ту часть, которая была удобна и находя юридические лазейки, а иногда и просто игнорируя некоторые требования государственных структур. Эти механизмы привели к формированию новых поведенческих практик ухода от закона, примеры которых в больших количествах можно найти в архивах. Проблема требует дальнейшего, более детального изучения, так как она важна для понимания уровня правосознания горожан на рубеже XIX–XX вв.

Список литературы

1. Иллюстрированный альбом городской и домово́й администрации с торгово-промышленной и справочным отделами г. Санкт-Петербурга. – СПб., 1905.
2. Квартирная книжка выдана от домовладельца Александра Семеновича Заплатаина, 1908.
3. Квартирная расчетная книжка по квартире № в доме № по набережной реки Фонтанки потомственного почетного гражданина Федора Степановича Лыткина, 1884.
4. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. По испр. и доп. 8-му изд., 1902 г. – М., 1997.
5. О квартирных договорах // Домовладелец. – 1895. – № 31–32. – 5 авг.
6. Перечневая ведомость делам, решенным столичными Мировыми судьями в течении июля месяца // Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. – 1870. – 3 июля.
7. Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 г. Т. 1. Ч. 1. Квартиры. – СПб., 1884.
8. Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. Кн. 4. – СПб., 1900.
9. Селиванова Е.С. Договор коммерческого найма жилого помещения: история, проблемы, перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001.
10. Тасьман И. Квартирная книжка: Договор на наем квартир и других жилых помещений.

11. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). – Ф. 225 (Петроградский окружной суд). – Оп. 1.
12. ЦГИА СПб. – Ф. 509 (Контора нотариуса Ю.О. Забельского). – Оп. 4.
13. ЦГИА СПб. – Ф. 520 (Петроградское кредитное общество). – Оп. 1.
14. ЦГИА СПб. – Ф. 569 (Управление Петроградского градоначальства и столичной полиции). – Оп. 4.
15. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М., 1911.
16. Юхнёва Е. Петербургские доходные дома. – М., 2008.
17. Юхнёва Е.Д. Жилище как элемент бытовой культуры городского населения: на материалах Петербурга конца XIX века: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2004.

**К вопросу об экономическом развитии Дагестана
в 1920–1921 гг.**

В статье анализируется экономика Дагестана в период после гражданской войны, выделены объективные и субъективные причины крайне низкой технической оснащенности дагестанских предприятий. На основе большого количества архивных данных и статистического материала исследуются первые мероприятия в области восстановления народного хозяйства, рассматривается деятельность Дагестанского революционного комитета по развитию сельского хозяйства и промышленности Дагестана в 20-е гг. XX в., анализируется торгово-финансовый сектор дагестанской экономики.

This article analyzes the economy of Dagestan in the period after the Civil War, the objective and subjective reasons for the extremely low technical equipment of Dagestan enterprises are highlighted. On the basis of a large number of historical data and statistical material the first measures in restoring the economy are studied, the activities of the Revolutionary Committee of Dagestan in the development of agriculture and industry in Dagestan in 20-ies of XX century are described, trade and financial sector of Dagestan economy is analyzed.

Ключевые слова: Гражданская война, помощь, Дагестан, разруха, национализация, восстановление, экономика, торгово-финансовый сектор, революционный комитет, совнархоз, кустарные промыслы, скотоводство, транспорт.

Key words: Civil war, aid, Dagestan, devastation, nationalization, recovery, economy, trade and the financial sector, Revolutionary Committee, Economic Council, crafts, animal husbandry, transport.

В последние годы в исторической литературе идет процесс переосмысления отдельных проблем истории, т.н. «социалистической индустриализации». При этом исследователи в своих работах, признают как достижения модернизации промышленности, так и неудачи, недостатки, допущенные ошибки. В конечном итоге это должно способствовать объективной оценке этого сложного периода нашей истории. В то же время многие критические оценки, высказываемые некоторыми исследователями, недостаточно аргументированы и не подтверждаются документальными фактами. В частности, наиболее распространенным был тезис о том, что промышленное строительство в национальных регионах велось без учета местных условий, традиционных отраслей и в конечном счете не отвечало интересам коренного населения республик [19, с. 149; 2, с. 46]. Однако на при-

мере Дагестана и Северного Кавказа становится понятно, что это далеко не так, особенно учитывая то тяжелое состояние, в котором находилась экономика данного региона.

В начале 1920-х гг., победив в Гражданской войне, большевики окончательно взяли власть в свои руки. Переход к мирному строительству начался в условиях глубочайшего социально-экономического кризиса в стране. К экономической разрухе в 1920 г. прибавились засуха и неурожай, которые привели к гибели от голода населения Поволжья, и Северного Кавказа [16, с. 340].

В условиях социального хаоса и разрухи в органах государственного управления происходило восстановление народного хозяйства и в Дагестане. Экономические и демографические потери Дагестана были не меньшими, чем в тех районах страны, которые были ареной военных действий. Интересны в этом отношении данные по Хасавюртовскому округу. Население в этом округе уменьшилось с 1917 г. на 68 % и к 1921 г. составило 57 тыс. чел. Сельское хозяйство, основной сектор экономики, находилось, как и по всей республике, в бедственном положении. Посевная площадь сократилась до 46 % против довоенного 1913 г., сельскохозяйственные угодья округа по сравнению с 1914 г. сократились на 68,3 %, виноградники – на 60,3 %, пашня – на 80,9 % [17, с. 84]. Площадь, занимаемая виноградниками, сократилась с 9 тыс. га в 1914 г. до 5 тыс. га в 1920 г. [24, с. 98]. Хлеба производилось в 12 раз меньше, чем требовалось. Еще больше усугубили положение засуха и неурожай. Сильно разрушилась оросительная сеть, снизилась урожайность полей. Около 35 % озимых посевов 1920 г. совершенно погибли, с 35 % площади посевов вернули лишь семена, а с остальных 30 % площади собрали урожай по 20–30 пудов с десятины [8. Д. 41. Л. 7].

Необходимость восстановительных работ в области сельского хозяйства затруднялось отсутствием нужного инвентаря, рабочего скота, семян. В наиболее хлебородном до революции и лучше всех обеспеченном сельхозинвентарем Хасавюртовском округе даже простейший железный плуг был редкостью. На 5–6 хозяйств округа приходилась одна соха [8. Д. 41. Л. 11]. Все работы выполнялись вручную. Эта картина была характерна не только для Хасавюртовского округа, но и для других районов Республики Дагестан. Незасеянные поля оставались во многих населенных пунктах, так например, по документам фондов ЦГА Республики Дагестан, жители селения Хаджал-Махи сообщали, что из-за отсутствия сельхозорудий и рабочего скота в 1920 г. «не смогли засеять свои поля» [10. Д. 8. Л. 17].

В числе причин, которые усугубляли ситуацию в сельском хозяйстве, следует отметить тот факт, что еще в начале XX в. в Дагестане не была завершена аграрная революция [22, с. 166] и аграрный вопрос (который остро стоял в Нагорном Дагестане) был решен только в мае 1920 г. Во-первых, Дагестанский революционный комитет своим постановлением передал все бывшие частновладельческие, казенные земли в ведение земельного отдела ревкома, который имел право отдавать их в аренду по установленным ценам или же передавал их в пользование безземельным и малоземельным слоям населения [7. Д. 17. Л. 15]. На состоявшемся 15 июня 1920 г. в Темир-Хан-Шуре I съезде городских, окружных и участковых ревкомов Дагестана, после обсуждения доклада председателя Дагестанского ревкома Д. Коркмасова и выступления делегатов по аграрному вопросу, первым пунктом резолюции съезд постановил «земельные споры разрешать, исходя из положения, что землю может пользоваться только тот, кто обрабатывает ее личным трудом, что все частновладельческие земли переходят в ведение государства и в общественное пользование» [10. Д. 8. Л. 17].

Во-вторых, Дагестанский Совет народных комиссаров своим указом от 22 октября 1921 г. принял решение национализировать «виноградные сады, принадлежавшие раньше контрреволюционерам, и сады необходимые отделу Дагвино, и брошенные сады» [5. Д. 21. Л. 157]. Национализированные сады передавались на условиях, которые были разработаны отделом объединения «Дагестанское вино» всем желающим гражданам, садоводам, виноградарям, виноделам сроком на 5 лет и более.

Большого внимания требовало к себе и скотоводство, которому был нанесен серьезный урон. Упадок животноводства коснулся в первую очередь т.н. «молодняка». Численность крупного рогатого скота в Дагестане уменьшилась с 3,6 млн (100 %) голов в 1915 г. до 2,6 млн (72 %) в 1917 г. и до 2 млн (55 %) в 1921 г. По сравнению с дореволюционным периодом в 1921 г. поголовье крупного рогатого скота, а соответственно и выпуск животноводческой продукции, сократились – на 55,1 %, лошадей – на 55 %, овец и коз – на 50,5 % [5. Л. 79–83].

Тяжелое положение было и в дагестанской промышленности, которая к 1921 г. давала продукции в десять раз меньше, чем в довоенном 1913 г. Даже в такой традиционной отрасли для Дагестана, как рыбная, объемы сократились наполовину, а сама она состояла из более 20 промыслов, дающих рыбы по сравнению с довоенными объемами лишь 40 %. Консервные заводы давали продукции в 22 раза меньше, чем до войны, в пять раз упало производство ку-

старной промышленности. Почти прекратили свою деятельность нефтеперегонный и гвоздильный заводы, канатная и табачная фабрики. Те предприятия, которые не закрылись, работали с сильным сокращением количества выпускаемой продукции. Причины носили как объективный, так и субъективный характер. Одни предприятия не работали из-за саботажа со стороны их владельцев, а в других – владельцы, распродав наиболее ценное оборудование, приводили в негодность предприятия. К тому же, следует учесть, что сохранившиеся предприятия были карликовыми, с небольшим количеством рабочих. Например, из документов ЦГА РД видно, что на «двух мельницах химотдела Дагестанского совнархоза к концу 1920 г. работали всего 74, на коньячном заводе – 10, на двух мельницах в Дербенте – 29 рабочих и служащих» [7. Д. 17. Л. 15]. Самым крупным предприятием в промышленности Дагестана считалась фабрика им. III Интернационала, где работало около 470 чел. Всего же в промышленности Дагестана в 1920/21 гг. было занято 2311 чел. против 3823 в 1913 г. [18, с. 4]. Уменьшение за 8 лет численности рабочих на 40 % объясняется не только упадком производства предприятий, но также и отсутствием возможности реализации продукции в силу разрухи и в сфере торговли.

Практически все промышленные предприятия республики работали на устарелом, изношенном оборудовании с низкой производительностью. В среднем техническая оснащенность механическими двигателями каждого государственного предприятия составляла 57,8 л.с., частного, применявшего наемный труд, – 12,4 л.с., без наемного труда – 9,6 л.с. Этот уровень, согласно материалам Всероссийской переписи, «был намного ниже уровня многих предприятий страны в целом и даже некоторых национальных районов» [1, с. 92]. Профессор Б. Булатов на основе анализа состояния промышленности Дагестана в 1920 г., отметил крайне низкую техническую оснащенность дагестанских предприятий, подчеркнув при этом, что «из всех промышленных предприятий в более или менее исправном состоянии находилась лишь текстильная фабрика "Каспийская мануфактура", на которой едва действовала половина ткацких станков» [2, с. 90–91].

Тяжелое положение в экономике Дагестана обязывало принять ускоренные меры по национализации основных предприятий республики. Местным партийным и советским органам были поставлены задачи проведения централизации руководства предприятиями и, после вложения дополнительных капиталов, обновления промышленного оборудования. В качестве примера можно привести данные о заседании бюро Дагестанского областного Совета народного хозяйства от 27 мая 1920 г. Бюро «под председательством то-

варища Коробова рассмотрело вопрос о национализации кожевенной промышленности в Дагестане. Были национализированы темирхан-шуринские кожевенные заводы: "Пятиугольник" Мавраева, Циткилова, Ахундова и Антора, которые перешли в ведение областного совнархоза со всем их оборудованием, инвентарем, запасами сырья и материалов, активом и пассивом предприятий» [3, с. 46]. Далее указано, что «отсутствие контроля и централизованного управления способствовали провалу согласованности работы заводов, снижению их производительности, ухудшению качества продукции, снабжения заводов сырьем, топливом и техническими материалами. В связи с этим было принято решение объединить темирхан-шуринские кожевенные заводы под руководством управляющего заводами, которого назначал областной совнархоз. При совнархозе был организован кожевенный отдел, руководивший развитием кожевенной промышленности в Дагестане» [13. Д. 19. Л. 5].

В мае 1920 г. на заседании коллегии Дагестанского совнархоза обсуждалось состояние рыбной промышленности бассейна Каспийского побережья, после чего перед чрезвычайным уполномоченным СНК и СГО РСФСР по Волго-Каспийскому району был поставлен вопрос о национализации рыбных промыслов в Дагестане. Ходатайство Дагестанского совнархоза было удовлетворено: «По положению о рыболовстве и рыбной промышленности в России и декрету от 28 июня 1918 года, рыбная промышленность является национализированной и находится в ведении соответствующих областных управлений. Контора фирмы "Рыбак", обслуживавшая промыслы Петровско-Дербентского района, согласно резолюции зам. председателя Азербайджанского ревкома со всем составом служащих, конторскими книгами и всем промысловым инвентарем переходит в ведение Областного Каспийско-кавказского управления рыбными промыслами» [6. Д. 21. Л. 157]. При Дагестанском совнархозе был организован отдел по рыбной промышленности, в ведение которого перешли все относящиеся к этой промышленности промыслы, бондарные заводы и консервные предприятия.

Хорошие возможности для развития имела винокуренная промышленность, крупных предприятий в которой к началу 1920-х гг. было примерно 10 [4, с. 187]. Многие предприятия ее бездействовали, и это могло привести к деградации виноградарства в республике. Национализация и установление государственного контроля могли способствовать сохранению и развитию этой отрасли. В связи с этим Дагестанский революционный комитет издал важный для отрасли приказ 6 января 1921 г. Согласно постановлению ВСНХ «винокуренные, спиртоочистительные и водочные заводы, предприятия со всеми их строениями, оборудованием, живым и мертвым инвен-

тарем и вообще со всем имуществом и капиталами, в чем были таковые не состояли и где бы не находились объявляются собственностью республики, а потому ниже поименные заводы со всем живым и мертвым инвентарём переходят в ведение и распоряжение районного управления винокуренной и спиртовой промышленности Дагестана "Даграуспирта"». Далее приводился список наиболее рентабельных предприятий, среди которых «были национализированы коньячный завод торгового дома Смирнова, виноградоводочный завод Резакова, ректификационный и виноградоводочно-коньячные заводы Дадашева, ректификационный и спиртовой и коньячный заводы Товарищества Дербентских садовладельцев» [20, с. 22]. Для руководства национализированными предприятиями при совнархозе было создано управление по винокуренной и спиртной промышленности.

Дагсовнархоз наравне с крупной промышленностью национализировал и кустарные промыслы, планомерно организовывая их деятельность. Кустарные промыслы во многих районах были разорены, а отсутствие сырья, износ оборудования и невозможность их приобретения привели к снижению их количества. Численность кустарей в Дагестане по сравнению с довоенным периодом сократилась в три раза и в 1923 г. составила 46 тыс. чел. [7. Д. 11. Л. 9]. Переход под государственный контроль был единственной возможностью спасения предприятий мелкой промышленности. С этой целью 11 января 1921 г. состоялось объединенное совещание представителей Юго-Восточного и Дагестанского совнархозов. По вопросу о национализации мелкой промышленности было принято решение: «произвести формальную национализацию предприятий на основании имеющихся инструкций» [22, с. 84–86]. Национализация в горных районах временно не проводилась, так как не во всех округах был завершен учет производственных предприятий. От национализации также были освобождены мелкие предприятия, принадлежавшие иностранному подданым.

Экономика Дагестана требовала больших финансовых вливаний, но её торгово-финансовый сектор находился в бедственном положении. Помимо войн на развитие этого сектора повлияла слабость производящего хозяйства республики, не располагавшей продукцией хотя бы регионального спроса. Разруха в сфере торговли и финансов была характерна не только для Дагестана, но и для всего государства. С целью покрытия огромных военных расходов государство прибегло к эмиссии денег. Политика натурализации хозяйства способствовала значительному сокращению количества денежных знаков к началу 1921 г., но это не оказало существенного влияния на снижение инфляции в стране. Как справедливо отмечал Л.Н. Юровский, «если количество денег с 1918 по 1921 гг. увеличилось в 100 раз,

то цены за этот же период возросли в 8000 раз. Купюра 5 рублей образца 1922 г. имела покупательную способность дореволюционной копейки» [25, с. 193]. Инфляция в 1920–1921 гг. явилась результатом сознательной финансовой политики советской власти в период «военного коммунизма», направленной на уничтожение денежного хозяйства путем неограниченной эмиссии денег. С этой целью СНК РСФСР принял Декрет от 15 июля 1920 г. о запрете торговли советским учреждениям на вольном рынке. Запрет свободной торговли в таких условиях социально-экономического развития болезненно отражался на населении. Такие особенности наложили свой отпечаток на торговой деятельности на Северном Кавказе. В материалах революционных комитетов Дагестана отмечено, что «Северо-Кавказский краевой райком приказом № 58 от 13 мая 1920 г. запретил местным властям чинить разного рода препятствия мелкой торговле, закрывая лавки, реквизируя и устанавливая определенные цены на товары, а также сокрытие товаров и продажи их с явно спекулятивными целями» [11. Д. 4. Л. 51].

Удельный вес крестьян-предпринимателей не превышал 2–3 % самодеятельного сельского населения, причем в каждом крупном селе располагались торговые лавки, принадлежавшие 2–4 зажиточным крестьянам. В архивных документах встречаются данные о мелких предпринимателях, например: «в городах республики более 80 % торговых точек находилось в руках частных, появились чайные, столовые, буфеты, рестораны, шапочные, шорные, ремонтные мастерские, действовали конторы, занимающиеся куплей-продажей и сдачей в аренду частных домовладений. Энергично трудились в базарной торговле скупщики крупного и мелкого скота, фруктов, шерсти» [6. Д. 71. Л. 52]. Традиционно продолжали свое предпринимательское производство владельцы мелких кустарных мастерских, мельниц, мыловарен и т. д.

В 1921 г. в системе торгового объединения «Дагестанский союз», имевшего свои отделения в Хасавюрте, Дербенте и Буйнакске, действовало всего 85 лавок [2, с. 90–91]. В условиях свободного товарообмена, когда крестьяне продавали излишки своих продуктов и приобретали необходимые промышленные товары, резко усилилась заинтересованность крестьянских масс в укреплении своего хозяйства, росла необходимость в потребительской и государственной торговле.

Еще одним препятствием ускоренного перехода к мирному хозяйственному строительству было плохое состояние дорожного хозяйства, путей сообщения и связи. В результате Гражданской войны, длившейся здесь вплоть до марта 1921 г., были разрушены города: Хасавюрт – до основания, Дербент – на 75 %, Кизляр – на 50 %, Порт-Петровск и Темир-Хан-Шура – на 33 %. В тяжелом состо-

янии находилась железная дорога. Многие участки фактически были выведены из строя, нуждался в ремонте и обновлении подвижной состав, резко сократилась пропускная способность дороги. Прямой ущерб дороге только в районе Петровска выразился в сумме свыше 1,8 млн р. [21, с. 25]. Сильно пострадал Петровский морской порт. На дне бухты были затонувшие суда, а на поверхности плавало масса мин и снарядов. Территория порта была «загромождена крупными машинными частями, артиллерийскими орудиями» [14, с. 96], а склады были разрушены и уничтожены.

Электрическая сеть присутствовала в 28 населенных пунктах, где проживало ок. 1 % населения Дагестана. Радиоприемная связь также была слабо развита и на всей территории Дагестана «существовала одна приемно-передаточная радиотелеграфная станция» [15, с. 14]. Почтовая связь поддерживалась только в 34 населенных пунктах. До марта 1920 г. в Дагестане из 14 почтово-телеграфных учреждений, охватывающих 28 населенных пунктов [7. Л. 9], работали «8 учреждений в Темир-Хан-Шуре, Петровске, Дербенте, Ахта, Касумкенте, Чир-юрте, Дженгутае, Хасав-юрте» [23, с. 148], а остальные были разрушены в ходе Гражданской войны. Сразу же после восстановления советской власти силами красноармейцев и местного населения была возобновлена связь на линии Темир-Хан-Шура – Петровск – Грозный – Хасавюрт [12. Д. 71. Л. 7–9]. Такое плохое состояние связи затрудняло мобилизацию материальных и людских ресурсов на восстановление народного хозяйства.

С целью быстрее восстановления народного хозяйства Советы национальных республик районов Северного Кавказа принимали конкретные меры по усилению экономических связей между областями, исследованию производительных сил региона. В процессе восстановления и развития дагестанской индустрии перво-степенное внимание уделялось изучению природных богатств.

Необходимо отметить, что экономика Дагестана в составе советской экономики с самого начала и до конца развивалась в большей или меньшей степени в экстремальном режиме, как в целом все советское общество. Мобилизационный характер развития всей экономики того периода является следствием этой экстремальности. Может быть это был не самый сильный аргумент в пользу советской власти. Самым действенным аргументом в пользу новой власти была огромная материальная помощь горцам. Она выражалась не только в направлении в Дагестан сотен миллионов рублей деньгами, машин и механизмов, семенного материала, продовольствия и мануфактуры, но и в непосредственном участии русских интеллигентов, военных, рабочих в восстановлении разрушенных жилищ и хозяйств, строительстве дорог и оросительных каналов, борьбе с болезнями – малярией, туберкулезом и др., с сельскохозяйственными вредителями.

Список литературы

1. Булатов Б.Б. Дагестан на рубеже XIX–XX вв. – Махачкала, 1996.
2. Булатов Б.Б. Социально-экономическое развитие Дагестана в 80-х гг. XIX в. – 30-х гг. XX в. – Махачкала, 1996.
3. Булатов Б.Б., Магомедова З.Ш. Особенности модернизации промышленности Дагестана (1920–1930-е гг.) // Вестн. Дагест. гос. ун-та. 2009. – Вып. 4.
4. Гарунова Н.Н. Очерки истории виноделия и коньячного производства на Кизлярщине в XVII–XX вв. – Махачкала, 2009.
5. Государственное казенное учреждение. «Центральный государственный архив республики Дагестан» (ГКУ ЦГА РД). – Ф. 4-р. – Оп. 2.
6. ГКУ ЦГА РД. – Ф. 4-р. – Оп. 3.
7. ГКУ ЦГА РД. – Ф. 39-р. – Оп. 1.
8. ГКУ ЦГА РД. – Ф. 117. – Оп. 6.
9. ГКУ ЦГА РД. – Ф. 127. – Оп. 17.
10. ГКУ ЦГА РД. – Ф. 175. – Оп. 5.
11. ГКУ ЦГА РД. – Ф. 369. – Оп. 1.
12. ГКУ ЦГА РД. – Ф. 464 р. – Оп. 5.
13. ГКУ ЦГА РД. – Ф. 524. – Оп. 1.
14. 10 лет социалистического строительства ДАССР. – Махачкала, 1956.
15. Исмаилов Н.А. Претворенные заветы. – Махачкала, 1982.
16. История индустриализации Северного Кавказа: сб. док. – Грозный, 1971. – С. 340.
17. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 2. – Махачкала, 2005.
18. Материалы Всероссийской переписи 1920 г. – М., 1922.
19. Население России в XX в.: в 3 т. – М., 2000. – Т. 1.
20. Османов А.И. Осуществление НЭП в Дагестане 1921–1925 гг. – М., 1978.
21. Омаров О.Ю. Морские ворота Дагестана. – Махачкала, 1973.
22. Революционные комитеты Дагестана и их деятельность по упрочению советской власти и организации социалистического строительства (март 1920 – декабрь 1921 г.). – Махачкала, 1960.
23. Революционные комитеты Дагестана. 2-е изд. – Махачкала, 1961.
24. Современный Дагестан. – Махачкала, 1925.
25. Ханов Х.А. Вклад крестьянских комитетов общественной взаимопомощи в развитие крестьянских хозяйств Дагестана в 1920-е гг. // Вестн. Дагест. гос. ун-та. 2013. – Вып. 4.
25. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). – М., 1928.

Благоустройство города Выборга в послевоенный период

В статье исследуется проблема восстановления коммунального хозяйства и участие населения в благоустройстве города Выборга в послевоенный период (1945–1953 гг.) на основе документов Ленинградского областного государственного архива и материалов периодической печати.

The article explores the problem of communal services restoring and public participation in the improvement of the city of Vyborg in the postwar period (1945–1953) on the basis of documents of the Leningrad regional state archives and periodical materials.

Ключевые слова: жилой фонд, бани, электроэнергия, водоснабжение, центральное отопление, транспорт, санитарная очистка.

Key words: housing stock, public bath houses, electric power, water supply system, central heating, transport, sanitary purification.

В послевоенный период наряду с первоочередным восстановлением промышленных предприятий и сельского хозяйства партия и Советское государство уделяли особое внимание благоустройству городов как важнейшей сфере, в которой создаются условия для здоровой, комфортной, удобной жизни как для отдельного человека по месту проживания, так и для всего социума.

В российской историографии сделаны первые шаги по изучению повседневной жизни в послевоенный период. Появляются исследования, затрагивающие повседневность отдельно взятых городов и регионов России.

Для Карельского перешейка, частью которого является Выборг, характерной особенностью послевоенного периода, как вновь присоединенной территории к Советскому государству в результате Второй мировой войны, являлось его формирование как региона переселенческого. Процесс заселения территорий исследовала Л.В. Геращенко в монографии «Плановое переселение и обустройство советских граждан в приграничных районах Карельского перешейка в 1940–1941, 1944–1953 годах» [6]. Г.И. Большакова в диссертации «Переселенческая политика Советского государства и ее реальное воплощение на Карельском перешейке в 1940–1960 годы» впервые рассмотрела адаптацию и приживаемость советских переселенцев в местах вселения, акцентируя внимание на жизни рядового человека-переселенца [1].

В целом проблемы послевоенного восстановительного периода региона получили освещение в исследованиях и литературе, но вопросы возрождения коммунального хозяйства Выборга специально не рассматривались или затрагивались поверхностно.

Восстановительные работы в Выборге в 1944 г., по мнению Г.И. Большаковой, начались не с нуля, а продолжали намеченные перспективы развития после присоединения региона в результате советско-финляндской войны 1939–1940 гг., военные действия в ходе которой повлекли за собой серьезные разрушения города. В исследовании «Выборг советский: из истории становления и развитие города в 1940-е годы» Г.И. Большакова пришла к выводу, что к концу 1940 – началу 1941 г. работы по благоустройству в основном были закончены [2]. Однако в результате боевых действий в 1944 г. Выборг подвергся вторичному разрушению. Основательное заселение и восстановление началось только после вхождения города в состав Ленинградской области, с окончанием Великой Отечественной войны. Как вновь присоединенный и стратегически важный пункт Выборг обеспечивался трудовыми ресурсами прежде всего для промышленных предприятий, подлежавших восстановлению и введению в действие в первую очередь.

Для благоустройства города Наркомхозу СССР постановлением СНК СССР от 22 апреля 1945 г. «О мероприятиях по восстановлению хозяйства г. Выборга» предписывалось выделить 250 тыс. р. [26]. Решением облисполкома от 22 мая 1945 г. за восстановление городского хозяйства по 25 пунктам в порядке солидарной ответственности с исполкомом Выборга отвечали руководители отделов «Облжилкоммунотдела». Однако «помощь в обеспечении инструментами, механизмами, материалами была незначительной, а ... тов. Карагин стремится скорее вывезти что-нибудь из Выборга, а не помочь ему» [19. Л. 10]. Кроме того, население города формировалось преимущественно из демобилизованных военнослужащих и реэвакуантов. «Демобилизованные воины при устройстве на работу действуют по собственному выбору, и, как правило, берут наряды в соответствии со своими специальностями» [9]. Поэтому в первые два-три года послевоенного периода восстановление городского хозяйства задерживалось рядом взаимосвязанных проблем, которые негативно отражались на жизненных условиях, комфорте людей и которые приходилось решать местной власти и силами самого населения.

В послевоенном Выборге было разрушено две трети довоенного жилого фонда. Оказывая помощь в выполнении плана по восстановлению и строительству, в мае 1945 г. областной совет депутатов трудящихся направил в Выборг 130 чел. рабочих, из которых

«... 15 человек дезертировало, ... до 20 человек систематически работают на подсобном хозяйстве, 30 на создании собственной базы (ремонт общежитий, в мехмастерских). Непосредственно на строительных работах занято 60 человек из требующихся 600 человек» [21. Л. 11].

Медленно восстанавливались дома с центральным отоплением, водопроводом и канализацией, подлежащие капитальному ремонту. Запланированные работы на первое полугодие 1945 г. на сумму 104 тыс. р., организацией «Облсантехмонтаж», состоящей из 28 чел., были выполнены лишь на 69 % [13. Л. 1]. «Имеющийся один технический работник в лице т. Разумейко, который проводит больше 50 % времени в Ленинграде, не обеспечивает выполнение работ. ... Малоквалифицированные рабочие предоставлены сами себе. Вместо того чтобы работать на закрепленных объектах по титулу, они систематически занимались халтурой, работали на стороне» [20. Л. 17].

Недостаточная обеспеченность жильем препятствовала решению вопроса о привлечении в город специалистов и квалифицированных рабочих. «Я старый строитель. Приехал в Выборг, чтобы строить его и учить молодых строителей. ... Хожу, шестой день и не могу добиться, чтобы дали мне квартиру. Если помогут устроиться с квартирой, то все свои силы отдам на восстановление города», – заявил Шабанов на общегородском собрании строителей 18 мая в 1946 г., на котором были приняты социалистические обязательства по досрочному выполнению плана годовой строительной программы [15].

Отсутствие у специалистов чертежей и схем коммуникаций, вывезенных финнами перед отступлением, затрудняло восстановление коммунального хозяйства Выборга, которому были нанесены большие повреждения в части подземных сетей, особенно на наиболее важных участках. Наркомату путей сообщения СССР предписывалось «ввести в эксплуатацию водонапорную башню и насосную станцию до 1.06.1945 года» [26]. Восстановление водопроводно-канализационного хозяйства началось еще в 1944 г., и производительность водопровода в 1946 г. достигла 85 % от производительности 1937 г. Плата за пользование водой из городского водопровода и за спуск сточных вод в городскую канализацию была утверждена в размере 90 к. за 1 куб. м, а владениям, располагающим собственными источниками водоснабжения, за спуск отточных вод в городскую канализацию – 30 к. за 1 куб. м спущенной воды. Во всех домохозяйствах должны были быть установлены водомеры [21. Л. 9].

Капитальные работы, как основа улучшения работы сети, в дальнейшем выполнялись очень медленно и составили всего 11,4 % от годового плана 1946 г. Трест «Водоканал» не справлялся с задачами нормального водоснабжения города, и часть жилого фонда не была обеспечена водой: «вода, как правило, выше второго этажа не подается, жильцы, начиная со второго этажа, лишены возможности пользоваться уборными, частые аварии приводят к прекращению подачи воды вообще» [21. Л. 9].

В зимнее время проблемы водопроводно-канализационного хозяйства возникали не только с неудовлетворительной подготовкой домов к зиме, но и с недостаточной обеспеченностью дровами. Исходя из нормы заготовки дров на 1 чел. 2 куб. м, потребность в рабочей силе составляла 250–300 чел. при 150 рабочих днях [17. Л. 4]. Кроме того, вывоз дров из леса затруднялся нехваткой транспорта, недостатком горючего: «проделано лишь 76 рейсов вместо минимального количества 124, вывезено дров 427 куб. м вместо возможных 744 куб. м» [17. Л. 54]. Недостаток дров для отопления выводил из строя систему центрального отопления, водопровода и канализации, трубы замерзали и ломались от мороза. Местная газета «Выборгский большевик» публиковала корреспонденции о проблемах жильцов: «в доме № 3 по Выборгской улице с начала зимы нет воды. Придя с работы, жильцы с ведрами в руках ходят по городу. Из залива воды взять нельзя – морской порт не пускает, а ближе водоразборных колонок нет» [24]. «В доме № 8 по улице Айно вот уже месяц, как, по неизвестным причинам, вода перестала поступать, и паровое отопление вышло из строя» [11]. «Некоторые жители из опасения замерзнуть, устанавливали печи-временки. Работники пожарной охраны из-за отсутствия дымоходов в домах, требовали убрать печки и заплатить штраф 100 рублей. Переключиться на электроэнергию тоже было невозможно – энергосбыт выключит вас за перерасход энергии» [8].

В 1945 г. в критическом состоянии находилось и банно-прачечное хозяйство, что усугубляло санитарное состояние города, отрицательно влияло на здоровье и комфорт населения. В 18 имевшихся гражданских общежитиях, «у проживающих в большинстве имеется вшивость, как-то: общежитие ОСМУ – проживает 100 чел., вшивость 60 %, сетевязальная фабрика – проживает 80 чел, вшивость 40 %» [18]. Во избежание вшивости рабочие вечерами снимали с себя белье и прожаривали его на плите. Из-за отсутствия прачечной белье вынуждены были стирать сами в общежитии, а пока стирали и сушили белье некоторые ходили в верхней одежде без белья [6, с. 209].

После поступления в первом полугодии 1945 г. 215 тыс. р., на капитальные работы, «Ремстройконторой» горкомхоза было отремонтировано котельное хозяйство, восстановлено горячее и холодное водоснабжение, отопление, отремонтированы краны, изготовлены скамьи. Всего работ было выполнено «на 37 тыс. руб., или на 17 %» [13. Л. 2]. Механическая прачечная к работе была готова на 60 % из-за неотремонтированного сушила.

В октябре 1945 г. в эксплуатацию были сданы две бани. Однако в дальнейшем меры по улучшению работы и эксплуатации бань не принимались, и в бане № 1 была заморожена и выведена из строя отопительная система [17. Л. 53]. Население обслуживалось одной баней, и «попасть в баню могут только некоторые счастливицы. А я, видно, несчастлив. Три дня ходил туда, но ни разу помыться не смог. Нет воды, нет дров, нет света», – сетовал Н.П. Лебедев в газете «Выборгский большевик» [12].

Непорядок и запущенность в работе горкомхоза вызывали у населения чувство досады. На второй городской партконференции по отчету горкома заведующий горкомхозом тов. Димов не без горького юмора признался: «если промышленность и культура Выборга идут вперед крупными шагами, то горкомхоз семенит где-то сзади всех мелкими шажками» [25].

Наиболее пострадавшей частью в городском хозяйстве оказались электросети. Разрушенные здания таили в себе поврежденные электрические щиты, находившиеся под напряжением. «Расчищать завалы приходилось постепенно и с большой осторожностью. Все разрушенные места были огорожены» [23]. В 1945 г. контора «Энергосбыт» не была укомплектована кадрами. В июле приняли группу из 18 чел., «молодежь от 15 до 20 лет. ... Все они были направлены на учебу: 4 – в высоковольтный район, где проходили теорию и практику. ... Из этой группы отсеялись 5 человек (2 арестованы, 3 самолично уехали), 6 должны 1 сентября уйти в армию. Остаются 7 человек, которые имеют низкую грамотность и малолетность от 15 до 17 лет», – докладывала директор конторы А. Куркова председателю Выборгского городского исполкома депутатов трудящихся А.Е. Пудову [6, с. 205].

Нужды действующих городских предприятий – молокозавода, хлебокомбината, пивзавода, кондитерской фабрики, обеспечивали уцелевшие 82 трансформаторные подстанции общей мощностью 10,5 тысяч кВт. Недостаток электроэнергии вынуждал строжайше лимитировать ее и отключать от сети потребителей. «Электрическое освещение настолько плохо светит, что требуется зажигать керосиновую лампу. Имеющиеся радиоприемники из-за слабого напряжения бездействуют» [8]. «В этих условиях самая жесткая

экономия должна стать непреложным законом», – писал «Выборгский большевик» [7]. Однако «в доме № 12 по Крепостной улице (управдом Петров) самовольно включали пилу для резки дров, электроплитки и утюги. ... Управхоз дома № 38 по Морской набережной т. Петрусев живет и днем с огнем. Лампочки на лестницах горят у него круглосуточно» [12]. Нарушали предписанный режим пользования электроэнергией предприятия и учреждения: «в магазине горторготдела и железнодорожного ОРСа свет не выключается по целым суткам. Без надобности горит по ночам свет в почтампе. ... Перерасходовал установленный лимит железнодорожный узел, морской торговый порт, мелькомбинат, хлебозавод и др. предприятия» [11].

С целью упорядочения пользования электроэнергией был установлен график ежесуточной подачи, который предполагал включение электроэнергии в 16.00 ч и 06.00 ч, отключение – в 01.00 ч и 09.00 ч [32]. От самовольного включения света жильцами управхозы обязаны были обеспечить охрану рубильников. При установленном минимальном лимите суточного потребления электроэнергии в домах без очагов для приготовления пищи – 65 квт. ч, при наличии очагов – 15 квт. ч на семью [22. Л. 135], пломбировались розетки и запрещалось использовать индивидуальные электроплитки и другие нагревательные приборы.

Устраняя такие неполадки, как ««из дома № 2 по Выборгской улице унесли домовый щит, и дом остался без света. Во многих домах домовые щиты не закрываются, и копаются в них все, кому не лень» [27], работники «Электросети» «своим стахановским» трудом прилагали все усилия, чтобы бесперебойно работали не только промышленные предприятия, но и обеспечивались нужды населения.

Содержание Выборга в чистоте являлось задачей конторы предприятий коммунального обслуживания, с которой она не справлялась. Уборочная площадь мест общего пользования составляла «только в центре города и на основных магистралях 206 тысяч кв. м. Исходя из норм уборочной площади на 1-го человека в 2000 кв. м. требуется 100 человек. Этот штат полностью отсутствовал» [17. Л. 54]. Кроме того, в городе не хватало мусороприемников и приемников нечистот, транспорта для вывоза мусора. На площади между госпиталем восстановительной хирургии и больницей была устроена незаконная свалка мусора и нечистот. Дворы и чердаки помещений были завалены мусором, подвальные помещения залиты нечистотами и водой. «В доме № 8 по проспекту В.И. Ленина из-за мусора второй двор почти на метр выше первого. По Крепостной улице в доме № 47/49 уже не хватает места во дворе, куда сваливать мусор. Подобная же картина во дворе дома № 33/35 по улице

Кутузова и многих других» [3]. Низкий уровень культуры позволял жильцам дома №8 по проспекту В.И. Ленина «из окон балконов выливать во двор помои, выбрасывают мусор» [3]. Управхозы не спешили навести порядок во дворах и не беспокоились об очистке своего домохозяйства [21. Л. 12]. Руководители некоторых учреждений не принимали никаких мер по очистке территорий улиц и площадей, закрепленных за ними решением исполкома от 12 декабря 1945 г. Загрязнены были дворы завода сельхозмашин, школ колхозных счетоводов, животноводов, механизаторов, райпотребсоюза и др. Пекарню ОРСа железной дороги устроили в самой середине разрушенных домов, исключительно засоренных и загрязненных. Подвалы, второй и третий этажи представляли сплошную свалку нечистот, уборные [4].

Выражая беспокойство за санитарное состояние города, госсанинспектор В. Вершинин 1 февраля 1946 г. обратился к руководителям учреждений, домохозяйств, предприятий с тем, чтобы не откладывали очистку своих объектов, «пока есть возможность скалывать нечистоты, увозить их в замороженном виде и не дожидаться весны, когда вместо простых саней потребуются бочки» [4]. По решению горисполкома и ГК ВКП (б) 7 апреля 1946 г. был проведен общегородской воскресник по уборке и наведению порядка во всем городе.

В начале этого же года были вывешены наименования улиц и нумерация домов, освещены центральные улицы города, установлены громкоговорители на площадях Суворова, Кутузова и Базарной. С 5 мая началось автобусное движение. В сентябре, с появлением пяти маршрутов, была снижена стоимость проезда. Автобусов не хватало, и на линии иногда выпускались обычные грузовики с сиденьями [5].

С пуском трамвая 22 сентября 1946 г. улучшилась связь центра города с рядом окраин. Несмотря на то что восстановительные работы частично разрушенного трамвайного хозяйства проводились в основном вручную, без автомобильной техники, при помощи вагонеток и рельсового пути, трамвай был пущен раньше намеченного срока. Ежедневно 6 вагонов, курсировавших по двум маршрутам без соблюдения графика, перевозили до 7 тыс. пассажиров [5]. Выборг стал единственным городом Ленинградской области, где ходил трамвай.

Призывая все население включиться в работу по благоустройству города, в мае 1946 г. коллективами паровозного депо и портовиков было предложено внеурочное время отработать по 10 ч. на благоустройство в месяц каждому, а квалифицированную рабочую силу – водопроводчиков, канализаторов, слесарей, плотников и др.

использовать по специальности. Эта инициатива положила начало широкому народному движению за красивейший и благоустроенный город Ленинградской области.

К 1947 г. были проведены значительные работы по благоустройству Выборга. Однако не был восстановлен парк им. Ленина, «дороги требовали значительного ремонта, на торцах зданий имелись вывески и рекламы на финском языке, наружное оформление магазинов было случайное, без увязки с архитектурой здания и многое другое» [14. Л. 4]. На заседании исполкома Выборгского горсовета депутатов трудящихся от 28 марта 1947 г. по вопросу «Об участии населения и предприятий в благоустройстве города» было принято решение о восстановлении парка имени Ленина, разбивке газонов, цветочных клумб и необходимом количестве цветов, посадке кустов и деревьев общим количеством не менее 1000 штук, ремонте дорожек [14. Л. 4 об.]. Руководители организаций и предприятий, находившихся в центральной части города, должны были снять все проволочные ограждения, капитально отремонтировать и окрасить заборы, ворота, заложить находившиеся на первом этаже оконные и дверные проемы зданий, взятые на восстановление. Руководители торгующих организаций и предприятий местной и кооперативной промышленности должны были застеклить витрины, вымыть окна, окрасить рамы, двери арендуемых помещений и обеспечить культурное оформление витрин и вывесок. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 07.01-41 и указаниями Министерства финансов СССР от 1 июля 1947 г. за № 485 на жилищно-культурно-бытовое строительство и благоустройство Выборга с 1947 г. стали поступать отчисления в размере 25 % от прибылей местной промышленности («Горпромкомбината» и «Горпищеккомбината»).

В 1947 г. Выборг стал участником социалистического соревнования городов и районов Ленинградской области на лучшее проведение работ по благоустройству и восстановлению жилищно-коммунального хозяйства. По результатам первого квартала победителем был признан трест «Водоканализация», получивший переходящее Красное Знамя Выборгского горсовета. Лучшие участники были занесены на Городскую Доску Почета.

На основании постановления СНК СССР «О мероприятиях по восстановлению Выборга» от 22 апреля 1945 г. и решения исполкома Выборгского горсовета депутатов трудящихся с июня 1945 г. в порядке отработок к восстановительным работам привлекалось все трудоспособное население (не более 8 ч в месяц). Благоустройство и санитарная очистка города проводились лишь в порядке кампаний силами населения. «... По состоянию на 15.VII.1945 года было отра-

ботано 51 тысяча чел./час», заготовлено 423 тыс. кирпичей, заложено проемов 1383 кв. м, установлено 274 м забора, убрано 7238 кв. м мусора, расчищено 2875 кв. м площадок, произведено озеленение в количестве 600 кустов [16. Л. 24]. На восстановлении школ было отработано 6000 ч [16. Л. 25]. Квартиросъемщиками отремонтировано 4 дома общей жилплощадью 4918 кв. м [13. Л. 2]. Съемщики жилых помещений и проживающие в квартирах лица привлекались к массовому участию в выполнении работ по подготовке домохозяйств к зиме: остекляли лестничные клетки, утепляли дома и трубы, очищали дворовые канализационные колодцы. В зимнее время силами жильцов отогревали замерзшие от мороза трубы.

Жители Выборга приложило немалые усилия для благоустройства и развития коммунального хозяйства. К 1948 г. последствия войны в городском хозяйстве города в основном были ликвидированы в результате напряженного тяжелого труда населения и помощи страны.

Список литературы

1. Большакова Г.И. Переселенческая политика Советского государства и ее реальное воплощение на Карельском перешейке в 1940–1960 годы: автореф. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2010. – URL: <http://www.dissercat.com/> (дата обращения: 08.12.2013).
2. Большакова Г.И. Выборг советский: из истории становления и развития города в 1940-е годы // Вестн. Удмурт. ун-та. – Вып. 2. – 2009. – С. 71–85.
3. Бутузов, Корович, Унгер, Лейкина. Свалки мусора во дворах. Рейд газеты «Выборгский большевик». – 1946. – 20 марта.
4. Вершинин В. Пора браться за очистку города // Выборгский большевик. – 1946. – 1 февр.
5. Выборгский трамвай. Наш транспорт. URL: <http://forum.nashtransport.ru/> (дата обращения: 29.11.2013).
6. Геращенко Л.В. Плановое переселение и обустройство советских граждан в приграничных районах Карельского перешейка в 1940–1941, 1944–1953 годах. – СПб., 2011.
7. За строжайшую экономию электроэнергии // Выборгский большевик. – 1946. – 24 февр.
8. Исакова. Где можно обогреться? // Выборгский большевик. – 1946. – 25 янв.
9. К мирной жизни // Выборгский большевик. – 1946. – 25 мая.
10. Куликова, Платонова, Русакова, Иванова и др. В доме холодно // Выборгский большевик. – 1946. – 20 янв.
11. Куркова А.А. Когда не берегут ток // Выборгский большевик. – 1946. – 26 февр.
12. Лебедев Н.П. Когда будет работать баня? // Выборгский большевик. – 1946. – 27 февр.
13. Ленинградский областной государственный архив в городе Выборге (ЛОГАВ). – Ф. Р-205. – Оп. 1. – Д. 6.
14. ЛОГАВ. – Ф. Р-241. – Оп. 1. – Д. 10.
15. ЛОГАВ. – Ф. Р-437. – Оп. 2. – Д. 20.

16. ЛОГАВ. – Ф. Р-437. – Оп. 2. – Д. 21.
17. ЛОГАВ. – Ф. Р-437. – Оп. 2. – Д. 35.
18. ЛОГАВ. – Ф. Р-437. – Оп. 2. – Д. 40.
19. ЛОГАВ. – Ф. Р-437. – Оп. 2. – Д. 44.
20. ЛОГАВ. – Ф. Р-437. – Оп. 2. – Д. 48.
21. ЛОГАВ. – Ф. Р-437. – Оп. 2. – Д. 53.
22. ЛОГАВ. – Ф. Р-437. – Оп. 2. – Д. 54.
23. Леонид Булычев. Дневники Победы. Ленэнерго. – URL: <http://www.lenenergo.ru> (дата обращения: 29.11.2013).
24. Макарова. Где взять воду? // Выборгский большевик. – 1946. – 3 марта.
25. На городские темы. Еще раз о банях // Выборгский большевик. – 1947. – 18 февр.
26. О мероприятиях по восстановлению хозяйства г. Выборга: постановление СНК СССР от 22 апреля 1945 года № 822.
27. Работа коллектива «Энергосбыт» // Выборгский большевик. – 1947. – 30 июня.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ

УДК 94(47):316.356.2:28-335

Р.К. Адыгамов

Богословский аспект межэтнических и межконфессиональных браков в трудах мусульманских мыслителей

С глобализацией резко обострилась проблема сохранения этнической и конфессиональной самобытности. Однако проблема не является новой: на протяжении многих веков она волновала умы мусульманских мыслителей. Один из её аспектов – межнациональные и межконфессиональные браки.

Globalization sharply aggravated a problem of preservation of ethnic and confessional originality. However, the problem isn't new: it excited minds of Muslim thinkers throughout the centuries. One of the aspects of this problem is the aspect of international and interfaith marriages.

Ключевые слова: межконфессиональный брак, межнациональный брак, этнос, конфессия, самобытность, шариат.

Key words: interfaith marriage, international marriage, ethnos, faith, originality, sharia.

Институт семьи является одним из величайших феноменов человеческой цивилизации, на котором зиждется социум. Семья подобна небольшим кирпичикам, из которых выстраивается здание. Неслучайно в советское время существовал лозунг: «Семья – ячейка общества», а Цицерон в свое время утверждал: «Брачный союз – первая ступень человеческого общества». Все великие умы человечества понимали важность этого института, его сохранности, прочности, целостности. Чем крепче семья, тем здоровее человеческое общество, и наоборот, чем слабее семья, чем ниже ее статус в обществе, тем ближе это общество к своему краху.

Однако, как известно, наше человеческое общество неоднородно, оно представлено различными этническими и социальными группами, которые постоянно взаимодействуют между собой. Данное взаимодействие не всегда имеет однообразный и постоянный характер: за периодами добрососедских, взаимовыгодных экономических отношений следовала конкуренция за природные ресурсы, которая сменялась войнами, за которыми вновь наступали периоды

стабилизации. В основе этих взаимоотношений находятся личные амбиции, экономические, политические интересы, а также этноконфессиональные различия. Этнические и конфессиональные группы всегда стремились сохранить свою самобытность, обеспечить гарантию своего сохранения посредством владения большим количеством территорий и природных ресурсов. Соответственно, все эти процессы сопровождались усилением и ослаблением замкнутости этих социальных групп. Если малочисленные этносы и конфессии, имеющие небольшие территории или вообще лишенные государственности, зачастую стремились быть обособленными, замыкались в себе, что позволяло им сохранить свою этноконфессиональную самобытность, то многочисленные этноконфессиональные группы обычно были открыты, поскольку угроза их исчезновения отсутствовала.

Также на межэтнические и межконфессиональные взаимоотношения влияла политическая ситуация в мире, которая приводила к значительным миграциям целых народов. Как известно, население Евразии в значительной степени сформировалось под влиянием миграций, происходивших в течение последних двух тысяч лет. Примерами таких миграций служат великое переселение народов в Европе (IV–VII вв.), миграции, произошедшие под влиянием арабских завоеваний (VII–VIII вв.), экспансий монголов (XI–XVI вв.). Так, эпоха Великих географических открытий (середина XV – середина XVII в.) дала толчок широкому распространению миграций между континентами, главным образом, из Европы в другие части света, прежде всего в Америку и Австралию. В XX в. темпы миграции не замедляются. В первую очередь следует отметить огромные перемещения населения, связанные с двумя мировыми войнами. Затем переселение более 16 млн чел., вызванное разделом Индии на два независимых государства – Индию и Пакистан. Также к этой категории относятся миграции, связанные с переселением в Израиль евреев, бегством и выселением оттуда арабов и т. д. В то же время все еще актуальны переселения по причинам экономического характера, например, большое влияние на ускорение миграционных процессов оказало стремительное развитие транспортного сектора экономики. Кроме того, нельзя умалять роль Интернета, оказывающего мощное влияние на усиление и активизацию процессов межконфессионального и межнационального взаимодействия и глобализацию. Все это еще более обострило проблему сохранения этноконфессиональной самобытности современных народов и обнажило целый ряд смежных проблем. В частности, одна из актуальных проблем современности – межнациональные и межконфессиональные браки. Интересен исторический опыт ее

разрешения, существующий у всех мировых этносов и конфессий [6]. Однако в рамках одной статьи сложно отразить все богатейшее наследие человеческой цивилизации, поэтому хотелось бы подробнее рассмотреть ее богословский аспект на примере трудов мусульманских мыслителей.

Целесообразно данную проблему разделить на две составляющие: браки межэтнические и межконфессиональные.

Что касается межэтнических браков, то мусульманские богословы этот вопрос обходят стороной. Он не был для них актуальным в связи с тем, что коранический текст провозгласил: «О люди! Воистину, Мы создали вас мужчинами и женщинами, сделали вас народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга, ибо самый уважаемый Аллахом среди вас – наиболее благочестивый» (49:13). Таким образом, высшей ценностью человеческой личности было объявлено благочестие, а проблема принадлежности супругов к различным этническим группам решалась цитатой Корана – «чтобы вы узнавали друг друга». В некоторых ханафитских источниках встречалось положение о том, что отец имеет право подать иск о признании самовольного брака дочери недействительным в том случае, если между супругами отсутствует равенство «куф'». Это условие может трактоваться по-разному, но зачастую под равенством подразумевалась принадлежность обоих супругов к одному и тому же социальному слою. В целом мусульманские мыслители данную проблему в богословском аспекте вообще не рассматривали, однако некоторые из них указывали на нее, оценивая ее как угрозу этнической самобытности. В частности, известный татарский мыслитель М. Бигиев в одном из своих трудов сокрушался о том, что женщины татарки стали часто выходить замуж за европейцев, русских, турков, азербайджанцев, персов, и по этой причине покидать свою Родину, что в итоге приводило к уменьшению численности татар и их ассимиляции с другими народами.

Вопрос о межконфессиональных браках для мусульманских богословов был весьма актуальным, поскольку хадис Пророк Мухаммада провозглашает: «Кому Аллах даровал праведную супругу, тому Он помог в сохранении половины веры...». Следовательно, если один из супругов иной веры, то есть опасность влияния, в результате которого он может отказаться от своей веры. Также шариат требует, чтобы ребенок-мусульманин изначально получал религиозное воспитание. Несмотря на то что обязанность его воспитывать непосредственно возлагалась на родителей, это также считалось и заботой общества, гражданином которого он становился впоследствии.

Анализ основных источников ислама позволяет сделать вывод о том, что айаты Корана однозначно запрещают браки между мусульманами и язычниками: «Не женитесь на многобожницах, пока они не уверуют. Несомненно, верующая невольница лучше [свободной] многобожницы, если даже та и нравится вам. Не выдавайте [дочерей] замуж за многобожников, пока они не обратятся в веру. И, конечно, верующий раб лучше [свободного] многобожника, хотя бы он и нравился вам. Многобожники зовут к адскому огню, а Аллах зовет вас в рай и к прощению со Своего соизволения и разъясняет Свои аяты людям, – может быть, они поразмыслят» (2:221). В связи с этим в трудах исламских мыслителей мы также видим однозначную оценку подобного брака, который с точки зрения шариата считается нелегитимным. В известном труде по ханафитскому праву «Мухтасар ал-кудури» сказано: «...запрещается женитьба на зороастрийках и язычницах...» [3, с. 145].

Точно так же священные тексты категоричны в отношении брака между мусульманкой и любым немусульманином, вне зависимости от конфессиональной принадлежности. В Коране по поводу такой ситуации ясно сказано: «И ни за что Аллах не дарует неверным власть над верующими» (4:141). Семья в исламе имеет преимущественно патриархальный уклад, женщина в семье отца живет под его покровительством, властью и заботой, а после заключения брака она переходит под покровительство мужа. И если муж является иноверцем, то мусульманка оказывается под властью неверующего, что, согласно вышеприведенному айату, недопустимо. Кроме того, айат Корана провозглашает: «О вы, которые уверовали! Остерегайтесь вместе с вашими семьями огня, топливом для которого служат люди и камни», из чего следует, что на мужа в семье налагается обязанность контролировать соблюдение требований шариата, обеспечение жене и детям религиозного образования. Муж иной веры, по мнению мусульманских мыслителей, в этом не заинтересован. Также, согласно хадисам, он несет ответственность за свою семью перед Аллахом в Судный день. Иноверец же, с точки зрения шариата, не может нести такую ответственность, поскольку не обладает верой, соответствующей исламскому вероучению.

Что касается случаев, когда мусульманин женится на иудейке и христианке, то такой брак, согласно Корану, легитимен. Один из айатов провозглашает: «Сегодня дозволены вам прекрасные яства. Пища людей Писания дозволена вам, а ваша пища дозволена им. Целомудренные женщины из уверовавших и целомудренные женщины из числа тех, кому было даровано Писание до вас, [дозволены вам для женитьбы], если вы уплатите выкуп за них» (5:5).

Однако не все исламские мыслители трактовали данный аят однозначно и буквально. В частности, одним из первых задумался о проблеме подобного брака второй праведный халиф 'Умар ибн ал-Хаттаб. Узнав, что большое число сподвижников пророка Мухаммада женилось на иудейках и христианках, он велел им развестись с ними. На вопрос Хузайфы ибн ал-Йамана о причине подобного указа 'Умар ответил: «Я опасюсь, что вы начнете жениться на распутных». Вторым аргументом халифа было беспокойство о том, что большое число мусульманок останется незамужними [5, с. 714–716]. Традицию запрета подобного брака продолжил 'Абдалла ибн 'Умар, сын халифа, однако его аргументация была совершенно иной, свои правовые выводы он строил на своем понимании понятия «многобожник». Ибн 'Умар ссылаясь на коранический аят, приведенный выше, в котором, сказано: «Не женитесь на многобожницах, пока они не уверуют» (2:221) и пояснял его: «Я не знаю большего язычества, чем слова женщины о том, что ее господом является Иисус». Его вторым аргументом был аят: «О вы, которые уверовали! Не вступайте в дружбу с Моим врагом и вашим врагом» (60:1). По мнению Ибн 'Умара, брак с иноверкой был одним из проявлений дружбы с врагами Аллаха [4, с. 536]. Имам ат-Табари в своем тафсире, касаясь проблемы терминологических разногласий между мусульманскими мыслителями, указывал, что мусульманские мыслители термину «многобожник» дали различное определение: одни относили к этой категории только арабских язычников, другие считали, что подразумеваются все, кроме иудеев и христиан, а третьи, наоборот, включили их в эту категорию [5, с. 711].

Таким образом, при обращении к классическим источникам по исламскому праву мы обнаруживаем различия в позициях богословов по этому поводу. Поясняя фразу «Допускается женитьба на обладательницах писания», автор ал-Фатх ал-Кадир писал: «Однако предпочтительнее, чтобы он не женился на ней и не употреблял мясо животного, забитого обладателем писания, кроме как в вынужденной ситуации». Нежелательной (макрух) считается женитьба на обладательнице писания, страна которой находится в состоянии войны с мусульманами. Ведь у него появляется соблазн остаться в ее стране, доверив своих детей на воспитание неверующим, а также опасность их пленения и продажи в рабство. Обладателем писания считается тот, кто верит в пророка и признает писание. По этой причине самаритяне относятся к иудеям, а те, кто признает Давида и Псалтырь, Ибрахима и его свитки – к обладательницам писания, и брак с ними разрешен. Однако в «ал-Мустасфа» сказано: «Такой брак дозволен только в том случае, если они не признают боже-

ственную сущность Иисуса, в противном случае, этот брак запрещен» [7, с. 218–219].

Данная проблема волновала и известного татарского богослова Ш. Марджани, который посвятил ей отдельный трактат «Тазкират ал-муниб би ‘адам тазкиййат ахл ас-салиб». Марджани анализировал христианское вероучение и приходил к выводу о том, что православие является одним из видов многобожия. В частности, он писал: «Христианская религия зиждется на пяти основах, которые они вывели из четырех известных Евангелий. В своем большинстве они единогласно придерживаются этих основ, и лишь небольшая часть христиан не признает их. Они веруют в троицу, во вселение ипостаси сына в чрево Марии, самопожертвование Иисуса, распятие и умерщвление и исповедь перед священником, где они каются во всех совершенных грехах. Все это является многобожием и неверием» [8. Л. 18 б]. Еще одну причину многобожия христиан Марджани видел в бездумном следовании авторитету христианского духовенства. В качестве аргумента он приводил предание о беседе пророка Мухаммада с вождем христианского племени ‘Ади ибн Хатимом. На возражение ‘Ади: «Они же не поклоняются своим священникам», пророк Мухаммад ответил: «Они объявили запретным разрешенное и разрешили запретное, их народ последовал их мнению, в этом и заключается их поклонение» [8. Л. 13б]. Однако Ш. Марджани не считал, что запрещены браки со всеми христианками абсолютно, он указывал: «Нет сомнения в том, что пища обладателей писания и женитьба на их женщинах является дозволенной в том случае, если отрицают троицу и божественную сущность Марии и Иисуса» [8. Л. 13а–13б]. Подводя итог, можем сделать вывод, что Ш. Марджани не был абсолютным противником межконфессиональных браков: его позиция заключалась в том, что если убеждения христианки совпадают с учением о единобожии в исламе, то брак с ней допустим. В некоторых классических исламских трудах по праву авторы подобного разделения не делали, например в «Мухтасар ал-кудури» сказано: «...допускается женитьба на обладательницах писания...» [3, с. 145].

И наконец, последняя проблема, связанная с межконфессиональным браком, затрагивает те случаи, когда в изначально иноверческой семье один из супругов принимает ислам. В Коране данная проблема поднимается в связи с мусульманками, бежавшими из Мекки в Медину. Аят провозглашает: «О вы, которые уверовали! Когда к вам прибывают на жительство верующие женщины из [Мекки], то подвергайте их испытанию, [хотя] Аллах лучше знает, какова их вера. Если вы убедитесь, что они верующие, то не возвращайте их к неверным, ибо неверным не дозволено [жениться] на

них, а верующим женщинам не дозволено выходить замуж за неверных. Возвращайте им то, что они потратили [на калым]. На вас нет греха, если вы женитесь на них после уплаты того, что им полагается» (60:10). Как видим, аят повелевает вернуть язычникам ту сумму махра, которую они выплатили при вступлении в брак, после чего объявляет разрешенным брак с этими женщинами. Однако в данном аяте не оговариваются сроки расторжения брака, в связи с чем в хадисах приводятся различные примеры решения данного вопроса. Например, Зайнаб, дочь пророка Мухаммада, приняла ислам и также бежала из Мекки, а ее муж остался язычником. Они в течение шести лет продолжали жить порознь, до тех пор, пока муж не переехал в Медину, где принял ислам. Есть также и другие примеры, когда женщины после взятия Мекки принимали ислам, а их мужья еще два-три месяца оставались язычниками.

Мусульманские мыслители относительно данной проблемы высказали различные точки зрения. Наиболее полное и обширное исследование этих вопросов принадлежит известному богослову Ибн ал-Каййиму ал-Джавзи. В своем исследовании он раскрывал девять различных точек зрения на данный вопрос. Каждая точка зрения имеет свои особенности, но в целом их можно объединить в три большие группы. По словам Ибн ал-Каййима, часть богословов, к которым отнесены 'Умар ибн ал-Хаттаб, Джабир ибн 'Абдалла, 'Абдалла бин 'Аббас, Са'ид ибн Джубайр, 'Умар ибн 'Абд ал-'Азиз, Хасан ал-Басри, высказалась в пользу того, что в данном случае брак расторгается мгновенно. Однако часть богословов этой группы считала, что есть разница между супругами, живущими в исламском государстве и живущими на чужой территории (дар ал-харб – «территория войны»). В первом случае, супругу-иноверцу предлагается принять ислам, и в случае его отказа, брак расторгается мгновенно, а в случае принятия ислама – семья сохраняется. Во втором случае, по мнению богословов, если жена, приняв ислам, переехала в исламское государство, брак считается расторгнутым. Если осталась, то брак расторгается после завершения ее 'идды [1, с. 642–643], если муж не принял ислам в этот промежуток времени. Данное мнение Ибн ал-Каййим приписывал Абу Ханифе и его ученику Мухаммаду. Другая группа богословов делала различие между ситуацией, когда первой ислам принимает женщина и когда первым это делает мужчина. Согласно их мнению, в первом случае брак расторгается мгновенно, во втором случае он расторгается после завершения срока 'идды, если жена не примет ислам. Третья группа мыслителей считала, что брак расторгается только по решению представителя государственной администрации (султана). Часть богословов этой группы высказывала мнение, что султан выносит решение в зави-

симости от желания самой женщины. Сам Ибн ал-Каййим считал, что брак остается действительным, срок его расторжения не устанавливается, на муже сохраняется обязанность содержать жену, но до принятия ислама мужем интимная близость между супругами не допускается.

Данный вопрос в наше время приобрел еще большую значимость. Это связано с проблемой миграции мусульман в Россию, европейские страны, США, Канаду и др., а также с процессами глобализации и развития СМИ. Во многих регионах мира ислам принимают представители этносов, которые раньше были далеки от исламской традиции. Подобная ситуация активизирует изыскания современных богословов и мыслителей и является одной из ключевых тем, обсуждаемых на богословских конференциях.

Большое внимание данной проблеме уделил известный богослов Ю. ал-Кардави. В своей книге «Фи фикх ал-аклиййат ал-муслима» он говорил о том, что одним из первых современных мыслителей, высказавших идею о допустимости сохранения брака, в случае если женщина приняла ислам, являлся известный суданский богослов Хасан ат-Тураби [2, с. 105]. Сам ал-Кардави довольно подробно останавливался на проблеме межконфессионального брака, рассматривал допустимость браков между мусульманами и атеистами, язычниками, вероотступниками, бахаитами, христианами и иудеями. Как и все богословы, ал-Кардави считал, что брак между мусульманкой и представителями вышеперечисленных идейных течений и конфессий изначально недопустим. В то же время он допускал брак между мусульманином и иудейкой или христианкой, причем не упоминал каких-либо ограничений, относящихся к вопросам вероучения. Рассматривая проблему, когда в немусульманской семье женщина принимает ислам, ал-Кардави, ссылаясь на Ибн ал-Каййима, перечислял все известные мнения мусульманских правоведов, после чего подробно анализировал точку зрения и доводы каждой группы богословов. Таким образом, ал-Кардави пришел к выводу, что, хотя расторжение брака в этом случае является допустимым, оно не обязательно, и супруги имеют право сохранить свой брак без каких-либо ограничений [2, с. 125]. Также следует отметить, что данный вопрос рассматривал и известный российский проповедник Ш. Аляутдинов. В своем ответе он, ссылаясь на упомянутую фетву ал-Кардави, заявлял, что его фетва является наиболее подходящей для современной России.

Итак, подводя итог данного небольшого исследования, следует отметить, что, во-первых, проблема межэтнических браков для мусульманских мыслителей вплоть до начала XX в. не была актуальной, и первым, кто ее упомянул, был М. Бигиев. Во-вторых,

проблема межконфессиональных браков сохраняла и сохраняет свою актуальность с момента появления ислама вплоть до наших дней. Мусульманские мыслители единогласны относительно запрета брака между мусульманкой и немусульманином, независимо от вероисповедания последнего. В то же время богословы разошлись во мнениях относительно легитимности брака между мусульманином и последовательницей библейской традиции: одна группа богословов считала, что такие браки разрешены, другая объявила их запретными. Именно такой позиции придерживался известный татарский мыслитель и богослов Ш. Марджани. Однако его точка зрения становится понятной при рассмотрении обозначенной проблемы в рамках исторического контекста. Татарский народ, потерявший в XVI в. свою государственность, стремился любыми средствами сохранить свою этно-конфессиональную самобытность, и постановления шариата были одним из инструментов, которые давали возможность достичь этой цели. Как видим, данная проблема в настоящее время становится все более актуальной, чем обусловлена вероятность появления новых исследований на эту тему.

Список литературы

1. Ал-Джавзи И. Ахкам ахл аз-зимма. Даммам (КСА), 1997.
2. Ал-Кардави Ю. Фи фикх ал-аклиййат ал-муслима. – Каир, 2001.
3. Ал-Кудури А. Мухтасар ал-кудури фи ал-фикх ал-ханафи. – Бейрут, 1997.
4. Ас-Сабуни М. Раваи' ал-байан тафсир ал-айат ал-ахкам мин ал-Кура'н. – Т. 1. – Бейрут, 1980.
5. Ат-Табари М. Джамии' ал-Байар 'ан та'вил аййи ал-Кур'ан. – Т. 4. – Каир, 2001.
6. Верременко В.А. Межконфессиональные браки в России во второй половине XIX – начале XX в. // Гендер и общество. – СПб., 2007. – С. 202–241.
7. Ибн Хумам М. Шарх фатх ал-кадир. – Т. 3. – Бейрут, 2003.
8. Марджани Ш. Тазкират ал-муниб би 'адам тазкиййат ахл ас-салиб. – Рук. из отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. № 692.

В.А. Веремenco

Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX – начала XX вв.

В статье исследуется практика подготовки дворянских девушек к занятию домашним хозяйством. И в дореформенной, и в пореформенной России изучение домоводства не являлось обязательным элементом женского образования в данной социальной среде. С последовавшим в результате отмены крепостного права и мирового аграрного кризиса 1880-х гг. ухудшением экономического положения дворян, перед многими представительницами привилегированного сословия встал вопрос «куска хлеба». Имея достаточно хорошее общее образование и крайне слабые навыки в быту, они значительно больше были склонны искать профессиональный заработок, чем помогать семье путем участия в домашнем хозяйстве. Тем более, что общественное мнение в этот период стало значительно выше ценить публичную занятость, чем личную, даже применительно к женщинам.

The article examines the practice of preparing noble girls to engage in housework. Both in the pre-reform and the post-reform Russia the study of Home Economics was not a required element of women's education in this social environment. After the abolition of serfdom and the world agricultural crisis of the 1880s the economic situation of the nobility changed for the worse, so many representatives of the privileged class faced a problem of "a piece of bread". Having rather good general education and very weak skills in everyday life, they were significantly more likely to seek professional earnings, than to help the family through participation in the household. Moreover, public opinion in this period appreciates public employment much higher than personal, even for women.

Ключевые слова: Россия, вторая половина XIX – начало XX в., дворянство, семья, домоводство, женское образование, институт благородных девиц, гимназия, рукоделие, кулинария.

Key words: Russia, second half of XIX – early XX centuries, nobility, family, Home Economics, women's education, Institute of Noble Maidens, school, crafts, cooking.

На сегодняшний день в российской исторической науке не вызывает возражений высказанное нами около 20 лет назад положение о том, что стремление российских женщин к получению высшего образования вызвано прежде всего экономическими причинами [2; 3]. В результате отмены крепостного права в 1861 г. и мирового аграрного кризиса 1880-х гг. значительная часть мелкого и даже среднего дворянства разорилась. Оказавшиеся без средств к существованию дворянские девушки вынуждены были сами зараба-

тивать свой «кусочек хлеба». Наличие серьезного, равного по объему мужскому высшего профессионального образования давало претенденткам дополнительные преимущества на рынке труда. В результате доступ в высшую, особенно университетскую, школу стал одним из главных требований нарождавшегося российского женского движения.

Но обязательно ли для решения вопроса «куска хлеба» дворянка должна была заниматься поиском работы вне дома? Нельзя ли было ей достигнуть поставленной цели путем минимизации домашних трат, активного приложения собственных сил в домашнем хозяйстве, его экономного и умелого ведения?

Для выяснения данного вопроса попытаемся соотнести между собой доходы образованной труженицы и расходы на организацию быта в дворянской семье.

Образованная женщина, работавшая учительницей, служащей или медицинским работником, могла рассчитывать (в зависимости от квалификации и вида профессии) на зарплату в среднем от 20 до 40 р. в месяц. Так, в первое десятилетие XX в. в России существовала следующая шкала зарплат образованных женщин: служащие банков получали 45–100 р. ежемесячно; канцелярские служащие и секретари (стенографистки и машинистки) в различных государственных учреждениях могли рассчитывать на заработок от 300–600 до 1200–1500 р. в год; врачи, ординаторы, провизоры – от 600 до 1200 р. в год; акушерки, сестры милосердия, фельдшерицы – 200–600 р. в год; учительницы – 300–1000 р. в год [26, с. 14–15]. Очевидно, что указанные в данной шкале высокие цифры – 100–130 р. в месяц (1200–1500 р. в год) касались крайне узкой группы женщин-врачей, имевших собственную практику, начальниц учебных заведений и другого высококвалифицированного персонала. Основная же масса интеллигентных тружениц должна была довольствоваться значительно меньшими заработками.

Определенное представление о соотношении количества получательниц тех или иных зарплат можно составить по материалам Всероссийской переписи 1897 г. Для примера возьмем Северо-Западный район, включавший в себя как территорию Санкт-Петербургской, Псковской и Новгородской губерний, так и столицу Российской империи. В переписи указано следующее количество женщин, имевших так называемый «интеллигентный заработок» (без служащих частных учреждений):

в административных структурах – 250 чел. по губерниям, 1117 чел. в Петербурге;

в общественных организациях (земства и т. д.) – 33 и 116 соответственно;

частная юридическая деятельность – 3 и 10;
военные структуры – 1 и 20;
учебно-воспитательная деятельность – 2 206 и 6 587;
наука и искусство – 77 и 1 234;
врачебная и санитарная деятельность – 1 233 и 4 949.

Характерно, что в последней группе, где, как мы видели, наблюдалась наибольшая разница в зарплатах между врачами, с одной стороны, и средним и низшим медицинским персоналом, с другой, количество специалистов высшей категории было менее 1 % (женщин-врачей насчитывалось 39 в губерниях и 132 в столице империи) [22, с. 2–5].

Что же касается представительниц так называемых «либеральных профессий» – художниц, журналисток, писательниц, переводчиц и т. д., то, не имея постоянного, устойчивого заработка, живя преимущественно на гонорары, они не имели возможности четко распределить свой бюджет, постоянно находясь в состоянии поиска средств.

Важно подчеркнуть, что, работая вне дома, интеллигентная труженица вынуждена была либо вообще не вести хозяйства (снимая комнату «на всем готовом» и/или питаясь в столовой), либо перепоручать дела по дому прислуге. Зарплата же прислуги, отличаясь в зависимости от квалификации, колебалась от 6 р. в месяц, за которые была готова трудиться ничего не умевшая деревенская девушка, до 12–15 р., полагавшихся «опытной» кухарке или няне [5]. В результате не менее трети, а то и половина зарплаты интеллигентной труженицы должна была уходить на оплату услуг квартирной хозяйки, сдававшей помещение со столом, и/или прислуги.

Нанимать прислугу (или даже нескольких) было совершенно необходимо, если работающая женщина была не одинока, а имела семью. При этом получалось, что, с одной стороны, одна прислуга со всеми делами по дому (за кухарку, няню, горничную, прачку) не справлялась и ей необходимо было либо помогать, либо нанимать несколько человек на постоянную или подсобную работу (а оплата труда даже двух работников уже практически полностью «съедала» весь заработок интеллигентной женщины), а с другой, наемный работник трудился далеко не так тщательно, как это сделала бы сама мать семейства. Таким образом, в условиях тяжелой экономической ситуации, в которую попали дворянские семьи, интенсивный домашний труд хозяйки мог стать вполне адекватной заменой труда профессионального.

Нельзя сказать, что современники совершенно не замечали этого факта. В отдельных, традиционно относимых к консерватив-

ным изданиях то и дело появлялись такого рода высказывания: «... женщина делается рано или поздно женой, матерью и хозяйкой. Что же внесет она в семью? 25-ти рублевый заработок и полное неумение взяться за что бы то ни было в домашнем быту. Матери семьи большую часть времени нет дома, а потому надзор за детьми нужно поручить наемной няньке, хозяйство всецело предоставить кухарке, отказавшись от всякого контроля за нею. Что же, спрашивается, остается от этих лишних 25-ти рублей в семье? Ничего, кроме хаоса и неурядиц» [23, с. 812].

Вместе с тем очевидно, что одними призывами к хозяйкам заниматься домашними делами вопрос решить было невозможно. Работа по дому (приготовление пищи, уход за маленькими детьми, шитье и починка одежды и пр.) требовала определенных умений, которые нужно достаточно долго формировать. С учетом возможного выхода замуж, начиная с 16 лет, девушка должна была осваивать основы домоводства в течение всего подросткового возраста.

Рассмотрим, насколько семья, школа и общество во второй половине XIX – начале XX в. способствовали формированию у дворянских девушек навыков будущих рачительных и умелых домашних хозяек.

Дореформенный идеал дворянки содержал благостный образ любящей жены, добродетельной матери и хорошей хозяйки. Вместе с тем женское образование, осуществлявшееся как в институте/пансионе, так и дома, под руководством гувернантки (этот вариант считался менее предпочтительным), ставило своей целью преимущественно сохранение «невинности», под которой понималось сочетание слабой информированности о житейских проблемах с умением держать себя в обществе. К концу обучения девушки должны были немного рисовать и музицировать, сносно говорить на французском и немецком языках, знать рукоделие (уметь вязать и вышивать, но не шить, так как этим должны были заниматься модистки и горничные), а также иметь некоторые, самые общие, представления о Законе Божьем, истории, географии и математике [17. Д. 2. Л. 38–40]. В «первоклассных институтах» список предметов был значительно шире. Однако и окончившая подобное учебное заведение Е.А. Кропоткина (Половцева) писала в своих воспоминаниях: «Воспитание наше было основано больше на манерах, умении держать себя *comme il faut*, отвечать вежливо, приседать после выслушивания нотации от классной дамы или при вызове учителя, держать корпус всегда прямо, говорить только на иностранных языках» [19, с. 17].

Оставим в стороне уровень знаний, получаемых девушками по прочим предметам (в конце концов, никто не ставил целью профес-

сионализацию этого обучения), и обратимся к практике изучения ими того, что должно было, по общему мнению, стать для них одним из главных дел жизни – рукоделия и домоводства.

Уроки рукоделия проходили в институтах раз в неделю по полтора часа. За это время институтки должны были освоить все так называемые «женские работы», прежде всего вязание и вышивку. Однако на деле из института выходило огромное количество лиц, совершенно не научившихся никакому рукоделию. Связано это было с тем, что практически каждый месяц от лица института полагалось дарить разным высокопоставленным особам всевозможные «сюрпризы» – от расшитых туфель, до «ковров, на которых изображены были цветы, ландшафты, сцены из рыцарской и пастушеской жизни», несколько же раз в год устраивались специальные выставки работ учениц, где «можно было видеть превосходно вышитые ковры, вышивки по батисту и цветной материи гладью, белой и разноцветной бумагой и шерстями, искусно исполненные цветы, а также белье, сшитое ручной строчкой» [6, с. 305].

Выполнение такого количества очень сложных, с использованием дорогостоящего сырья, работ требовало значительно большего времени, чем полтора часа в неделю и высокого уровня профессионализма. Для выявления тех, кто должен был посвятить большую часть своего обучения в институте шитью, учительница рукоделия уже на первом уроке определяла умения воспитанниц и формировала вскоре небольшой кружок искусниц. Их заваливали работой вечерами, не давая возможности готовиться к занятиям, а накануне важных праздников или визитов высокопоставленных особ вообще снимали с уроков, в лучшем случае отпуская на Закон Божий [25, с. 97]. Все остальные девушки, даже и высказывая просьбы научить их «ручным работам», в ответ «обыкновенно» слышали от учительницы: «Если вы испортите материал, я должна буду откупить его на свой счет!.. И когда мне возиться с вами! Вы жалуетесь, что я заваливаю работой ваших подруг... А посмотрите, когда я сама ложусь спать! Мне то и дело приходится по ночам оканчивать работу, которая будет поднесена в подарок от вашего имени...» [6, с. 305].

Таким образом, «громадное большинство» институток оканчивали курс, «выучившись одному или двум швам» [6, с. 306]. Иногда с ними занималась бывшая прислуга, над которой воспитанницы постоянно издевались, посмеиваясь и дразня [25, с. 97]. Задаваемую ею работу они не считали необходимым делать, препоручая «свое шитье» за небольшое вознаграждение горничным [6, с. 279].

Еще более «результативным» было обучение институток кулинарии. Для приучения девушек старших возрастов к хозяйству в каждом институте существовала «образцовая кухня». Схема ее по-

сещения различалась не только в разных учебных заведениях, но могла меняться и с приходом новой начальницы. В воспоминаниях бывших воспитанниц приводятся различные варианты дежурства по кухне по очереди – от десяти человек в течение целой недели [30, с. 194], до пяти–шести, а то и трех воспитанниц, причем только на один день [6, с. 304].

В любом случае, и в любом учебном заведении, воспитанницы, ходившие на дежурство вместо обычных уроков, очень любили эти «большие развлечения», а работавшие в «образцовых» кухнях кухарки смотрели на такое мероприятие, «как на дозволенное барышням баловство» [6, с. 304]. Вот как описывала эти занятия А.Н. Энгельгардт: «Придут, бывало, институтки в эту кухню, кухарка подает им готовое тесто и готовую начинку и покажет, как раскатать тесто, положить начинку, защипать ее и ... только! Что было раньше, откуда взялось тесто и как его приготавливали – осталось покрытым мраком неизвестности, и что будет после с заготовленными пирожками, сколько времени и в какой печи они будут сидеть – тоже! Мы знали только, что съедим их за обедом и что они будут очень вкусны, потому что кухарка была мастерица своего дела...» [30, с. 194].

Полученные в институте «навыки» закреплялись выпускницами дома. Так, Е.А. Кропоткину (Кравченко) по приезду из института пытались подготовить к самостоятельной семейной жизни и приставили наблюдать за прислугой: «Когда у нас бывали гости, заставляли меня смотреть за Уленькой (экономкой) как она чай наливает. И я торчала тут и сама видела как Уленька клала сахар в карман свой, как Алыев с подноса брал сухари, прибавляя: "а это вот нужно девочонки от нужды... Глянька, барышня, ведь не пообедаешь...". А я все молчала, мачеха говорила: "как много вышло сахару, то я думаю клали себе в карман эти лиходеи"... Я же говорила, что глядела и что никто не посмел бы при мне таскать...» [16. Д. 1196. Л. 44–45].

Итогом такой институтско-домашней подготовки к семейной жизни стало то, что выйдя замуж и став хозяйкой 8-комнатной квартиры на Итальянской ул. в С.-Петербурге, супруга чиновника Главного штаба Е.А. Кравченко: «Вставала в 10 ч. утра большей частью, иногда же вставала только в час дня... Вставала делала свой туалет долго, дела у меня не было никакого, ... хозяйства не понимала вовсе, я не умела наливать чай даже...». Мужа это не беспокоило – он предпочитал сам давать распоряжения слугам, заказывать повару блюда на обед и выдавать необходимые деньги. Скучавшая же хозяйка дома развлекала себя игрой ... в куклы! «Часто садилась играть в куклы, разложу свои бумажные куклы, устройю как бы институт, классную, вызываю, ставлю баллы, переодеваю кукол, коробоч-

ки рассматриваю». Но после того, как при таком занятии застал ее муж, куклы были отданы его племянницам, и дворянка была лишена единственного «дела» [16. Д. 1196. Л. 98–103]. Интересно, что и рождение в семье детей не увеличило занятость матери. Свою жизнь, пока дети были малы, она характеризует двумя словами: «бездействие полное» [16. Д. 1197. Л. 17].

В менее обеспеченных дворянских семьях дореформенной России девушки на выданье тоже редко привлекались к хозяйственным делам. Родители берегли их руки, натруженность которых могла стать препятствием для получения хорошей партии [17. Д. 2. Л. 55]. Редким исключением являлась подготовка к крупным религиозным праздникам, прежде всего к Пасхе и Рождеству, участие в которых носило скорее ритуальный, чем хозяйственный характер. Вполне правдоподобным кажется следующий разговор матери и дочерей, относимый ностальгирующим автором к последней неделе «Великого Поста» 1853 г.:

«...– ну мои деточки, так как вы у меня настоящие хозяйки, то вы ручки сложив не сидите, а в чем можете помочь матери по хозяйству.

– Что же прикажете, маменька, тесто месить?

– Не тесто месить, а кто же нам "формы" для пасок пошьет... да не торопитесь вы ради бога, кресты, кресты под дно не забудьте» [18].

Таким образом, несмотря на то что накануне отмены крепостного права общепризнанным предназначением женщины продолжало считаться быть достойной женой, матерью и хозяйкой, в подавляющей массе случаев семья и школа не ставили своей задачей серьезную подготовку дворянских девушек к домашнему труду. С одной стороны, эти навыки (в отличие от приданого, умения держать себя в обществе и минимальной образованности) не являлись необходимыми для успешной выдачи ее замуж, что, по мнению воспитателей, и являлось мерилем успеха их деятельности. А с другой, наличие многочисленной крепостной дворни вполне компенсировало отсутствие хозяйственных навыков у молодых дворянок.

Сама же общепринятая точка зрения очень медленно, но корректировалась – российское передовое общество, активно готовясь к предстоящей эмансипации крестьян, с увлечением включилось в дискуссию о необходимости «освобождения женщины» [27]. Речь здесь шла не обо всех женщинах, а о дворянках, которым должны были быть предоставлены такие же профессиональные возможности, как и у мужчин. При этом роль женщины как домашней хозяйки рассматривалась как одна из форм профессиональной деятельности, наряду с массой других, которые она могла бы выбрать.

Подобные идеи активно пропагандировались, например, со страниц «Экономического указателя»: «... кто же станет смотреть за хозяйством и лелеять детей, когда женщины станут заниматься другим делом? – вопрошал автор публикации «Назначение женщины» в июле 1859 г., и тут же сам отвечал, – Займутся воспитанием детей и хозяйством *те* женщины, которые к этому способны. ... дурные хозяйки и дурные матери могли бы стать прекрасными артистками, купцами, учеными, и вместо тягости приносить действительную пользу обществу» [10, с. 639]. В очередной статье на эту же тему, позиция редакции была высказана еще более определенно: «Не стесняйте деятельности женщин, не заключайте ее насильно в семейный круг, не готовьте ее исключительно для выполнения той или другой обязанности, признайте ее человеком, и она никогда не бросит своего семейства, а будет полезна хотя и вне своей семьи, но и для себя, и для семейства, и для общества...» [11, с. 924].

Новый, находивший все более широкий отклик во взбудораженном общественном мнении России, взгляд на назначение женщины предполагал кардинальную реформу женского образования. Целью новой школы, по мнению реформаторов, должно было стать воспитание не жены и матери, и тем более хозяйки, а «человека», что предполагало постепенное уравнивание программ мужских и женских учебных заведений и приоритет в них общегуманитарных ценностей [4].

Уже в конце 50-х гг. XIX в. стали появляться первые открытые женские учебные заведения, ориентированные на серьезное общее образование, и хотя первоначально речь все же шла «о духовном и умственном подъеме русской женщины, как матери, как воспитательницы» [7, с. 2], т. е. акцент на специфических функциях все же сохранялся, но роль женщины как хозяйки перестала даже объявляться в числе приоритетов.

В течение второй половины XIX – начала XX в. программы женских учебных заведений подверглись серьезным изменениям: увеличивалось число недельных часов по разным общеобразовательным дисциплинам, расширялось изучение предметов естествознания, в конце исследуемого периода сделалось обязательным преподавание физических упражнений и гимнастики. Как же сказались произошедшие перемены на изучении рукоделия и домоводства?

Количество недельных часов, отводимых на рукоделие, мало изменилось с дореформенных времен. В подавляющей массе женских учебных заведений – как открытых, так и закрытых – основы шитья и вязания школьницы должны были освоить за 1–2 ч в неделю. Характерно, что 2 ч на данный предмет отводилось в младших классах, а 1 ч – в старших. За весь период обучения, начав с изуче-

ния первоначальных швов и вязания на спицах бумажной подвязки, девушки должны были получить опыт работы на швейной машинке, кройки и шитья дамского и детского белья и даже платья [21, с. 43–44; 13, с. 3, 30–31; 24, с. 2, 74, 150–151].

Таким образом, определенные подвижки все же произошли: акцент делался не на вышивании, а на более прикладных знаниях, прежде всего шитье. Вместе с тем количество часов осталось прежним, да и сам вид итоговой работы – кройка и шитье передника в прогимназии и дамского лифа в гимназии – демонстрировали желание школы научить девушку азам ручного труда, а не сделать ее умелой швеей. Последнее обстоятельство подтверждается еще и тем, что предмет «рукоделие» входил в группу «искусства» вместе с рисованием, танцами, пением. Подчас отдельные дисциплины из этой группы в учебном табеле произвольно объединялись, например – пение и рукоделие, так что понять, преподавались ли оба предмета или только один, и в каком объеме, становилось совершенно невозможно [7, с. 6].

В отдельных случаях допускался и полный отказ от преподавания «рукоделия» как части женского образования. Во-первых, это было характерно для наиболее передовых и дорогостоящих частных учебных заведений («продвинутых» школ для «избранных родителей»), построенных преимущественно по принципу сообучения, где мальчики и девочки сообща изучали предметы, а объем преподавания определялся курсом мужской гимназии. В младших классах таких школ осуществлялось обучение «ручному труду». Программа данного курса предусматривала работу с бумагой, картоном, материей; лепку; резьбу и выжигание по дереву; роспись по фарфору и другим материалам [29, с. 1–22; 28, с. 2–8]. Понятно, что никаких хозяйственно-прикладных задач этот предмет не нес, а все перечисленное должно было способствовать эстетическому воспитанию человека, формированию у него/нее усидчивости, внимательности и, наконец, «любви к труду». Преподавалась лепка и другой «ручной труд» вместо рукоделия и в элитных женских гимназиях, таких, например, как Стоюнинская в Петербурге [15. Д. 316. Л. 9].

Во-вторых, в отдельных женских средних учебных заведениях с распространением в педагогической среде понимания важности и пользы физического воспитания курс рукоделия приносился в жертву занятиям гимнастикой. Так, в С.-Петербургской Александровской женской гимназии по новому принятому в 1879 г. учебному табелю предмет «рукоделия» упразднился, а его часы передавались для занятий физическими упражнениями. Но реализовалась данная инициатива достаточно интересно – в связи с отсутствием необходимых помещений, временно эти часы были переданы в младших

классах на занятия новыми языками, а в старших – на стенографию. И только в 1882 г. так и не построившее спортивный зал начальство гимназии вернуло в младшие классы преподавание рукоделия, продолжая занимать старших в эти часы другими предметами [21, с. 19, 43–44].

В целом отношение педагогической общественности к предмету «рукоделие» и его месту в учебном процессе ярко проявилось в характеристике, данной исследователем деятельности Василеостровской женской гимназии. Отмечая крайне невысокий уровень преподавания математики, автор написал: «арифметика занимает ... более, нежели второстепенное место. По числу уроков арифметика стоит наряду с рукоделием» [7, с. 6–7].

Как бы мало практических знаний не давали уроки «рукоделия», но они хотя бы формировали первоначальные навыки, которые в случае острой необходимости можно было бы развивать. Недаром в своих воспоминаниях институтка военно-революционной поры Т.Г. Морозова, перечислив набор полученных ею знаний (шов «вперед иголку» и «назад иголку», петельный шов, метание петель, штопка носок и пр.), отметила, что «все эти навыки весьма пригодились» ей во взрослой, уже советской жизни [12, с. 450].

Что же касается кулинарии, то обучение приготовлению пищи вообще не входило в круг деятельности женского среднего образования. С одной стороны, это можно объяснить самой сложностью организации данного дела. Ведь необходимо было выделять помещение под «образцовую кухню», поставить туда печь/плиту меньшего, удобного для детей размера; снабжать кухню нестандартной и удобной посудой (небольших размеров кастрюльками, мисками, сковородами, соусниками и т. д.) [20, б.с.]. Надо было также закупать продукты, нанимать повара/кухарку и другой обслуживающий персонал. Недаром созданная в Москве в 1890 г. Кулинарная школа, рассчитанная на обучение образованных женщин, заканчивала первые годы своей деятельности с серьезным дефицитом, так как только на оплату труда персонала (повара и смотрительницы с их помощниками, двух горничных, судомойки и двух «кухонных мужиков») уходило 158 р. ежемесячно, причем повар, получавший 50 р. в месяц, требовал повышения до 100 р., ссылаясь на трудность совмещения обязанностей повара и учителя [14, с. 52]. Но главным, на наш взгляд, была даже не трудность организации «образцовой кухни», а нежелание педагогов превращать общеобразовательное заведение в ремесленное, замещать воспитание человека выращиванием узкого специалиста [1].

Таким образом, как раз в тот период, когда экономическое положение дворянских семей в России значительно осложнилось, ко-

гда всё больше дворян были вынуждены ограничиваться использованием в домашнем хозяйстве только одной прислуги, и внутрисемейный труд матери становился важным фактором выживания дворянской семьи, в образовательной среде ценность как раз этой сферы деятельности нивелировалась, а идея участия в общественной жизни активно продвигалась.

В этом плане очень показательным является приведенный в юбилейном издании список достойных выпускниц С.-Петербургской Александровской гимназии: «Дать родине более 2.000 образованных женщин – немаловажная заслуга. И гимназия с понятной материнской гордостью может радоваться полезной работе своих многочисленных дочерей на разных поприщах общественной и семейной жизни. Некоторые из них завоевали себе почетное место в литературном мире, как напр. О. Шапир (Кислякова); другие достигли заслуженной известности в мире артистическом и музыкальном, как напр.: Л.Д. Кобеяцкая-Ильина, Мусина-Пушкина, Корсова, пианистка Друкер и др.; третьи – в мире художественном, напр. г-жа Шнейдер; четвертые – только еще начинают свою артистическую и художественную деятельность. Многие отдались всецело более скромному труду учительниц и служащих в разных общественных и государственных учреждениях; еще большие числа исполняют свою просветительскую миссию, как гувернантки, домашние учительницы, наконец, как матери семейств» [21, с. 41–42].

А что же семья, может именно она стала центром обучения девушек домоводству? В большинстве случаев такой вариант оказывался невозможен в связи со значительной загруженностью девочек в школе: 5–6-часовые ежедневные занятия в учебном заведении, дорога до школы и обратно, приготовление уроков – все это занимало ребенка с утра до вечера. Родители, озабоченные школьными успехами и высокими баллами, не только не обременяли дочерей домашними заботами, но находились в постоянном поиске способов стимулирования их учебной деятельности. Так, в семье Гудковых, где все усилия матери были направлены на то, чтобы дочь по окончании гимназии смогла поступить на курсы, внеучебное время ребенка тратилось на занятия музыкой и дополнительное чтение, а старательность выполнения домашних заданий поддерживалась денежными подарками – по 3–5 р. за успешно сданные экзамены. Характерно, что в дневнике 12–14 летней девочки-подростка вообще нет упоминания о каких-либо домашних обязанностях (как она сама отмечала, всё «ученье, ученье, ученье»), и это при том, что она довольно часто приводит полный распорядок своего дня, включавший даже подробное описание съеденных на обед блюд [8. Д. 1].

Даже при самых серьезных проблемах с организацией быта, когда буквально вся работа по дому оказывалась на плечах самой хозяйки, мать стремилась оградить дочерей от домашних забот. Так, в семье Е.А. Артемьевой, где вместе с хозяйкой – вдовой известного историка, археолога и географа А.И. Артемьева, проживали два взрослых сына и дочь, последняя, занятая своими общественными делами, не подключалась к организации быта семьи, хотя у матери постоянно возникали проблемы с прислугой и «в доме царил полный хаос» [15. Д. 313. Л. 56].

Летние каникулы, хотя и давали больше свободного времени, но опять-таки все оно уходило на прогулки («зимой ребенок был совсем без воздуха») и интеллектуальные занятия: чтение, музицирование, диспуты и обсуждение рефератов, репетиции к школе, даже занятия с крестьянскими детьми – все что угодно, только не помощь в выполнении хозяйственных обязанностей. Именно так проводили свое лето на даче или в имении многочисленные авторы дневников...

Редкие поручения по дому становились для старшеклассниц или даже выпускниц школ серьезным испытанием, тем более удивительным, что речь идет о людях, не боявшихся совершать самостоятельные поездки по стране и за границу, выступать с научными сообщениями перед значительной аудиторией, работать в народных школах и т. д. Вот, например, как кратко и емко описала весь трагизм своей ситуации ученица Академии художеств Е.С. Зарудная (Кавос): «Положение отчаянное. Нет ни одной девки. Надо грядку (одну только!) вскопать и пересадить фиалки» [9. Д. 7. Л. 67]. Ничуть ни легче было 20-летней выпускнице Стоюнинской гимназии О. Яфа – хозяйке и организатору народной школы, когда больная бабушка поручила ей «в первый раз заняться хозяйственными покупками». Приехав с распродажи посудного магазина, крайне довольная, что она справилась, девушка потащила корзину с дуршлагом и прочими вещами в комнату больной, не забыв вечером уделить красочному описанию этого важного события своей жизни целых две страницы в дневнике [15. Д. 323. Л. 42–43].

Итак, если в дореформенной России апологетика женщины-хозяйки уживалась со слабой подготовкой дворянских девушек к этой сфере деятельности, то в течение второй половины XIX – начала XX в. потерял былую привлекательность и сам образ. Общественное мнение стало значительно выше ценить публичную занятость, чем личную. В соответствии с этим и средняя женская школа, увлекшаяся воспитанием «человека» и «гражданина», занятая распространением общечеловеческих знаний и умений, совершенно не занималась подготовкой женщины к деятельности домашней хозяйки. Встречавшийся (далеко не всегда) в учебных

заведениях курс рукоделия был рассчитан на 1–2 ч в неделю. Данная дисциплина входила в группу «искусства», вместе с рисованием, танцами, пением. Ее задачей было прежде всего эстетическое воспитание, а не практическое обучение. Дома же крайне загруженная в школе гимназистка или институтка не привлекалась к домашним обязанностям. В связи с этим становится понятным, почему окончившая среднюю школу девушка, имевшая вполне добротное общее образование и никакого навыка в быту, значительно больше была склонна искать профессиональный заработок, чем помогать семье путем участия в домашнем хозяйстве.

Список литературы

1. Беленцов С.И. Педагогические факторы общественной нестабильности и юношеского радикализма в России во второй половине XIX – начале XX века. – Курск, 2005.
2. Вереме́нко В.А. Высшее совместное образование мужчин и женщин в России в начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1996.
3. Вереме́нко В.А. Женщины в русских университетах (вторая половина XIX – начало XX в.). – СПб., 2004.
4. Вереме́нко В.А. Воспитание «человека» и «гражданина» – семейные и педагогические практики российского дворянства второй половины XIX – начала XX в. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцов, отв. ред. В.А. Вереме́нко. – СПб., 2013. – С. 24–31.
5. Вереме́нко В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в. // Альманах гендерной истории «Адам и Ева». – 2013. (21). – С. 241–273.
6. Водовозова Е.Н. На заре жизни // Институтки: Воспоминания воспитанниц ин-тов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вст. ст. А.Ф. Белоусова. – М., 2001. – С. 215–368.
7. Двадцатипятилетние Василеостровской женской гимназии. 1858–1883. – СПб., 1883.
8. Институт русской литературы (ИРЛИ) РАН. (Пушкинский дом). – Ф. 15 – О.Г. Базанкур.
9. ИРЛИ РАН. (Пушкинский дом). Ф. 445. – Е.С. Зарудная-Кавос.
10. М.В. Назначение женщины // Указатель политико-экономический: стат. и промышл. журн. / изд. под ред. И.В. Вернадского. – 1859. – № 132. – 11/23 июля.
11. М.В. Свобода выбора труда // Указатель политико-экономический: стат. и промышл. журн. / изд. под ред. И.В. Вернадского. – 1859. – № 145. – 10/22 окт.
12. Морозова Т.Г. В институте благородных девиц // Институтки: воспоминания воспитанниц ин-тов благородных девиц. – С. 369–469.
13. Нормальная табель, учебные планы и программы для женских институтов и гимназий Ведомства учреждений Императрицы Марии, Высочайше утвержденные 6-го августа 1905 г. – Саратов, 1908.

14. Общество распространения между образованными женщинами практических знаний основано 27 марта 1888 г. Отчет с 1888-1898 год. – М., 1900.
15. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 163 – Второвы.
16. ОР РНБ. Ф. 601. – Половцевы.
17. ОР РНБ. Ф. 698. – Скалдина-Скальдина П.Г.
18. Пасхальные истории. Нарцисс (рассказ) // Новое время: ил. прил. к газете. – 1914. – 5 апр.
19. Половцева Е.А. Екатерининский институт полвека назад. (Из воспоминаний бабушки). – М., 1900.
20. Приготовление кушаний без кухарки. Необходимая книжка для каждой начинающей хозяйки. – СПб., 1874.
21. Пятидесятилетие С.-Петербургской Александровской женской гимназии: хроника гимназич. жизни и деятельности. – СПб., 1910.
22. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Таблица XX. Т. 1. – СПб., 1905.
23. Русский вестник. – 1900. – № 2.
24. Справочник по среднему образованию. Ч. 2. Программы и правила общеобразовательных средних женских учебных заведений: гимн. и прогимн. М-ва Нар. Прос. и ведомства учреждений Императрицы Марии, Мариинских институтов и училищ городских 6-ти классов школ, епархиальных училищ и коммерческих училищ / сост. Д. Марголин. – СПб.-Киев, 1912.
25. Стерлигова А.В. Воспоминания // Институтки: воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. – С. 69–128.
26. Сухов А.А. Общество Распространения между образованными женщинами практических знаний, женское медицинское образование и женский медицинский труд (Доклад 5 мая 1911 г. Общему собранию гг. членов Общества распространения между образованными женщинами практических знаний). – М., 1912.
27. Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50–60-е годы XIX века. – Л., 1984.
28. [Чабан Е.Н]. Программа среднего учебного заведения с курсом мужской гимназии для детей обоего пола. – [Пг., б.г.].
29. Школа Е.С. Левицкой в Царском Селе. Программа для поступающих. – СПб., 1903.
30. Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки: воспоминания воспитанниц ин-тов благородных девиц. – С. 131–214.

Семейно-бытовые новации в сельском социуме 1920-х гг.

В статье анализируются семейно-бытовые новации в советской деревне 1920-х гг. Характеризуются попытки советской власти по социализации бытовой сферы, внедрению партийно-советскими работниками на селе детских дошкольных заведений. Также освещается проблема семейного насилия и постепенный процесс раскрепощения женщин.

The article analyzes domestic innovations in the Soviet village of the 1920s. The author shows the Soviet government attempts of the socialization of household sector, the implementation of preschool institutions by party and Soviet workers at the village. Also the problem of family violence and gradual process of emancipation of women is highlighted.

Ключевые слова: деревня, крестьянка, женская повседневность, костюм, женотдел, патриархальные традиции, детские ясли.

Key words: village, peasant woman, women's everyday life, costume, women's section, patriarchal order, nursery.

Семья традиционно считается первичной социальной ячейкой, которая представляет собой один из наиболее устойчивых институтов общества. Будучи важнейшим социальным институтом, семья подвержена всем общественным трансформациям и довольно зависима от общественного строя, политических, экономических, религиозных и иных отношений. В связи с этим в периоды грандиозных социальных потрясений, в эпохи коренной ломки устройства того или иного общества в нашей стране семья претерпевала знаковые исторические изменения. Семья также является одной из самых существенных констант исторической повседневности. На наш взгляд, в рамках «истории повседневности» одними из наиболее любопытных вопросов являются трансформации жизненного уклада в бурные годы осуществления новой экономической политики. Думается, отмеченное десятилетие обладает неповторимым своеобразием, заключающимся в том, что в это время большевистские модернизации еще не могли существенно сломать прочную кладку традиционного бытия миллионов граждан Советской России, особенно это было характерно для деревни с ее ярко выраженным консерватизмом. Все это и предопределило выбор темы представленной работы.

Придя к власти в результате известных октябрьских событий 1917 г., большевики немедленно приступили к реализации разработанной ими программы по созданию в России социалистического общества, которое ничем бы не напоминало общественное устройство Российской империи. Программа преобразований не ограничивалась только социально-экономической или общественно-политической сферами, но распространялась также на повседневный уклад, культуру, менталитет самых разных слоев российского общества. Как замечают С.В. Журавлев и А.К. Соколов, «новому обществу должны были соответствовать новые принципы бытия, новые традиции, иной уклад жизни. Поэтому, провозгласив невиданные в мировой истории задачи строительства коммунизма в такой полупатриархальной и многонациональной стране, как Россия, большевики не скрывали, что одной из первых предстоит решительная битва за новый быт и новую культуру, на победу в которой времени у них в обрез» [3, с. 287].

По замыслам идеологов РКП(б), общество Советской России должно было не только основываться на новой экономической базе и по-новому управляться, но и состоять из «новых людей», отличавшихся спецификой сознания, поведения, отношения к окружающей реальности. Помимо прочего, в результате большевистских преобразований должны были претерпеть существенные изменения деятельность, жизнь и облик женщин-крестьянок.

Большевикам очень скоро пришлось убедиться, что «изменить общественный строй оказалось куда проще и быстрее, чем поменять уклад жизни миллионов граждан такой необъятной страны, как Россия» [3, с. 287]. Чаемые лидерами и идеологами компартии перемены в жизни новоявленного советского общества продвигались вовсе не такими стремительными темпами, как хотелось большевикам. В особенности чрезвычайно прочные в крестьянских сообществах патриархальные традиции являлись мощным тормозом на пути повышения социального статуса и модернизации повседневной жизни женщин. Современники с раздражением констатировали: «крестьянка-женщина живет, как в темном лесу... она уперлась в свою прялку и сидит, никуда не хочет выйти, например, пойти на собрание и послушать что-нибудь хорошее, научиться чему-нибудь... не подумает, что жили мы пеньками и поклонялись пеньку» [9, с. 18].

Вместе с тем определенные новации в женской повседневности в советской доколхозной деревне все-таки происходили. Ряд новых деталей появился в costume сельских женщин. В частности, некоторые из них стали носить красные косынки, являвшиеся одной из отличительных черт одежды комсомолок и членов компартии (правда, такие новшества в основном отличали гардероб не столько крестья-

нок, сколько проживавших в деревне работниц, служащих и т. п.). Более разнообразным стал досуг селянок, так как некоторые из них систематически посещали собрания женщин-общественниц (жен-делегаток), выписывали советские газеты и журналы. Например, немало лестных слов жительницы деревни высказывали в адрес журнала «Крестьянка»: «уж очень он понравился нашим бабам, целые вечера читают, да в нем и пишут-то все про нашу жизнь» [7, с. 19].

Представители большевистского руководства, усиленно внедрявшие в сознание советского общества образ СССР как «осажденной крепости», много делали для военного обучения граждан, не только мужчин, но и женщин. В русле данных мер представители власти предпринимали попытки милитаризовать повседневность крестьянок. Неслучайно в конце 1927 г. большевистские пропагандисты заявляли, что ВКП(б) обязана «поднять работниц и крестьянок на защиту Советского Союза от нападений империалистов», разъясняя сельским жителям: «каждому ясно, что вести войну без помощи женщин невозможно. Крестьянка не только влияет на своего мужа, брата или отца, но в качестве санитарки, каптенармуса [должностное хозяйственное лицо в войсковой части армии, заведующее приемом, хранением и выдачей продовольствия и вещевого и оружейного инвентаря] и т. д., она может и непосредственно принести огромную пользу в будущей войне» [4, с. 211].

Особенно же заметные новации наблюдались в сфере семейно-бытовых отношений советской доколхозной деревни. Так, стремясь социализировать быт сельских женщин, партийно-советские работники пытались внедрить на селе детские ясли. Сообщения о такого рода попытках встречаются в источниках уже в начале 1920-х гг., когда советская власть только начинала укрепляться в российской деревне. В 1922 г. детские ясли пыталась организовать в селах и станицах Донецкого округа Донской области заведующая окружным женотделом. Для этого она выехала из города Миллерово, являвшегося окружным центром, в Тарасовскую и Митякинскую волости. Однако, «эта попытка не удалась, так как крестьяне слишком голодают и не в состоянии уделять чего-либо для детских площадок» [12. Л. 16г].

На протяжении последующих лет в селах и станицах Юга России, несмотря на трудности, все же открылся ряд детских дошкольных заведений. Инициаторами их создания были представители власти и общественные активистки, а непосредственными исполнителями – сами крестьянки, сдававшие на организацию детяслей определенные денежные средства, продукты питания и вещи. Как сообщалось в прессе летом 1925 г., по инициативе Донского окруж-

ного женотдела в станицах Ейского района Донздравотделом были открыты ясли на 40 мест. Ейский райисполком выделил на организацию яслей 300 р., а еще 100 р. было собрано в ходе «ясельной» кампании среди местного населения [6]. Опираясь на подобные факты, советские пропагандисты бодро заявляли: «есть в новой деревне и детские ясли, куда крестьянки могут сдавать своих ребят на время работы. Там чисто, уютно, тепло и светло. Там правильный и любовный уход за детьми, там правильное их питание, там крестьянка наглядно учится воспитанию детей и уходу за ними» [13, с. 21].

Однако далеко не всегда материальное и организационное состояние яслей отвечало наличествовавшим требованиям. Ясли, как правило, были небольшими, и нередко там содержались дети разного возраста, что не лучшим образом сказывалось на их здоровье (как сообщалось в одной из публикаций в прессе, крестьянки открыли ясли и, «не зная их задач, позаписывали в них детей всех возрастов, и годовалых, и 14-летних» [8, с. 6].

Питание детей зачастую оказывалось неудовлетворительным, не хватало предметов первой необходимости (подушек, одеял, игрушек, и т. п.), санитарно-гигиеническое состояние многих детских дошкольных учреждений в деревне оставляло желать лучшего. Самое же главное заключалось в том, что жители деревни не очень-то стремились поддерживать такую новацию, как детские дошкольные учреждения: отчасти из-за нехватки средств, отчасти вследствие консервативных настроений. Поэтому представители власти даже в конце 1920-х гг. мрачно констатировали, что в деревне «о яслях больше говорят, чем их строят» [10. Л. 4 об.].

Большевистская модернизация в определенной мере затронула и семейно-брачные отношения в российской доколхозной деревне. Конечно, изменения здесь не были масштабными и радикальными. Сельские корреспонденты (селькоры) неоднократно свидетельствовали в первой половине 1920-х гг.: «жизнь идет вперед, а нравы и семейный уклад остаются прежними. Особенно остро это чувствуется в деревне» [11, с. 34]. Муж по-прежнему оставался тираном своей жены, не видевшим ничего дурного в том, чтобы наорать на нее или избить. В источниках содержатся прямо-таки дикие случаи семейного насилия. Так, в августе 1924 г. на скамью подсудимых попал 60-летний казак хутора Максимовки Донского круга Федор Турченко по обвинению в изнасиловании своей падчерицы Анны Шишеноквой, которой было всего 16 лет. Судя по опубликованным в газете «Молот» материалам дела, обвиняемый не видел ничего предосудительного в своем поступке, оправдываясь тем, что из-за размолвки давно уже не имел интимной близости со своей женой. Рассуждая с позиций патриархальных традиций деревни, Турченко

считал насилие в отношении Шишениковой не столь уж страшным прегрешением и, видимо, так и не понял, за что его присудили к наказанию в виде лишения свободы на срок до 1,5 лет [5].

Тем не менее, советская власть боролась за права женщин и пыталась оградить их от семейного насилия, поддержать их протест против распоясавшихся мужей, придать им статус полноправных членов общества и семьи как первичной его ячейки. Некоторых сдвигов большевикам удалось добиться уже в 1920-х гг. Неслучайно крестьяне вынужденно признавали: «с бабами связаться не дай бог. У них теперь женотдел» [2, с. 7].

Новая государственная идеология, подкрепленная законодательством, утверждала женщин в качестве полноправных граждан РСФСР и СССР, ни в чем не уступавших мужчинам. Крестьянки, выражавшие недовольство засильем патриархальных порядков, теперь могли рассчитывать на поддержку закона. При органах власти в сельской местности создавались отделы по работе с женщинами (женотделы), сотрудники которых опирались на активных крестьянок (делегаток) и защищали права угнетаемых мужьями жен. Крестьянки, становившиеся объектами семейного насилия, обращались в женотделы за помощью, даже если для этого следовало добираться за много километров из какой-либо глухой деревни в уездный или губернский центр.

Если работники женотделов и крестьянки-активистки действовали настойчиво и решительно, они могли оказать какой-либо несчастной супруге существенную помощь. В одной из публикаций в журнале «Крестьянка» описывалась вполне жизненная ситуация, нередко наблюдавшаяся в деревне во втором десятилетии XX в.: «Приходит в Женотдел крестьянка. На лицо страшно взглянуть – избито все. Деверь ее избил, жаловаться пришла. ...А на утро бабы ее села рассказывают, что у них делегатки над деверем, избившим ее, суд устроили. Собрали всех баб, устроили заседание и пригрозили ему, что если он в другой раз бить ее будет – они с ним справятся» [1, с. 4].

Итак, на протяжении 1920-х гг. в советской доколхозной деревне наблюдались определенные новации в сфере повседневности женщин-крестьянок. Осуществленная большевиками модернизация женской повседневности на селе выражалась в частичных (зачастую – единичных, не получивших сколь-нибудь широкого распространения) изменениях женского костюма (красные косынки у членов комсомола и компартии), развитии культуры чтения, попытках проведения военного обучения селянок и общей милитаризации быта. Предпринимались попытки социализации бытовой сферы, выражением чего стало формирование в деревне (особенно в не-

многочисленных коллективных хозяйствах) детских дошкольных заведений – яслей и площадок. Определенные сдвиги произошли в сфере семейно-брачных отношений где женщины-крестьянки при поддержке партийно-советских органов боролись за равноправие с мужчинами. Модернизация повседневности крестьянок в 1920-х гг. не отличалась широкими масштабами и глубиной изменений, не преодолела патриархальных традиций деревни. Однако именно в это время была подготовлена база для преобразований 1930-х гг., ставших наиболее глубокими, радикальными и повсеместными за всю историю российского крестьянства.

Список литературы

1. Анурова Е. Новое в старом // Крестьянка. – 1923. – № 17. – С. 3–4.
2. Долина. Не вышло дело // Крестьянка. – 1923. – № 16.
3. Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история: ежегодн. 1997. – М., 1998. – С. 287–332.
4. Календарь коммуниста на 1928 год. VI год издания. – М., 1927.
5. Молот. – 1924. – 27 авг.
6. Молот. – 1925. – 13 авг.
7. Осипова Е. Теперь не то, что прежде // Крестьянка. – 1924. – № 5.
8. Паршивую овцу из стада вон // Крестьянка. – 1923. – № 16. – С. 5–6.
9. Полубояринова М. Как живут крестьянки // Крестьянка. – 1924. – № 5.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 84. – Д. 38.
11. Тишина. Нужны общие усилия // Крестьянка. – 1923. – № 8. – С. 32–34.
12. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). – Ф. 75. – Оп. 1. – Д. 29.
13. Юрцев Ив. Деревня на Выставке // Крестьянка. – 1923. – № 16. – С. 21–22.

ИСТОРИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 93/94(47)«1851/1900»:323.1

А.И. Картунов

К вопросу о размежевании левобережья реки Урал между уральскими казаками и зауральскими киргизами (вторая половина XIX в.)¹

В статье освещается вопрос, связанный с процессами по размежеванию левобережья реки Урал между уральскими казаками и зауральскими киргиз-кайсаками во второй половине XIX в. Как свидетельствуют многочисленные исторические источники, земли по левому берегу Урала к середине XIX в. все еще являлись спорными, что определило дальнейшие шаги правительства по их скорейшему размежеванию. В итоге в 60–70-х гг. XIX столетия предварительно устанавливаются восточные границы между уральскими казаками и киргиз-кайсаками, которые были окончательно утверждены в начале XX в. По нашему мнению, решение данной научной проблемы позволит дополнить общую картину колониционных процессов, проходивших на Южном Урале в XIX в.

The article highlights the issue of processes for separation of the left bank of the Ural River between the Ural Cossacks and the Trans-Ural Kirghiz-Kaisak in the second half of the XIX century. As evidenced by the numerous historical sources the land along the left bank of the Ural Mountains by the mid-nineteenth century was still controversial, that determined the further steps of the government on their early separation. As a result, in the 60-70s of the XIX century the Eastern borders were preinstalled between the Ural Cossacks and the Kirghiz-Kaisak, which were finally confirmed in the beginning of XX century. In our opinion, the solution to this research problem will complement the overall picture of the colonization process, which took place in the southern Urals in the XIX century.

Ключевые слова: уральские казаки, киргиз-кайсаки, Урал, левобережье, размежевание, пограничная линия, Южный Урал.

Key words: the Ural Cossacks, Kirghiz-Kaisak, the Ural River, the left bank, the division, the edge line, the southern Urals.

Одной из наиболее важных и интересных проблем в истории казачества Урала является колонизация региона. В отечественной и зарубежной историографии мы не находим каких-либо комплексных

© Картунов А.И., 2014

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания на проведения научно-исследовательской работы Министерства образования и науки РФ (2014–2016 гг.). Тема НИР: «Кочевники Золотой Орды XIII–XV вв. и казачество Урала XVI–XIX вв.: проблемы этно- и социально-культурной преемственности» (Проект № 2936).

научных исследований, касающихся вопросов освоения яицкими (уральскими) казаками Уральского региона в XVIII–XIX вв. Феномен яицкого казачества заключается в том, что относительно малочисленная группа людей, закрепившаяся на маленьком участке правобережной части Яика, смогла со временем расширить границы своей территории до значительных пределов и укрепиться на огромном пространстве от Каспийского моря до реки Сакмара.

Стоит отметить, что борьба местного казачества за жизненное пространство с соседними народами (киргиз-кайсаками, калмыками, башкирами и др.) велась постоянно. Одной из спорных территорий, на которую претендовали яицкие (уральские) казаки по всей охраняемой ими пограничной линии, являлась левобережная часть р. Яик (Урал). Вероятнее всего, яицкое казачество пользовалось обеими сторонами Яика с момента своего появления на реке. Они искренне полагали, что им принадлежат обе стороны Яика, ссылаясь при этом на царские грамоты (в частности, известную грамоту царя Михаила Федоровича), законы и правительственные распоряжения разных лет. «Если владеть рекою только с одной стороны, – говорили они, – то и воды не должны принадлежать казакам?!» При этом особо привлекательными для казаков считались левобережные пойменные луга (использовавшиеся для сенокосения) и соляные озера, где активно добывалась соль, а также притоки Яика и крупные водоемы, на которых уже с XVIII столетия активно развернулся казачий рыболовный промысел [5, с. 53; 12. Д. 30 (1864 г.). Л. 5 об. –7].

В первой половине XVIII в. активизируется процесс расселения яицких казаков по определенной линии. Деятельность Оренбургской экспедиции (комиссии) по укреплению Юго-восточной пограничной линии, рост численности казачьего населения Южно-Уральского региона и его хозяйственное развитие послужили началом процессов расширения территории Яицкого войска. И именно с этого времени остро встает вопрос освоения левого берега р. Яик. Стоит отметить, что в XVIII столетии единственным населенным пунктом яицких казаков на левой стороне Яика являлся Илецкий городок, основанный в 1737 г. и располагающийся в Яик-Илекском междуречье на пограничных с оренбургскими казаками землях. Закрепившись на так называемой «бухарской» стороне (уральские казаки азиатскую левую сторону р. Яик (Урал) называли – «бухарской», а правую европейскую – «самарской»), илецкие казаки постарались расширить свои владения, но в текущем столетии из-за активного противодействия соседних киргиз-кайсацких родов им это сделать не удалось [1, с. 270; 10, с. 15].

Примерно в это же время начинаются процессы увеличения в регионе и киргиз-кайсацкого населения. На азиатской стороне Урала

с каждым годом становилось все больше киргизских кибиток. Из статистических источников мы узнаем, что к 60-м гг. XIX в. на левом побережье Урала, вдоль земель Уральского казачьего войска, на постоянной основе зимовало уже до 20 тыс. кибиток, или около 100 тыс. киргиз. Впоследствии, в связи с недостатком пастбищных мест, они начали активно пользоваться пойменными лугами левой стороны Урала и даже переходить на правую сторону, что способствовало росту числа конфликтов на границе между казаками и киргиз-кайсаками [11. Д. 19. Л. 1–16; 12. Д. 30 (1864 г.). Л. 10–10 об.].

Стоит отметить, что местная власть пыталась всячески сгладить противоборство конфликтующих сторон. Одним из выходов в сложившейся ситуации им виделось разграничение владений казаков и киргиз-кайсаков. Первые попытки по размежеванию левобережных уральских земель были сделаны в начале XIX в. Но из-за опасения возникновения волнений, в частности среди киргизов, работы были приостановлены на неопределенное время. Несмотря на это, в конце XVIII – начале XIX в. правительство смогло законодательно закрепить за уральскими казаками исключительное право пользования сенокосом на некоторых участках левой стороны Урала. Также с XVIII в. на левом берегу Урала казакам было официально разрешено вести промысел на трех крупных озерах (Черхальском, Индерском и Грязном) [6, с. 154–155; 13, с. 28].

В первой половине XIX столетия Оренбургским губернским правлением и Правительствующим сенатом Российской империи издаются ряд указов, которые способствовали скорейшему размежеванию спорных территорий. Большинство земель левого берега Урала по результатам работы нескольких специально созданных межевых комиссий было отдано казакам и киргиз-кайсакам в совместное владение, но проблема была решена только временно. Окончательное размежевание спорных участков произошло лишь во второй половине XIX в.

Несмотря на все принятые в первой половине XIX столетия меры по временному разграничению владений на левом берегу Урала, противоборство сторон только нарастало. В рапорте военному министру от 15 июля 1864 г. за № 1801 Оренбургский и Самарский генерал-губернатор А.П. Безак отмечал следующее: «По вступлении моем в управление Оренбургским краем, Областное Правление вошло ко мне с представлением о неудовольствиях Оренбургских киргизов противу Правительства по причине, между прочим, уральскими казаками сенокосными участками и прочими землями, расположенными на левой стороне р. Урал; а в тоже время из производившихся в моей Канцелярии дел, мною было усмотрено, что для предоставления киргизам способов к заготовлению запасов се-

на, при существующем издавна порядке воловаго казачьяго сенокосения за Уралом, введено в действие следующее правило: с наступлением времени для покоса Зауральским киргизам дано право косить траву по черте передовых постов от Илецких дач до Качанскаго пикета в местах, для указания коих командируется от войска особый Чиновник. За тем от Качанскаго пикета до Гурьева городка киргизам отводят под покос ... особые места в том размере, чтобы войсковым жителям осталось достаточно сена на прокорм служебных лошадей. Сверх того, после 20 дней воловаго сенокосения казаков, киргизы допускаются ко всем, без исключения, луговым местам кроме лесов, чтобы не портили деревьев, и вблизи самого берега Урала, чтобы не пугали рыбы в ятовных местах» [3, с. 239–247; 12. Д. 30 (1864 г.). Л. 2–3].

В документе также отмечалось, что при существовании такого порядка киргиз-кайсаки приносили неоднократные жалобы на притеснения от казаков в сенокосении. Все частные жалобы со стороны киргиз до 1860 г. были рассмотрены и по ним вынесены решения. После этого Оренбургский и Самарский генерал-губернатор А.А. Катенин поручил наказному атаману Уральскаго казачьяго войска своевременно устранять все причины, приводящие к конфликтам киргиз-кайсаков с казаками.

Генерал-губернатор Безак в 1864 г., пытаясь определить корень раздора между уральскими казаками и зауральскими киргизами в вопросе владения левой стороной р. Урал, отмечал, что между ними издавна существует спор о правах тех и других на владение левым берегом Урала и зауральских соляных озер. В разрешении этого спора, по его мнению, власти должны были принять во внимание нужды войска и киргиз-кайсаков, при этом нельзя было не отдать в таком случае предпочтения последним. Достаточно было посетить киргизские зимовки, пишет он, чтобы увидеть, до чего стеснены они в поземельном пользовании: «кибитки и землянки их разбросаны среди казачьих скирд, отчего и происходят постоянные столкновения по поводу неизбежных потрав». Киргиз-кайсаки, чтобы избежать по возможности ответственности за потравы, вынуждены были по найму и косить и собирать это сено. Казаки при этом большую часть своего сена распродавали в неурожайные годы за большую цену опять же киргизам. Доказательством того, что казаки в некоторых местах совершенно не нуждались в сене, по мнению губернатора, служили огромные сенные склады, к тому времени частично уже сгнившие [12. Д. 30 (1864 г.). Л. 2–3].

В свое время Оренбургские военные губернаторы П.П. Сухтелен и В.А. Перовский издавали распоряжения о том, чтобы казаки пользовались только крайне необходимым для их скотины

количеством сена, но выражение «совершенно необходимым» являлось слишком общим и неопределенным, тем более, что наблюдение в этом случае предоставлялось казачьему начальству. Так, что подобные распоряжения не облегчали нужды киргиз-кайсаков.

Параллельно возник вопрос о стеснениях киргиз-кайсаков в кочевьях на Гогольском острове близ Гурьева городка. Отметим, что еще со времени царствования императрицы Анны Иоанновны казаки начали селиться в Гурьевом городке, при этом охраняя и защищая низовье Яика от набегов кочующих киргизов. Вместе с этим поселением естественно началось и пользование местных казаков как рыбными ловлями в устье Яика, так и санными угодьями по всей долине, образуемой этою рекой и ее рукавами. По высочайше утвержденному докладу Сената от 25 мая 1752 г. все Гурьевские учуги были отданы в ведение Яицкого войска. Тогда же рыбный промысел в устье реки Яик был выведен из подчинения Астраханской губернии и передан в Оренбургскую губернию [4, с. 78; 7, с. 651].

Стоит отметить, что за Гогольский остров начали бороться казаки и киргиз-кайсаки с момента его образования у побережья Каспийского моря на зауральской стороне. Он образовался в результате обмеления Каспия, при этом появился не только в долине между Яиком и его притоком Соколком, но и на пространстве Каспийского побережья, дарованного Уральскому войску высочайшим указом от 22 ноября 1846 г. Как считали казаки, права на этот остров принадлежали только им, тем более, что с упадком воды в Каспийском море почти ежегодно образовывались в войсковых дачах отмели, которые, постепенно увеличиваясь, доходили до размера островов и служили потом местом для укрытия скота в зимнее время. Естественно, что все подобные острова (также как и Гогольский) они считали принадлежностью войска, обосновывая это тем, что береговое пространство казачьих вод ограничивается с одной стороны Гранным, а с другой – Пороховым буграми и что они лежат в 20–30 верстах от Гурьева городка [12. Д. 30 (1864 г.). Л. 5 об. –7].

Самым же главнейшим фактом, определяющим права казаков как на Гогольский остров, так и на всю долину реки Урал, считался 9 пункт части I высочайше утвержденного в 1803 г. штата Уральского войска, в котором написано: «Войску, пребывающему в своих селениях, довольствоваться к содержанию своему от тех преимуществ и выгод, коими оно ныне пользуется» [8, с. 1096].

Разногласия в вопросе владения казаками и киргизами зауральской стороной привели к созданию весной 1865 г. специальной Комиссии по размежеванию левой стороны Урала, которая состояла из чиновников Уральского казачьего войска и Областного правления

киргизов. Для регламентации предполагаемых работ комиссии, была подготовлена специальная высочайше учрежденная «Инструкция для распределения между Уральскими казаками и Зауральскими киргизами Малой Орды долины левого берега р. Урала», состоящая из пятнадцати параграфов. По утвержденному плану комиссия должна была работать от Мухрановского форпоста до Каспийского моря [12. Д. 30 (1864 г.). Л. 50–55 об.].

По результатам работы комиссии военному министру был подан рапорт (№ 47 от 3 сентября 1865 г.) за подписью председателя генерал-лейтенанта Длотовского, где описывались ее результаты. В данном документе комиссией предлагалось определить киргизам участки на левой стороне Урала в следующих местностях и размерах: 1) для 1-й Киргизской дистанции от форпоста Яманхалинского до истока из Урала левого его рукава Соколок, наделить три участка общей площадью 11116 десятин, в том числе поемных лугов общей площадью 5760 десятин; 2) для 2-й Киргизской дистанции от луки Острой до местности, лежащей напротив форпоста Яманхалинского, наделить шесть участков общей площадью 965 десятин, в том числе поемных лугов общей площадью 664 десятин; 3) для 3-й Киргизской дистанции, от могилы Кумка до луки Острой, находящейся напротив форпоста Орловского, определить семь участков общей площадью 2284 десятин, в том числе поемных лугов общей площадью 945 десятин; 4) для 4-й Киргизской дистанции от крепости Сахарной до могилы Кумка, находящейся напротив крепости Калмыковской, определить семь луговых участков общей площадью 5544 десятин, в том числе поемных лугов общей площадью 1510 десятин; 5) для 5-й Киргизской дистанции от пикета Коловертного до станицы Красной, находящейся напротив крепости Сахарной, определить девять луговых участков общей площадью 12465 десятин, в том числе поемных лугов общей площадью 6020 десятин. При этом данные участки включали в себя болотистые места, поросшие камышом, небольшие озера и частично солончаки [12. Д. 30 (1864 г.). Л. 112–112 об.].

В отчете по управлению Оренбургским краем (1865–1866) генерал-губернатора Н.А. Крыжановского описываются последствия работы особой комиссии: «Вашему Императорскому величеству благоугодно было командировать особую Комиссию, под председательством Генерала-Лейтенанта Длотовского, для окончательного разграничения долины левого берега Урала между Уральским казачьим войском и Зауральскими киргизами. При депутатах с обеих сторон, Комиссия исполнила возложенное на нее поручение с полным успехом, на основании инструкции Вашим Императорским Величеством одобренной. Со стороны Министерства Внутренних Дел

сделаны были однако же некоторые замечания на труды Комиссии. Для возможно точного и обстоятельного разъяснения их, Генерал-Губернатор должен был обращать вновь все дело в Областное Правление и в Войсковую Уральскую Канцелярию, что и задержало несколько представление заключения Комиссии на окончательное воззрение и утверждение Вашего Императорского Величества. Эта невольная задержка дела имела однако же и выгодную сторону. Вся зима, т.е. именно то время, когда в прежние годы производились со стороны киргиз потравы и грабежи и происходили споры их с казаками, доходившие не редко до драки, прошла в первый раз тихо и спокойно, были конечно нарушения прав собственности, но не выходявшие из общего ряда, так что проект размежевания составленный Комиссиею был, можно сказать, подвергнут опыту и оказался уже на практике благодетельное для общего спокойствия влияние, и потому Генерал-Губернатор может с большею, чем прежде, уверенностью в несомненной пользе для края представить работу Комиссии на Высочайшее Вашего Императорского Величества воззрение и утверждение» [2. Д. 617. Л. 18 об.–19].

В последующем отчете (1866–1867) Крыжановский уже указывал на затягивание исполнения сделанных Комиссией заключений, замечая, что труд комиссии, оконченный с таким успехом в сентябре 1865 г., остается неутвержденным потому как Министерство внутренних дел настаивает на отделении еще некоторых угодий из долины в пользу киргиз. Дело это было отправлено на рассмотрение войсковой Уральской канцелярии [2. Д. 622. Л. 24; Д. 625. Л. 23].

Несмотря на все чиновничьи проволочки, в 1871 г. по этому делу последовало окончательное заключение. В высочайше утвержденном мнении Государственного совета «О распределении долины левого берега реки Урала между казаками и Зауральскими Киргизами» говорится, что: «Государственный Совет, в Департаменте Государственной Экономии и в Общем Собрании, рассмотрев представление Военного Министра о распределении долины левого берега реки Урала между казаками и Зауральскими Киргизами, мнением положил: Границу распределения между Уральским казачьим войском и Киргизами Зауральскими долины левого берега реки Урала, от впадения в него реки Большаго Илека до впадения Урала в Каспийское море, утвердить согласно предположению по карте Высочайше учрежденной в 1865 году Комиссии, причем земли, признанные за казаками, оставить, по прежнему, в безсрочном пользовании Уральского казачьяго войска, а луговые отводы, выделенные в этой долине Зауральским Киргизам, предоставить в пользование Киргизов...» [9, с. 276].

Вместе с тем киргизам разрешался проход к р. Урал через казацкие земли для водопоя скота, а находящееся в Киргизской степи, вне пределов войсковых дач Черхальское озеро решено было временно предоставить казакам для ловли рыбы, впредь до развития хозяйственного быта киргизов. Было предписано безотлагательно составить и издать для ограждения как скотоводства киргизов, так и рыболовства казаков, правила, определявшие места и порядок беспрепятственного допуска киргизского скота к реке и озеру [9, с. 276].

Таким образом, в последней четверти XIX в. окончательно были установлены восточные границы Уральского войска и закреплены права казаков на зауральские земли. Граница проходила от устья прорана Соколок по течению последнего, вплоть до отделения его от р. Урал (около Кандауровского поселка). Далее, по Бухарской стороне Урала до впадения в него р. Большой Илек, по течению последнего, до впадения р. Большой Песчанки. Уральские казаки на левой стороне реки пользовались Черхальским озером, на котором они занимались рыболовством, а также озерами Индерским и Грязными, из которых добывали соль.

Список литературы

1. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Историческая монография: в 3 т. – Казань, 1897. – Т. 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 678. – Оп. 1.
3. Губернаторы Оренбургского края / сост. В.Г. Семенов, В.П. Семенова. – Оренбург, 1999.
4. Дубовиков А.М. Уральское казачество в системе Российской государственности (XVIII – начало XX в.). – Тольятти, 2007.
5. Идрисов Р.А. Историческая география Западного Казахстана в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 1998.
6. Казачьи войска Азиатской России в XVIII – начале XX в. (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское): сб. док. / сост. Н.Е. Бекмаханова. – М., 2000.
7. Полное Собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1. Т. XIII (1749–1753). № 9988. – СПб., 1830.
8. ПСЗ. Собр. 1. Т. XXVII (1802–1803). № 21101. – СПб., 1830.
9. ПСЗ. Собр. 2. Т. XLVI. Отд. 1. № 49414. – СПб., 1874.
10. Поляков А.Н. Кинделинский форпост Илецкого казачьего войска в XVIII–XIX веках // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 1999. – № 3. – С. 14–18.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1291. – Оп. 81.
12. РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 82.
13. Уральское казачье войско: стат. описание: в 2 т. / сост. Н. Бородин. – Уральск. – 1891. – Т. 1.

Политика коренизации и проблемы межэтнического доверия в Казахстане (1923–1936 гг.)

В статье речь идет о политике коренизации в Казахстане и ее влиянии на урегулирование межэтнических отношений. Автор придерживается мнения, что коренизация была частью интегративной стратегии национального строительства, направленной на выравнивание социального и культурного уровня развития советских народов и формирования на основе классовой солидарности сообщества социалистических наций.

This article is devoted to the policy of indigenization in Kazakhstan and its influence on the settlement of inter-ethnic relations. The author takes the view that indigenization was a part of an integrative strategy of nation-building, aimed at leveling social and cultural levels of development of the Soviet people and the formation of the community of socialist nations on the basis of class solidarity.

Ключевые слова: коренизация, национальное строительство, Советское государство, Сталин, шовинизм, национализм, русские, казахи.

Key words: indigenization, nation-building, the Soviet state, Stalin, chauvinism, nationalism, the Russians, the Kazakh.

Проблемы формирования межэтнического доверия занимают значительное место в обеспечении стабильного развития демократических обществ. Для современного Казахстана весьма важно восстановить доверие в межэтнических отношениях и к национальному государству в общегражданском его понимании. В этой связи актуально изучение опыта политики коренизации в Казахстане (1923–1936), в ходе осуществления которой были проведены мероприятия, обеспечившие интеграцию казахов в создаваемое советское сообщество наций, и созданы предпосылки для развития межэтнического доверия между казахским и русским населением.

В дореволюционном Казахстане широкомасштабное крестьянское переселение и практика земельных изъятий у казахского населения вызывала острые межэтнические конфликты, вела к росту отчуждения и враждебности к официальной власти, попирающей прежний социальный порядок, и русским переселенцам, отнимающим отцовскую землю. Победившие в ходе Гражданской войны большевики предложили национальным меньшинствам новую политику, основанную на доверии и классовой солидарности. М.Н. Губогло обращает внимание на решение X съезда РКП(б), под-

нявшее проблему завоевания доверия трудящихся разных наций как важную составляющую часть национальной политики [2, с. 7–8]. Борьба за доверие народов страны предполагала ликвидацию фактического и юридического неравенства через помощь отсталым народам бывших окраин империи, которые по мере их социального и культурного прогресса должны были интегрироваться в сообщество советских этнических наций. В этом заключалось фундаментальное отличие советской национальной политики от колониальной политики европейских держав. А. Моррисоном отмечено, что в европейских колониальных империях интегративная стратегия, предполагавшая введение правового и политического равенства жителей метрополии, европейских поселенцев и коренных жителей колониальных владений, считалась химерой. Возможность интеграции допускалась только в отношении европейских переселенцев и жителей «материнской» метрополии, как в случае с алжирскими французами или белыми Южной Африки и Австралии [20, р. 332–333].

В исторической науке существуют различные трактовки национальной политики Советского государства в целом и политики коренизации в частности. В зарубежной историографии коренизация представляется преимущественно инструментом завоевания доверия национальных меньшинств и зачастую сводится к нативизации или индигенизации управленческого аппарата [13, с. 274; 22, р. 206]. Отождествив коренизацию с индигенизацией (нативизацией) можно говорить о создании большевиками основ современных этнократий. На наш взгляд, подобные отождествления, как и сведение исторического прошлого страны к истории тоталитаризма, не учитывают особенностей исторической ситуации того времени. Д. Хоскинг, исследовав национальную политику Советского государства, характеризует коренизацию как покровительственную программу действий по отношению к нерусским народам: «Советский Союз стал первой империей, построенной на принципиально новом отношении государственной власти к национальным меньшинствам. Политика коренизации, систематически проводившаяся в 1920-е годы и чуть менее последовательно осуществлявшаяся до самого завершения советского этапа истории России, не имела аналогов в мире того времени. Эта политическая практика предполагала, что каждая народность обладает правом развивать себя в культурном, экономическом, управленческом смысле» [17].

В перестроечной и постсоветской историографии коренизацию зачастую отождествляли с практикой этнизации управленческого аппарата и наиболее престижных социальных «ниш» более поздне-

го периода последних двух десятилетий существования Советского Союза [3, 1998, с. 211, 338; 16, с. 22; 18, с. 216].

На наш взгляд, сведение коренизации только к созданию местных управленческих кадров и расширение временных рамок ее проведения на весь послевоенный период несколько некорректно с позиций историзма. Коренизация, по нашему мнению, не выходила за рамки советской национальной политики 1920–1930-х гг., направленной на ликвидацию фактического и правового неравенства народов СССР. Политика коренизации предполагала не только создание национальных кадров, но и продвижение языков титульных наций в официальное делопроизводство, коренизацию производства и образования. Коренизация способствовала реализации конечных целей советской национальной политики, заключавшихся в окончательном решении национального вопроса и интеграции всех народов страны на новом качественном уровне.

Политические цели политики коренизации были определены на XII съезде партии в 1923 г., на котором широко обсуждались национальные проблемы. Поставленная на съезде задача фактического выравнивания уровней развития народов и устранение их хозяйственного, культурного и политического неравенства потребовала «создания дешевого и действительно нового, действительно социалистического аппарата» [7, с. 86]. Тем самым на начальной стадии коренизация действительно начиналась как кадровая политика, преследующая цель индигенизации управленческого аппарата. По мере развертывания коренизации аппарата возникали проблемы коренизации производства и системы образования. В целом решения X и XII съездов партии определили общую направленность национальной политики Советского государства в 1920-е гг., предполагавшей компромиссы с национальными элитами. Дж. Смит считает, что 1920-е гг. были временем максимального учета Москвой интересов национальных меньшинств и высокого уровня полномочий республиканских властей [15, с. 317–318].

Отсчет коренизации в Казахстане начинается с принятия 22 ноября 1923 г. декрета КазЦИК о введении делопроизводства на казахском языке. Согласно графику с января по июль 1924 г. все официальное делопроизводство в казахских волостях должно было быть переведено на родной язык. С целью контроля над проведением коренизации был создан специальный орган – Комиссия при КазЦИК по коренизации. С конца 1923 г. начали деятельность губернские и уездные подразделения республиканской Комиссии по коренизации.

Политика коренизации предусматривала проведение в жизнь комплекса мер, предназначенных для привлечения казахов в госу-

дарственное управление, модернизации социальной структуры этноса через формирование кадров индустриальных работников. На первом этапе (1923–1926) главной задачей ставилась коренизация управленческого аппарата, проводившаяся методом процентной нормы, предполагавшим проведение практики позитивной дискриминации русского населения.

Краевое руководство столкнулось с отсутствием в республике значительной прослойки европейски образованных и идеологически устойчивых кадров, с массовой неграмотностью казахского населения. Подготовка кадров велась в профессиональных учебных заведениях. В 1925 г. в республике насчитывалось 42 средних учебных заведения, в которых обучалось 1790 казахов [8, с. 263–264]. Ускоренными темпами рекрутировались казахи в ряды республиканской партийной организации. В 1922 г. численность казахских коммунистов составляла 1481 чел. (8,9 % от общей численности партийцев), с 1924 по 1 января 1926 г. численность казахских коммунистов выросла в семь раз, с 1 539 до 11 634 чел. Большая часть новых коммунистов была малообразованной. На 1 января 1926 г. из 11 634 казахов – членов партии 4 432 были азбучно неграмотны (38 %), из 6 225 партийцев из числа национальных меньшинств азбучно неграмотны были 1 471 человек. Из 15.399 русских коммунистов неграмотны были только 631 чел. (4 %) [14. Д. 3. Л. 13–14].

Работникам европейских национальностей не вменялось в обязанность знание казахского языка. Юридический «пробел» позволял многим руководителям обходить грозные директивы «сверху». Политика позитивной дискриминации вызывала недоумение и сопротивление не только «европейских» ответработников, но и широких слоев русского населения, переносивших неприязнь и обиды на титульное население. На местах имело место игнорирование требований республиканского руководства. В Семипалатинске местный районный руководитель открыто объявил: «У нас русский район, поэтому на решения Казакской конференции не заостряли внимание» [14. Д. 17. Л. 30].

Коренизация проходила первоначально успешно лишь на уровне республиканского аппарата. К концу первого этапа коренизации представительство казахов на всех уровнях партийно-государственного аппарата было значительно ниже, чем планировалось. На начало 1926 г. среди руководителей различного уровня республиканских организаций казахи составляли 40,2 %, губернских – 22,6 % и уездных – 48,7 %. Среди служащих, имеющих высокий уровень образования и квалификации (инструкторов и инженеров), казахов было значительно меньше: в краевых организациях – 16,4 и 5,4 % соответственно; губернских – 16,2 и 4,4 %. Значительно выше

было представительство казахов среди служащих, имеющих низкий уровень квалификации – сторожей, уборщиц и кучеров. В краевых органах власти они занимали 25,8 % штата служащих, в губернских – 11,8 % и уездных – 35,7 %. Желаемого уровня коренизации удалось достичь лишь в высшем руководящем звене. На 1 января 1926 г. в Президиуме КазЦИК работало 12 казахов, 2 русских, 1 каракалпак и 1 узбек. В республиканском СНК на руководящих постах находились 11 казахов и 5 представителей неказахского населения. В составе руководителей республиканских хозяйственных органов представительство было иным – 8 из 16 чел. руководителями были русскими по национальности. На 1 января 1925 г. по данным КазЦИК наибольшее представительство казахов было в Наркомате просвещения (28 %), социального обеспечения (27,7 %), Наркомате РКИ (20 %) и Наркомате юстиции (17,5 %). Меньше всего были коренизированы Народный комиссариат труда (7 %), внутренних дел (6 %), Казцентрсовнархоз (6 %), Наркомат здравоохранения (4 %), Казвоенкомат (4 %), Уполнаркомвнутрторг (2,5 %), Казстатуправление (1,5 %) и Наркомат финансов (0 %) [1, с. 131].

В 1926 г. в политику коренизации были внесены изменения, заключавшиеся в переходе от процентной коренизации к функциональной. 20 мая 1926 г. Президиум КазЦИК осудил процентную коренизацию и ликвидировал комиссию по коренизации с передачей дел в Наркомат РКИ. Голощекин настаивал на коренизации только государственного и советского аппарата, считая, что подбор кадров в партаппарате является прерогативой союзного ЦК.

С 27 мая 1926 г. начинается этап функциональной коренизации, заключавшийся в выделении номенклатуры должностей, занимаемых в обязательном порядке либо казахами, либо представителями неказахского населения, свободно владеющими казахским языком. Следуя директивам КазЦИК и Казкрайкома ВКП(б) Наркомат РКИ выделил 42 наименования должностей и зарезервировал 13 тыс. мест, подлежащих коренизации в аппарате. Но и функциональный метод не привел к перелому. К марту 1927 г. в местном аппарате из 11.968 намеченных должностей коренизировано было только 2 567 (23,2 %), в краевом аппарате из 840 должностей коренизировано 195 (23,7 %) [9, с. 328]. В январе 1928 г. завершился второй этап коренизации. 17 января 1928 г. Вторая сессия КазЦИК VI созыва передала полномочия органа по коренизации Наркомата РКИ в ведение организационных отделов исполкомов Советов. Тем самым, коренизация была низведена с уровня общегосударственной политики до кадровой деятельности местного аппарата. Следует признать объективные трудности, возникшие в процессе привлечения казахов в партийно-государственный аппарат и внедрения ка-

захского языка среди русской части ответственных работников. Е.Н. Бурдина отмечала, что основная часть казахских работников слабо владела русским языком [1, с. 133].

Отзыв Ф.И. Голощекина из республики в 1933 г. привел к временному восстановлению прежней политической практики уступок национальным чувствам, действовавшей в первой половине 1920-х гг. По настоянию нового руководителя краевой партийной организации Л. Мирзояна в январе 1933 г. Пленум Казкрайкома ВКП(б) осудил подавление национальных кадров и вновь обратил внимание на необходимость борьбы с великодержавным шовинизмом. Л. Мирзоян связал появление казахского национализма с реакцией на шовинизм: «проявления великодержавного шовинизма усиливали и в значительной мере питали казахский национализм» [12, с. 4].

16 апреля 1933 г. на специально созванном бюро Казкрайкома ВКП(б) вновь был поставлен вопрос о внедрении казахского языка в официальное делопроизводство. По постановлению бюро Казкрайкома ВКП(б) было намечено в течение 1933 г. перевести на казахский язык полностью официальное делопроизводство в КазЦИК, в Наркомате просвещения, Наркомате здравоохранения, Рабоче-Крестьянской инспекции, Наркомземе и в аппарате СНК Казахской АССР. Всем остальным наркоматам строго вменялось в обязанность ведение деловой переписки на казахском и русском языках. На все заявления и письма, полученные на казахском языке, следовало давать ответы только на казахском языке. В последующем было рекомендовано перейти на казахский язык обучения в школах и в других учебных заведениях [14. Д. 76. Л. 94].

В директивном порядке были подвергнуты коренизации КазЦИК, СНК КАССР, Наркомат юстиции и Верховный суд КАССР. В аппарате этих ведомств доля казахских кадров возросла с 29,8 % в 1932 г. до 37,2 % в 1934 г. В 15 республиканских наркоматах численность казахских работников возросла с 227 чел. (18,5 %) до 330 чел. (25,5 %) [14. Д. 77. Л. 100].

Сопrotивление коренизации жестко пресекалось. Осенью 1933 г. были сняты со своих должностей и привлечены к административной ответственности с формулировкой «за шовинистическое отношение к казахским кадрам» директор Казкомводуправления Свистунов и член коллегии Наркомсено Шакурин [14. Д. 71. Л. 100]. Тем не менее, на бытовом уровне в среднем и местном звене аппарата сохранялось критическое отношение европейских работников к продвижению казахских кадров.

Краевое руководство еще в конце 1920-х гг. в соответствии с установками союзных органов управления экономикой обратило внимание на коренизацию производства. В августе 1929 г. СТО

СССР обязал ВСНХ СССР вовлечь в районах с преобладанием национальных меньшинств коренное население в индустриальное производство путем подготовки рабочих кадров в школах ФЗУ на курсах повышения квалификации. Постепенно казахи вместе с русскими и украинцами стали составлять основу «производящего класса» в республике. Между 1 января 1927 г. и 1 января 1936 г. численность казахских рабочих и служащих выросла с 66,4 до 246,9 тыс. чел. [6, с. 188]. В начале 1936 г. казахские кадры составляли 43 % рабочих, занятых в промышленности, в строительстве – 37,6 %, в транспорте – 31,8 %, в сельском хозяйстве – 55,2 % [11, с. 197].

Коренизация производства, так же как и коренизация аппарата, вызвала серьезные трения между казахским и русским населением края. Т. Мартин отмечает, что после отмены преференций на землеустройство с 1927 г. основные конфликты на межнациональной основе происходили уже не в сельской местности, а в городах из-за рабочих мест в индустриальном секторе экономики [10, с. 209]. На VI Всеказахском съезде Советов (конец марта 1927 г.) в качестве примера приводилось железнодорожное депо станции Туркестан, где работало только 50 казахских рабочих из 1.800 чел. персонала. Казахские рабочие увольнялись администрацией в первую очередь. Даже сотрудники ОДТ ГПУ считали, что нельзя казахов заселять в казенных домах и доверять работу стрелочника [4, с. 275]. На флагманах индустриализации – Риддерском заводе и Карсакпайском комбинате, процветала этническая сегрегация, рабочих-казахов не пускали жить в одно общежитие с русскими, частыми были драки на межнациональной основе.

Ситуация с конкуренцией за рабочие места осложнялась с притоком в республику безработных из центра страны. Приток безработных усилился в связи со строительством Турксиба. В Семипалатинск прибыло до 8 тыс. безработных, из них 2 тыс. скопились в Сергиополе. Основную часть безработных составляли неквалифицированные рабочие, конкурировавшие за рабочие места с местными казахами [11, с. 148]. 31 декабря 1928 г. в Сергиопольском укладочном городке Турксиба произошел погром казахских рабочих. Краевое руководство жестко подавило выступления погромщиков. Один из организаторов погрома был расстрелян, еще 14 чел. получили длительные сроки заключения. Семипалатинский окружной комитет партии жестко осудил не только погромщиков, но также партийных и комсомольских работников, потворствовавших избиению казахских рабочих. Один из руководителей Турксиба Гольдман, известный своим презрительным отношением к казахам, был осужден как контрреволюционер [13, с. 287].

После Сергиопольского погрома проводилась целенаправленная борьба партийных и государственных органов с «шовинистами» и «байскими элементами». 30 января 1935 г. председатель Карагандинского облсовпрофа докладывал Комиссии партийного контроля об административном наказании заведующего шахтой № 1 Смертюка за увольнение без уважительных причин пяти казахских десятников, имеющих большой производственный стаж и прошедших подготовку на курсах горных мастеров. Бюро Карагандинского горкома партии потребовало осуждения заведующего шахтой и восстановления уволенных десятников на работу [5, с. 153]. С целью сблизить рабочих разных национальностей русских и казахских рабочих старались селить в одних бараках, но по религиозным соображениям сами рабочие воздвигали деревянные перегородки [10, с. 214].

Репрессии в отношении инициаторов дискриминации казахских рабочих и мероприятия по сближению рабочих разных национальностей являются логическим следствием политики советского интернационализма. Партийные инстанции стремились преодолеть бытовавшие этнические фобии и тем самым формировать основы нового общества. Следует сказать, что усилия партийных инстанций были поддержаны интернационально настроенной частью русских рабочих, преимущественно из числа коммунистов и комсомольцев. Они отслеживали соблюдение режима питания и оплаты казахских рабочих, старались передать им свои трудовые навыки и интегрировать казахов в индустриальное производство [13, с. 288].

Успехи в создании национальных кадров в управлении и на производстве привели в 1936 г. к постепенному сворачиванию коренизации. А. Беннигсен увязывает свертывание коренизации аппарата с ликвидацией влияния национал-коммунистов, полагая, что коренизация «была прекращена якобы по практическим соображениям: быстрая индустриализация требовала армию обученных техников и специалистов, которую мог поставить русский народ, но не могли предоставить местные национальности... Ликвидация национал-коммунистов, как мусульман, так и не мусульман, прошла одновременно во всех частях Советского Союза» [19, р. 90].

Считалось, что коренизация достигла своей цели, обеспечив доступность управленческого аппарата для населения и представительство казахов в партийно-государственном аппарате. В 1936 г. казахи составляли 66,6 % КазЦИКа, в руководстве республиканских наркоматов – 64 %, в составе руководящих работников исполкомов – 53 %, председателей областных исполкомов – 55,5 %. В составе райисполкомов казахи составляли 69 %, председателей аулсоветов – 64,7 %. Вырос контингент казахских коммунистов. На 1 января 1937 г.

казахи составляли 46,8 % партийной организации республики, русские – 32,9 %, украинцы – 9,7 %, узбеки – 1,6 %, уйгуры – 1,1 % [6, с. 78, 81]. По внешней форме коренизация достигла своих целей и потому 23 октября 1936 г. Президиум КазЦИК ликвидировал Комитет по коренизации при Президиуме КазЦИК. По мнению К. О'Коннора, «Политика коренизации постепенно пришла к концу, когда советский режим начал продвигать русификацию политических институтов в нерусских республиках. Хотя Сталин содействовал политике русификации главной его целью было обеспечение советского господства в национальных окраинах» [21, р. 35].

В целом сущность политики коренизации не сводима только к практике этнизации партийно-государственного аппарата. В ходе коренизации предполагалось создание управленческого аппарата, максимально приближенного к населению, тем самым цели коренизации заключались не во «взрачивании» этнонационализма, а в преодолении отчуждения и завоевании доверия нерусского населения к советской власти и к русскому народу, достижению социального и культурного прогресса советских народов. Этой же цели служили коренизация производства, предполагавшая подготовку кадров индустриальных рабочих, и культурно-образовательная политика. В итоге это способствовало интеграции народов страны на основе интернационализма накануне грозных испытаний. Национальный вопрос, в таком виде, как это представлялось дореволюционной казахской интеллигенции, советское руководство решило, ликвидировав фактическое и правовое неравенство казахского народа, предоставив беспрецедентно широкие возможности для развития образования, культуры, здравоохранения. Казахское население реально видело происходящее улучшение жизни и вовлеченность своих представителей в управление. На протяжении последующих десятилетий казахи были одним из наиболее лояльных к Советскому государству этносов. М.Б. Олкотт признает: «Сталинский режим, кажется, был относительно успешным в формировании советского патриотизма среди казахов. Нет или почти нет доказательств нелояльности казахов во время Второй мировой войны. Кроме того, Сталин превратился в народного героя, и усилия по искоренению практики сталинского культа личности были менее успешными в национальных регионах, чем в России» [23, р. 208].

Список литературы

1. Бурдина Е.Н. Факторы становления языкового законодательства и реализация права пользования родным языком в Советском Казахстане // Этнос, о-во, цивилизация: III Кузеевские чт. – Уфа, 2012. – С. 131–134.
2. Губогло М.Н. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. – М., 2014.

3. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. – М., 1998.
4. Из истории депортаций. Казахстан 1930–1935 гг.: сб. док. – Алматы, 2012.
5. История индустриализации Казахской ССР (1926 – июнь 1941 гг.): сб. док. Т. 2 (1933–1941 гг.) / под ред. С.Б. Байшева. – Алма-Ата, 1967.
6. Кийкбаев Н. Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. – Алма-Ата, 1957.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. – Т. 2. – М., 1983.
8. Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.): сб. док. и материалов. – Алма-Ата, 1965.
9. Кучкин А.П. Советизация казахского аула (1926–1929 гг.). – М., 1962.
10. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. – М., 2011.
11. Нусупбеков А.Н. Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане (1917–1940 гг.). – Алма-Ата, 1966.
12. О коренизации (Сборник руководящих материалов) / сост. Х. Амрин, Е.И. Князев. – Алма-Ата, 1934.
13. Пэйн М. «Кузница» казахского пролетариата? Турксиб, нативизация и индустриализация в годы сталинского Первого пятилетнего плана // Гос-во наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни и Т. Мартина. – М., 2011. – С. 273–309.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 25.
15. Смит Дж. Оценка советской национальной политики: к построению количественно модели // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. / под ред. И. Герасимова и др. – Казань, 2004. – С. 353–374.
16. Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничном гос-ве: материалы междунар. конф. 1993 г. – М., 1994. – С. 9–34.
17. Хоскинг Д. Советский опыт был не так уж и плох // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 4(78). – URL: [http://www. magazines.russ.ru/nz/2011/4/i15.html](http://www.magazines.russ.ru/nz/2011/4/i15.html) (дата обращения: 17.04.2014).
18. Чешко С.В. Распад Советского Союза. – М., 2000.
19. Bennigsen A., Wimbush S.E. Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World. – Chicago, 1979.
20. Morrison A. Metropole, Colony, and Imperial Citizenship in the Russian Empire // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 13. №. 2. (2012). – P. 15–26.
21. O'Connor K. Intellectuals and Apparatchiks: Russian Nationalism and the Gorbachev Revolution. – Lanham, 2006.
22. Olcott M. B. The Kazakhs. – Stanford, 1995.
23. Olcott M.B. The Fabrication of a Social Past: The Kazakhs of Central Asia // Political Anthropology Yearbook 1. Ideology and Interest: The Dialectics of Politics. – New Brunswick, 1980. – P. 285–300.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 94(470.41):28-472:008(4+5)

Р.М. Зябиров

Процесс проникновения западно-светских идей в татарскую общественную мысль

После падения Казанского ханства на духовную культуру и религиозно-философскую жизнь татарского народа начинает влиять уже не мусульманская цивилизация, а западная культура. В XIX в. возникают реформаторские и обновленческие течения мысли. Татарская интеллигенция занимается модернизацией религиозно-мировоззренческой и этико-ценностной проблематики.

After the fall of the Khanate of Kazan not Islamic civilization but Western culture begins to affect the spiritual culture and religious and philosophical life of the Tatar people. In XIX century reform and renovation currents of thought arose. Tatar intelligentsia modernizes religious, ideological, ethical and value issues.

Ключевые слова: Запад, Восток, культура, татары, образование, реформаторство, джадидизм.

Key words: East, West, culture, tatars, education, reformism, jadidism.

В эпоху расцвета арабо-мусульманской философии (IX–XII вв.) Волжская Булгария становится частью этого богатейшего наследия. До официального принятия ислама в Волжской Булгарии большая часть болгар «исповедует ислам, и есть в селениях мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами» [6].

Дипломатические контакты между исламским миром и Булгарией были неслучайны. По мнению ученого Анаса Халидова, багдадским халифатом правили турки, точнее они были во всех сферах деятельности государства: в религиозно-правовой мысли, науке, торговле и в военном деле. Произошла некая арабо-тюркская интеграция мысли [21, с. 8–9].

«Они (булгары), как один просвещенный и могучий народ, проживают в городах и селениях. Выращивают хлеб и занимаются торговлей», – описывали арабы-путешественники характер болгарского быта [16, с. 28].

Наиболее старым и удобным торговым маршрутом из Булгарии в Европу являлся Волго-балтийский торговый путь, которым должны были пользоваться болгарские купцы до того, как он был перекрыт молодым западным государством [13, с. 40].

С.М. Соловьев про Волжскую Булгарию писал: «...Издавна утвердился здесь торговый и промышленный народ – болгары; издавна, когда еще русский славянин не начинал строить на Оке церквей христианских, не занимал еще этих мест... болгарин слушал уже Коран на берегах Волги и Камы» [14, с. 461].

Арабские путешественники называли реку Волгу аль-Итиль. Некоторые арабские современные исследователи, например египетский ученый Амин Аль-Холи, в своей работе, касающейся экономических, политических, культурных отношений между государством мамлюков-бахритов и Золотой Ордой в XIII–XIV вв., называет «Волгой целое государство, возникшее после раздела Чингисханом своих владений между сыновьями» [2, с. 20]. Это государство занимало территорию между Уральскими горами и р. Волгой. Границами его были Дон, Черное и Каспийское моря на юге, Мавераннахр и Восточный Туркестан на востоке, «скованная холодом» земля на севере и русские княжества на западе. Центральной областью этого татарского государства была обширная Кипчакская степь, или Дешти Кипчак [3, с. 381].

Равиль Фахрутдинов отмечает: «Под влиянием передовых арабской и среднеазиатской культур у болгар наблюдается дальнейшее развитие культуры, просвещения, разных наук» [18, с. 85].

С X в. в Волжской Булгарии руническая графика была заменена арабской, которая стала языком науки и религии [23, с. 36].

После опустошительных завоеваний Тимура единство Туранского мира рушится бесповоротно: вместо одного появляется два центра туранской экспансии: западный и восточный, две Турции: одна «настоящая» в Туркестане, другая «ирианизированная», на Босфоре. Экспансия идет от обоих центров параллельно и одновременно. В то же время зарождается новый центр экспансии – на старых торговых путях через Волгу и Урал, новое «срединное» царство, государство Московское, еще недавно один из улусов Великого Хана. Эта держава, на которую Запад глядел, как на Азию в Европе, играло в XVII–XIX вв. роль авангарда в контрнаступлении Запада на Восток.

К концу XIV в. католический мир Запада поставил перед собой главную цель, – считают авторы книги «Наследие татар» Гали Еникеев и Шихаб Китабче, – завоевать татарские земли, напрямую подвластные Золотой Орде, не военным безуспешным натиском на Восток, как это было в XIII в., а больше проведением крестоносцами идеологической и агентурной работы по внутреннему разложению татарского государственного строя [9, с. 94–95].

На территории северного торгового пути действовали многочисленные миссионеры и купцы – агенты влияния Запада. Так воз-

никли поселения итальянцев на берегах Черного и Азовского морей, на Дону и Волге. Главным центром католиков считался город Кафа в Крыму [9, с. 96].

С потерей государственности Казанского ханства (вторая половина XVI в.), в истории татарского народа начинается период существования в совершенно новых социально-экономических реалиях. Если мусульманская цивилизация определяла на протяжении многих столетий духовную культуру татарского народа и религиозно-философскую жизнь, предшествующую Новому времени, то западная культура начала оказывать цивилизаторское воздействие на татарскую духовную культуру со второй половины XVIII в. и была определяющей в формировании татарской просветительской мысли [24, с. 39].

К середине XVI в. начался экономический кризис в Средней Азии, во многом из-за отказа купцов от шелкового пути в пользу более дешевого морского, а к XVII в. Туркестан оказался изолированным от остального мира – шиитскими сафавидами и московским православием [23, с. 68]. В этот период остро встает вопрос о налаживании торгового отношения России со Средней Азией, как связующем звене между Московским и среднеазиатскими государствами. С основанием в 1734 г. Оренбурга была установлена караванная торговля со Средней Азией, однако российско-азиатская торговля «не была обеспечена никакими надежными ручательствами правителей Бухары, Хивы, Каканда и Ташкента. Договора, хотя и заключались, были настолько сомнительными и непостоянными, что опереться на них было невозможно» [11, с. 112].

До завоевания Средней Азии русскими значительная часть российской торговли с этими странами велась при посредстве татарских купцов. Татарский купец мог иметь влияние, поскольку он знал языки и обычаи казахов, узбеков и таджиков.

Как отмечает А. Юзеев, «из-за интеллектуальной и культурной деградации народов Средней Азии к XVII в. проникновение русских на восток, во многих случаях с помощью образованной части татарского населения, способствовало... приобщению среднеазиатского населения к русской и западноевропейской культурам» [23, с. 68].

Динамика развития торговых отношений и освоение новых маршрутов стали тем фактором, который во многом обусловил особенности развития народного образования [10, с. 19]. Примерно со второй половины XVII в. начинает усиливаться ориентация в образовательном плане на Бухару [17, с. 38]. Священная Бухара для татар всегда (до второй половины XIX в.) была источником мусульманской правовой учености [12, с. 21] и воспринималась как

своеобразный символ «оплота» чистого ислама, «колыбель» мусульманской науки [10, с. 23].

Десятки и сотни представителей татарской молодежи получали воспитание в Бухарском и Хорезмском медресе, откуда их выпускали вооруженными знаниями догматов ислама и восточной философии, но совершенно чуждыми и враждебными всякого рода новым веяниям, идущим с Запада [4, с. 13].

Основные принципы, на которых базировалось традиционное бухарское образование, были заложены еще в Средневековье. Светские дисциплины в бухарских медресе практически не изучались, если не считать начал арифметики, нескольких книг средневековых авторов по истории [10, с. 27]. Программа бухарской системы преподавания дисциплин, установленная в Средневековье, в XIX в. утратила свое значение, и изучение их носило скорее формальный характер, нежели практический.

Полная отчужденность бухарской школы от европейского влияния и отсутствия непосредственной связи с Европой позволили сохранять регрессивные формы Средневековья, опутанного религиозной мусульманской схоластикой. При участии татарских меценатов были открыты многочисленные учебные заведения, в которых подготавливались муллы, муэдзины, мюриды, связывавшие тысячами нитей татарское население с восточным «кадимизмом» и мешавшие всякому движению вперед [4, с. 13].

Если Бухара считалась основным источником получения знаний, то Каир был основной отправной точкой совершения хаджа для приволжских татар. Постоянные контакты татар с мусульманским Востоком не могли не привести к знакомству с западными ценностями. После завоевания французами Египта, в 1799 г. в Каире была открыта библиотека и стал функционировать научный центр, деятельность которого сопровождалась выпуском первой мусульманской газеты «Ат-танбих» [20, с. 55]. В период с 1822 г. по 1843 г. с европейских языков на арабский было переведено множество произведений научной литературы по различным областям знаний. В связи с этим татары, совершавшие хадж, познакомились с плодами европейской цивилизации в мусульманских государствах, ибо университетские знания России для них были закрыты [20, с. 56]. Сами по себе татары были образованными, «по меньшей мере каждый седьмой грамотен. В женском поле эта пропорция идет еще выше. Многие татарки прилично знают по-персидски и по-арабски» [5, с. 12]. Профессор К. Фукс, отмечая способность татар к учению, говорил, что «татарин не умеющий читать и писать, презирается своими земляками и как гражданин не пользуется уважением других» [19, с. 114].

Впоследствии сама социально-культурная ситуация в Поволжье и Приуралье на рубеже XVIII–XIX вв. благоприятствовала появлению первых татарских теологов, выдвинувших реформаторские идеи» [22, с. 62].

На мусульманском Востоке в XIX в. процессы рационализации проходили в основном под влиянием социально-экономической ситуации, которая диктовала необходимость изменения религии и порождала людей, понимающих необходимость изменения сознания верующих в соответствии с современными потребностями развития общества. А в татарском обществе процесс рационализации общественных сторон жизни «существенно отличался от реформации на Западе» [1, с. 5], вначале приняв формы проводимых «сверху вниз» государственных реформ – указ Екатерины II об учреждении Духовного собрания мусульман России.

В XIX в. идеология господствующего класса татар приобретала новые, неизвестные доселе формы. Уже в первой четверти столетия татары имели довольно развитую культуру. Татарского дворянства почти не было, оно обрусело и крестилось уже в XVII–XVIII вв. Наряду с этим происходило сильное расслоение крестьянства, бедная часть которого из-за обезземеливания пополняла ряды бедных масс на Урале и Донбассе. Этот процесс, тормозивший умственное развитие татарской нации, привел, с одной стороны, к разложению внутри татарского общества, а с другой, формировал требование приоритета разума над мнениями однобоко мыслящих духовных авторитетов [7, с. 275].

Для кануна Нового времени характерно новое явление – расширение межнациональных и межконфессиональных контактов татарского народа, порожденных рядом обстоятельств. Во-первых, в связи с переселенческой политикой русского правительства и миграциями населения возросла многонациональность населения Поволжья и Приуралья. Во-вторых, несмотря на провоцируемую правительством межнациональную рознь и вражду, объективно подпитывались связи и контакты между народами [15, с. 264].

В результате промышленного переворота Россия стала широко применять новую технику, что катастрофически отразилось на татарской промышленности. Татарская экономика из-за отсутствия банковской, кредитной и торгово-промышленной систем превратилась в посредническую между русскими и среднеазиатскими купцами. С 60-х гг. XIX в. татарская экономика получает новый удар. Российский капитализм с оружием в руках активно продвигался в Среднюю Азию, заявляя этим, что он с данного периода не нуждается в посреднической миссии татарских купцов. Помимо того, с середины XIX столетия с усилением роста колонизаторских тенденций

российского правительства опять возобновился религиозный и национальный натиск на татар [7, с. 276].

В первой половине XIX в. часть татар ясно понимала необходимость европейского образования, однако условия и политика властей России не давали возможности для такого рода изменений [20, с. 57]. В этот период татарской элитой принимаются попытки создания мусульманской школы светского образца. Однако, несмотря на то что программа для татарского национального училища была разработана и мало отличалась от программ аналогичных русских учебных заведений, не была одобрена министром народного просвещения.

По подсчетам М.Н. Фархшатова, именно с 1830-х гг. начинается резкое увеличение числа мусульманских учебных заведений.

Во второй половине XIX в. российские мусульмане осознали, что их учебная система абсолютно не соответствует требованиям современной жизни, «и они начали изыскивать средства и пути к упорядочению и преобразованию старометодных мектебе в новометодные» [7, с. 454], не обращая внимания на мнение властей. Преобразование в педагогической системе оказало существенное влияние и на общественную мысль российских мусульман. В течение 4–5 лет пребывания в старометодных мектебах детей не обучали ни письму, ни чтению, ни арифметике, ни вероучению и вообще не учили ничему, кроме чтения Хафтияка и Корана.

Новометодные мектебе показали, что дети в течение двух, самое большое – трех лет, в состоянии обучиться и чтению, и письму, и арифметике, и вероучению [7, с. 457].

В конце XIX в. среди представителей мусульманской интеллигенции, занимавшихся исследованием причин процветания Запада и отсталости исламской цивилизации, возникли реформаторские и обновленческие течения мысли. Они особенно быстро развивались среди российских мусульман [8, с. 71]. В этот переломный период в татарской интеллектуальной среде возникает «интерес к наследию прошлого, к национальным корням, духовным и религиозно-эстетическим традициям. Одновременно изучались и осмысливались литературные и культурно-политические взаимосвязи с Западом и Востоком... развернулись дискуссии вокруг трактовки культурного наследия прошлого и отношения к проблеме "Запад-Восток" и западной цивилизации в широком плане» [12, с. 39].

Татарская общественная мысль конца XIX в. была неоднозначной в плане того, «как?» и «каким путем?» должна идти татарская нация для самореализации и совершенствования собственного духовно-мыслительного потенциала. По мнению Айдара Юзеева, философская мысль татар этого периода характеризуется двумя

направлениями: «религиозным реформаторством и просветительством» [24, с. 9].

Существенное влияние на татарскую общественную мысль оказали реформы в Европе и России. Среди них в области образования ведущую роль играли европейские и русские школы. Начиная с Марджани, джадидисты следовали достижениям Запада и во многих случаях ссылались на них. В это время начали переводить многие произведения известных русских и западных писателей и писать сочинения подобного рода.

Другим фактором обновленческого движения явились османские реформы. Достижения Османского государства: отправленные в Европу учащиеся, перевод на турецкий язык западных произведений, открытые позднее университеты – эти и другие явления находились в кругу интересов татарской интеллигенции. Сочинения Ахмета Джевдета паши и Ахмада Мидхада стали путеводителем для татарской общественности.

Османские мыслители активно влияли на идейные движения Волго-Уральского региона в области религиозных преобразований. В некоторых медресе региона в качестве учебника изучали «Меджелле-и ахамы адлия» («Судебные распоряжения свода законов»), подготовленного под руководством Ахмеда Джавдета паши, при содействии Р. Фахретдина. Муса Бигиев написал произведение «Каваиды фикхия» («Правила фикха») по образцу Меджелле.

Одним из наиболее влиятельных факторов является реформаторское движение, возникшее в Египте в конце XIX в. Внутри этого течения на регион оказали влияние идеи, произведения и статьи периодических изданий Джамаледдина Афгани, Мухаммеда Абдо, Касыма Амина и Рашида Риды. Будучи в Египте, многие татарские джадидитские просветители собирались на уроках этих реформаторов. Среди них были те, которые оставались полностью под воздействием египетской школы и те, кто использовал идеи, соответствующие их взглядам.

Таким образом, к концу XIX – началу XX в. во всем исламском мире происходили напряженные споры по поводу научного развития Запада и причин отставания мусульман. Среди этих споров, возможно, в первую очередь обсуждались проблемы богословской науки. Причиной их первоочередности является непосредственная актуализация области веры и богословия, в условиях влияния новых наук, с их западными умонастроениями на основы религии в общем и ислама в частности. Принимающие это во внимание татарские мыслители пытались найти консенсус между унификацией наук и расширением границ понятий «калама» и «ахл ас-сунна».

Татарская интеллигенция ясно понимала необходимость европейского образования, однако условия и политика властей России не давали возможности для такого рода изменений. В этот период татарской элитой принимаются попытки создания мусульманской школы светского образца.

Список литературы

1. Абдуллин Я.Г. Татарская просветительская мысль. – Казань, 2002.
2. Амин Аль-Холи. Связь между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. / сокр. пер. с араб. – М., 1962.
3. Ар-Рамзи. Тальфик аль-ахбар ва талькыху аль-асар фи вакаии Казан ва Булгар ва мулюк татар. – Оренбург, 1907. – Т. 1.
4. Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – Казань, 2002.
5. Вестник научного общества татароведения. – 1926. – № 5.
6. Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1995. – Май.
7. Гаспринский И. Тарихи-документаль жыентык / тоз. С. Рэхимов. – Казань, 2006.
8. Гермез М. Муса Джарулла Бигиев. – Казань, 2010.
9. Енекеев Г.Р., Шихаб Китабче – Наследие татар. – М., 2012.
10. Курсави Абу-н-Наср. Наставление людей на путь истины (ал-Иршад ли-л-ибад) – пер. с араб. – Казань, 2005.
11. Михалева Г.А. Узбекистан в XVIII – первой половине XIX века: ремесло, торговля и пошлины. – Ташкент, 1991.
12. Мухаметшин Р.М. Ислам в татарской общественной мысли начала XX века. – Казань, 2000.
13. Набиев Р. Булгар и Северная Европа: древние связи. Казань, 2001.
14. Соловьев С.М. Сочинения. – История России с древнейших времен. – М., 1989. – Т. 5–6.
15. Тагиров Э.Р. На перекрестке цивилизаций. История татар в контексте культуры мира. – Казань, 2007.
16. Фахретдинов Р. Болгар вэ Казан тореклэре. – Казань, 1941.
17. Фахреддинов Р. Асар. – Оренбург, 1901.
18. Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории волжской Булгарии. – М., 1984.
19. Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. – Казань, 1844.
20. Хабутдинов А. Ю. Миллет Оренбургского духовного собрания в конце XVIII–XIX вв. – Казань, 2000.
21. Халидов А. Тюрки в столице халифата (IX в.) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья XIX–XIII веков: материалы междунар. симпозиума. Казань, 8–10 сент. 1998. – Казань, 1999.
22. Юзеев А.Н. Татарская религиозно-реформаторская мысль (XIX – начало XX в.). – Казань, 2012.
23. Юзеев А.Н. Тарская философская мысль конца XVIII–XIX века (эволюция, основные направления и представители). Кн. 1. – Казань, 1998.
24. Юзеев А. Н. Философская мысль татарского народа. – Казань, 2007.

Начальный период эволюции бакунизма

В статье анализируется содержание раннего бакунизма и устанавливается его соотношение с главными идеями анархической теории М.А. Бакунина. На основании этого сделан вывод, что бакунинское мировоззрение рассматриваемого периода представляет собой начальный этап генезиса революционного анархизма.

The content of early Bakunism is analyzed and its relation to main ideas of the anarchic theory of M.A. Bakunin is ascertained in the article. On that base it is concluded that Bakunin's views of the studied period were the beginning stage of genesis of revolutionary anarchism.

Ключевые слова: М.А. Бакунин, бакунизм, идеология революционного анархизма, теория свободы, развитие личности.

Key words: M.A. Bakunin, Bakunism, ideology of revolutionary anarchism, the theory of freedom, the development of a person.

Актуальность изучения бакунизма обусловлена решением в его теории вопросов сущности и назначения человека, отношения народа и власти, содержания и пути социальных преобразований в интересах народа, самоорганизации народа (общества) – главных в общественном развитии.

Решение проблемы периодизации бакунизма необходимо для исследования его теории и практики. Периодизация явлений, процессов – одна из важнейших научных проблем, изучение которой позволяет раскрыть сущность, эволюцию и значение исследуемых явлений, выявить закономерности их развития.

Вследствие того, что бакунизм традиционно рассматривался как антигосударственная идеология, «безвластие», периодизация его эволюции основывается на противопоставлении «доанархистского» периода (1830-е – начало 1860-х гг.) анархистскому (1864–1876). Традиция этой периодизации была заложена Ю.М. Стекловым [12] и В.П. Полонским [11] и сохраняется до настоящего времени [1; 5; 6]. Формирование бакунизма представлено в данной концепции как совокупность различных идейных влияний, теоретическое конструирование путем «уравновешивания» одних идей другими. При этом не раскрывается внутренний механизм эволюции бакунинского мировоззрения. Нерешенность этой проблемы доказывают не несущие конкретного содержания выводы. «...Анархизм Бакунина вовсе не

вытекал из философии Гегеля, как считают на Западе..., – утверждал П.И. Моисеев. – Он возник много позже и из иных источников, хотя... философские идеи Бакунина не противоречили анархическим установкам 1870-х годов» [8, с. 30]. Современное исследование остается в рамках подобных представлений. «Нравственно ориентированная критичность укрепляется соединением философских воззрений деятельностного типа – гегельянства и фихтеанства», – характеризует ранний бакунизм В.М. Артемов [1, с. 27]. Традиционный подход, основанный на определяющей роли в эволюции бакунизма идейных влияний, не позволяет раскрыть процесс формирования, содержание и значение взглядов Бакунина.

Целью статьи является решение вопроса дефиниции раннего бакунизма на основе научного воссоздания его содержания. Задачи работы включают: определение основы и «движущей пружины» формирования бакунизма, анализ содержания взглядов Бакунина в начальный период их эволюции, установление степени их самостоятельности и соотношения со сложившейся теорией революционного анархизма. Хронологические рамки работы ограничены начальным этапом эволюции бакунизма: конец 1820-х – начало 1830-х гг. (до «интеллектуальной революции» Бакунина, которую он пережил на рубеже 1833–1834 гг.). Эта «революция» означала переход от детского, юношеского восприятия мира и самопознания – на уровне чувств, впечатлений и начала формулирования идей к теоретическому обобщению, сознательному созданию системы мировоззрения.

Исследование эволюции явлений (процессов) возможно только при понимании того, что именно формируется. В основе бакунинского анархизма была идея «уважения человеческой личности» как «высший закон человечества» [2, II, с. 195], главный социальный принцип, так как все другие положения (принципы) его теории были следствием, развитием этой идеи.

Представление о главном принципе бакунизма и о методе его создания было дано самим Бакуниным в работе «Федерализм, социализм и антитеологизм» (1867) – первом всестороннем изложении и обосновании сложившегося революционного анархизма.

«Вся человеческая нравственность – ...мы постараемся доказать абсолютную истину этого принципа, развитие, объяснение и самое широкое применение которого составляет главную цель этого сочинения, – писал Бакунин, – всякая коллективная и индивидуальная мораль покоится главным образом на *уважении к человеку (курсив Бакунина. – И.К.)*. Что подразумевается под уважением к человеку? – Признание человечности, человеческого права и человеческого достоинства в каждом человеке...» [4, с. 108]. Идеал об-

ществленного устройства в теории Бакунина исходил из цели, «осуществленной полностью в каждом и во всех человечности» [2, II, с. 152]. Этим идеалом была абсолютная свобода личности и полное самоуправление народа (общества), правовое и фактическое равенство людей, основанное на коллективном владении землей и средствами производства работников. Следствием, необходимым условием утверждения идеала в теории Бакунина было отрицание всех исторических и существующих государств, самого «принципа Государства и государственования» как привилегии, монополии на власть, отделенной от народа, стоящей над народом, вне народа власти во всех ее формах, принципа управления народом «сверху», сущность которого состоит в господстве и угнетении.

Определение основного понятия бакунинской теории – свободы, объединяет внутреннюю и внешнюю свободу: «Мы понимаем под свободой, с положительной точки зрения, полное развитие всех способностей, которые находятся в человеке, с отрицательной же точки зрения, независимость воли каждого от воли других» [2, IV, с. 56–57], – утверждал Бакунин. В теории революционного анархизма утверждалась мысль о социальной природе и сущности человека, свободы, о единстве, взаимообусловленности свободы личности и свободы всех людей, образующих общество, – индивидуальной и коллективной свободы, о единстве свободы и борьбы за нее, необходимости борьбы за свободу, самопожертвования во имя идеала. Установление основных идей теории Бакунина позволяет перейти к анализу раннего бакунизма.

Создатель идеологии революционного анархизма происходил из родовитого русского дворянства, его отец – А.М. Бакунин был крупным помещиком, получившим образование в Италии. Рано оставив службу, А.М. Бакунин поселился в своем родовом имении Премухине (Тверской губернии, Новоторжского уезда), где занимался хозяйством, философией, историей, естественными науками. Его домашняя библиотека состояла из сочинений древних авторов, произведений западноевропейской и русской литературы, современных ему работ по философии и естествознанию. Большое внимание он уделял воспитанию своих одиннадцати детей. Воззрения А.М. Бакунина основывались на идеологии русского просвещения. В молодости он был близок ранним декабристским организациям, но будучи противником революционных преобразований, вскоре отошел от движения. Восстание 14 декабря 1825 г. вселило в него страх, и его политические взгляды стали полностью верноподданническими. В этом духе он старался воспитать детей.

Главным в системе воспитания и первоначального образования, полученного М.А. Бакуниным в доме родителей, было чувство и

сознание человеческого достоинства, понимаемое как всестороннее развитие личности, прежде всего нравственное, интеллектуальное, духовное. Домашнее образование в семье Бакуниных было направлено на формирование в детях потребности развития личности: нравственного и эстетического чувства, стремления к интеллектуальной деятельности, «жизни духа» и на воспитание патриотизма как любви к отечеству и государю.

В соответствии с просветительским идеалом А.М. Бакунин старался развить все разнообразные способности своих детей. Домашнее образование сестер и братьев Бакуниных включало изучение французского, немецкого и английского языков. Дети читали «во французских переводах Тита Ливия, Плутарха, в оригиналах Шекспира, Шиллера, Гете» [8, с. 15–16], имели доступ к библиотеке отца, который сам обучал их истории и началам естествознания. Михаил с раннего возраста любил математику и занимался ею под руководством дяди, офицера Генерального штаба в отставке. Дети «обожали» природу, поэзию, музыку, хорошо рисовали. Любовь к природе особенно сближала Михаила с сестрой Татьяной, Александр был «страстный танцор», Алексей сочинял музыкальные произведения. Для молодого Бакунина, обладавшего абсолютным слухом, музыка была сильнейшей страстью, одной из главных «стихий жизни», способом познания мира. Восприятие прекрасного, «гармонии» жизни, природы, музыки, поэзии сложилось у него в детстве. В это время в его душе сформировалась как главная, определяющая его внутренний мир, потребность духовного, интеллектуального развития, и появилось осознание жизненной необходимости для человека *общества*, ставшее основой «анархизма-коллективизма» Бакунина, разработки им проблемы социальной сущности человека, свободы. Возникновению «анархизма-коллективизма» способствовала его жизнь в наиболее важный для человека период – становления личности, протекавшая в идеальном для детского возраста обществе, среде духовно близких, равных ему по развитию людей – многочисленном семействе Бакуниных.

Детские годы теоретик анархизма называл «самым счастливым временем» премухинской жизни: временем «безграничного счастья», «блаженства», и часто обращался к анализу того, что делало детей счастливыми. В январе 1836 г. он писал отцу о значении детского периода своей жизни: «Вы были нашим воспитателем; Вы пробудили в нас чувство добра, чувство прекрасного, любовь к природе и ту любовь, которая до сих пор еще нас всех, сестер и братьев, тесно и неразрывно связывает. ...Вы зажгли в наших сердцах

святую искру любви к истине, развили в нас чувство гордого достоинства и свободы» [3, I, с. 189].

В петербургском Артиллерийском училище Бакунин изучал математику, физику, химию, французский и немецкий языки, специальные военные и военно-инженерные науки. Большой интерес у него вызывали история и преподававшаяся в училище русская словесность. В это время он много читал, его восхищали «полные героического романтизма» и оказывавшие «облагораживающее влияние на читателей» романы Д.Ф. Купера [3, I, с. 446]. Особенно внимательно Бакунин следил за развитием русской литературы, любовь к которой у него была проникнута горячим чувством патриотизма. Он радовался возникновению новых жанров в русской литературе, общал родным о выходе романов Ф.В. Булгарина, М.Н. Загоскина, Н.И. Греча, И.Т. Калашникова, исторических повестей К.П. Массальского, переводах шиллеровских трагедий А.Г. Ротчева и т. д. и передавал свои впечатления об этих произведениях [3, I, с. 41–42]. Письма Бакунина отражают исключительное положение в русской литературе Пушкина, к творчеству которого он обращался постоянно. В порыве патриотического восторга, вызванного стихотворением «Клеветникам России», семнадцатилетний Бакунин провозглашал в письме к родителям (сентябрь 1831 г.) тираду, доказывающую не только его верноподданнические чувства, но и то, что любовь к отечеству была для него неразрывно связана с деятельностью, самопожертвованием [3, I, с. 52].

Юному кадету было трудно самостоятельно оценить одно из самых сложных по глубине освоения действительности произведений мировой литературы – «Бориса Годунова». Он писал родным в Премухино о противоположных взглядах на это «сочинение, соединяющее в себе черты трагедии и романа», которое «взбудоражило» все петербургское общество [3, I, с. 42]. В письме к сестре Любви (май 1832 г.) он, среди разных толков, выделял мнение своего учителя словесности, говорившего, «что Пушкин никогда еще так высоко не стоял, но что он также часто упал, описывая характер Годунова по Карамзину» [3, I, с. 61]. Приводя все известные ему отзывы, Бакунин полагал, что они могут помочь сестре составить собственное представление.

В «Истории моей жизни» (не позднее 1871 г.) Бакунин определял значение поэзии Пушкина, выросшего в «великодушной и благородной среде» передового русского дворянства, которая образовалась в России после войны 1812 г. и стала проповедником «гуманности и свободы». «...Наш великий поэт Пушкин дал нам гуманную поэзию, – говорилось в работе. – Он окончательно преобразовал наш язык и стал могущественнейшим проповедником новой

цивилизации в России», поэтому имя Пушкина «осталось символом пробуждения русской жизни» [3, I, с. 36], – заключал он. Процесс пробуждения русской жизни, выразившийся в распространении идей гуманности и свободы, стал основой формирования взглядов Бакунина.

Время кадетских отпусков и свободное от занятий, после перевода в офицерские классы, Бакунин проводил в свете, у своих многочисленных родных и знакомых, принадлежавших к высшему слою русского дворянства: С.Б. и К.М. Полторацких, Д.А. Державиной, Н.М. Мордвинова, в литературном салоне Е.М. и А.Н. Олениных, в течение тридцати лет бывшем одним из культурных центров Петербурга, и в другом «средоточии литераторов» того времени – доме писателя Д.М. Княжевича и т. д. Страстная любовь к музыке сделала его навсегда родственным Бакуниным музыкальной семьи Львовых, у которых он бывал, при возможности, «почти ежедневно», наслаждаясь «чудесной», «божественной» музыкой в исполнении «лучших артистов» Петербурга [3, I, с. 79]. Он постоянно приносил и читал своим кузинам книги, на приемах «много танцевали» [3, I, с. 75]. Кроме танцев, молодой Бакунин регулярно занимался гимнастикой, его стремление к совершенствованию включало и физическое развитие.

С обретением большей свободы после производства в офицеры Бакунин разработал для себя программу самообразования. В письме в Премухино (10 февраля 1833 г.) он рекомендовал родителям книги, которые сам изучал в это время: курс чистой математики Белявения в переводе Кушнакевича и Киндеева, Историю древнюю и среднюю Вознесенского, Русскую грамматику Греча [3, I, с. 74]. Интерес к последней важен тем, что показывал его пробудившееся стремление к изучению в совершенстве русского языка – восполнению недостатка своего домашнего «западного» образования. В офицерских классах, помимо артиллерии, фортификации, военного искусства, Бакунин изучал физику, механику, русскую литературу и немецкий язык [3, I, с. 70]. Его письма отражают горячее воодушевление перед поставленной им перед собой задачей самообразования.

В письме, датированном 8 марта 1833 г., пятью часами утра, когда после вечера, проведенного у Львовых, он находился под сильнейшим воздействием «чудной музыки», Бакунин заверяет сестер: «Теперь я буду вести серьезный образ жизни, возьму учителей немецкого и французского языка (он, действительно, через несколько дней выполнил свое намерение. – И.К.), буду заниматься историей, литературой и русским языком, который я хочу знать в совершенстве, и вы увидите, что приехавши сюда, вы найдете очень образованного брата» [3, I, с. 88–89, 91]. В письме сестрам от

28 марта 1833 г. он продолжал: «Я буду учиться, все это время я употребляю на учение. ... я уже приступил к своим занятиям, постепенно в них втягиваюсь и нахожу в них удовольствие. Теперь я читаю очень интересную книгу: сочинение Адама Смита "Исследование о причинах и природе богатства наций"» [3, I, с. 96].

К начальному периоду формирования бакунизма относится не только зарождение положительного идеала свободы, но и начало его борьбы за свободу личности, человеческое достоинство, отрицания существующей действительности. Эта борьба заключалась во внутреннем отстаивании «человечности» – духовной, нравственной сущности человека, против внешнего, разрушающего воздействия общественных условий. Она выражалась в отрицании пошлости кадетско-офицерской среды, которой был чужд Бакунин, с ее «обычными занятиями» – картами, водкой и проч., несправедливостью, грубостью начальства в отношении подчиненных, унижением человеческого достоинства. Следствием неприятия молодым Бакуниным среды, в которой он находился, было его одиночество, от которого он постоянно страдал в период учебы и военной службы.

Мысль, что человек – существо общественное (социальное), была в буквальном смысле «выстрадана» Бакуниным. Он крайне тяжело переносил одиночество, ставшее для него самым большим мучением во время учебы, службы и многолетнего заключения в крепостях в конце 1840-х – 1850-е гг. Как спасения от одиночества он ждал поступления в Артиллерийское училище своего брата Николая [3, I, с. 53]. В письме к родным (январь 1833 г.) он выражал чувство благодарности к «тетушке» П.М. Ниловой за то, что она пригласила его поселиться в своем доме после того, как он был произведен в офицеры, и казарменное содержание закончилось: «...Если бы мне пришлось жить одному, то я умер бы с тоски, – писал он. – И я бесконечно признателен ей за то, что она меня приютила» [3, I, с. 71].

Письма Бакунина, относящиеся ко времени его пребывания в училище, движения с армейской частью и в военных лагерях западных губерний, наполнены безграничной тоской по обществу, среде близких ему по развитию людей. Он чувствовал единство, солидарность с товарищами по училищу только в связи с их протестом против унижений начальством. «Некоторые несправедливости и грубость наших офицеров, – говорилось в его письме к родителям от 30 августа 1831 г., – возбудили ропот и недовольство школы, которая позволила себе поднять шум и крики против них». Бакунин был подвергнут аресту «для примера» на сутки «за то, что с улыбкой сказал «Ого», в то время как подполковник угрожал заслать» его товарищей «т у д а, к у д а М а к а р т е л я т н е г о н я л (*Разрядка*

М.А. Бакунина. – И.К.)» [3, I, с. 48–49]. По приказу начальника училища генерала И.О. Сухозанета был составлен «список недовольных и довольных поведением офицеров. Три четверти школы записалось в число недовольных...» [3, I, с. 49], – с удовлетворением сообщал он родным. Этот эпизод свидетельствует о том, что кадеты не были образцом покорности и повиновения. Протест против унижений, отстаивание человеческого достоинства в верноподданной кадетской среде – далеко не самой развитой части русского общества, в ряду других, более значительных явлений, мог способствовать выдвиганию Бакуниным в 1840-е гг. поразившей его современников мысли о том, что настоящее состояние русского общества доказывает, что падение самодержавия в России неизбежно.

Первое упоминание о желании Бакунина оставить военную службу относится ко времени его обучения в училище. В письме к родителям (апрель 1832 г.) он опровергает сведения о своем намерении отказаться от военной службы, полученные ими от С.Н. Муравьева – его двоюродного дяди и друга, который был старше Бакунина на пять лет и способствовал его интеллектуальному развитию. В этом письме Бакунин заверял родителей в духе традиционных дворянских представлений, что не имеет намерения оставить военную службу, видит в ней «единственное средство честно прожить и стать полезным» отечеству и родным [3, I, с. 57]. Однако важна аргументация Бакунина, которой он стремился убедить себя и родителей в том, что военная служба соответствует его собственной воле и желанию. Свободный нравственный выбор (еще на «бессознательном», «полусознательном» уровне) являлся для него единственным основанием поступков человека. Он писал, что не говорил того, что не любит военной службы, а имел в виду, что «мелкие особенности военной службы и дисциплины службы неприятны, например, то, что на военной службе никогда не бываешь прав перед старшими, ученье также довольно трудно... Я ему (С.Н. Муравьеву. – И.К.) сказал даже, – продолжает Бакунин, – что когда буду офицером, то, может быть, переменю мнение о военной службе, что только теперь, когда я исполняю солдатскую службу, она представляется мне неприятной». Исчерпав аргументы и не чувствуя уверенности, что может полюбить военную службу в том виде, в каком знает ее, он делает вполне детское заключение, что у него «нет никакой охоты оставить военную службу, которая должна быть очень приятной во время войны» [3, I, с. 57].

В письме к родителям, написанном в военном лагере под Красным Селом в мае 1833 г., Бакунин обосновывал единство свободы и нравственности. Говоря о несправедливостях в отношении к нему П.М. Ниловой, Бакунин доказывал, что его нравственность не испорчена не вследствие «надсмотра тетушки» (внешних ограниче-

ний), но что его «собственное отвращение» и правила, «внушенные» ему отцом «с самого малолетства» (воспринятые им внутренне) удерживали его от дурных поступков [3, I, с. 112]. Ранее, в марте 1830 г., в связи с мелким инцидентом, произошедшем между кадетами, который разбирался при участии великого князя Михаила Павловича, и начальство предложило Бакунину назвать провинившихся товарищей, чтобы избежать наказания, он писал родным, что «...предпочел быть невинно наказанным, чем совершить низость» [3, I, с. 43].

Юношеские письма Бакунина отражают развитое в нем чувство справедливости и, соответственно, острое восприятие несправедливости в жизни.

Молодой Бакунин пережил внутренний разрыв не только с военной средой, но со светским обществом с его лицемерием, мелкими, не достойными назначения человека интересами. Его поведение в свете воспринималось как необычное, потому что отличалось «прямотой», тем, что он всегда говорил правду [3, I, с. 76]. Это вызывало симпатии одних людей и отталкивало других. С начала появления в свете Бакунин ощущал дискомфорт и не чувствовал это общество «своим». С целью самопознания он окунулся в светские развлечения и полностью убедился, что эта жизнь слишком пуста, чтобы приносить удовлетворение.

К концу рассматриваемого периода начинается борьба Бакунина за личную свободу близких ему людей. Первым его делом на этом поприще стало «освобождение» старшей сестры Любови от навязываемого ей брака с бароном Ренне. Позиция в этом вопросе родителей, добивавшихся согласия дочери вопреки ее чувствам и воле, вызвала разочарование Бакунина в отце. Деятельная настойчивость молодого бунтаря, привлечение им на свою сторону сестер и братьев, привели к тому, что родители отступились. С начала формирования бакунизма проявилась черта его создателя вести за собой окружающих его людей, стремление «приносить пользу» отечеству, людям.

Таким образом, основополагающие идеи анархизма Бакунина: идеал всестороннего развития личности и представление об общественной сущности человека возникли на начальном этапе формирования его взглядов и были результатом не книжного восприятия, заимствования чужих теорий, а прямо «взяты из жизни», прочувствованы, продуманы им самим, что доказывает самостоятельность взглядов молодого Бакунина. К первому этапу эволюции бакунинского мировоззрения относится и начало его борьбы за свободу личности, человеческое достоинство.

В основе эволюции бакунизма был принцип уважения личности, свободного следования человеком своим внутренним чувствам и

убеждениям, представление о единстве человеческого достоинства и развития личности, человеческого достоинства человека и свободы. На первом этапе формирования взглядов Бакунина это представление, определявшее его внутренний мир, выступает и как «бессознательное» стремление и начало осмысления, сознательного отношения к действительности. Единство основ бакунинского мировоззрения на начальном и завершающем этапах его эволюции заставляет признать рассмотренный период началом генезиса анархизма Бакунина. Формирование бакунизма представляло собой органический, обусловленный внутренней логикой процесс, а не заимствование («уравновешивание» и т. п.) чужих идей. Взгляды Бакунина эволюционировали от идеала развития личности (первоначально личность рассматривалась им в рамках социальной среды, к которой он принадлежал, и как абстрактный образ человека), представления о единстве свободы и нравственности к идеалу свободы, развития *каждого* человека, живущего в обществе, всех людей. Механизмом эволюции бакунинского мировоззрения было установление условий осуществления идеала свободы, развития личности в реальной жизни людей, обществе.

Список литературы

1. Артемов В.М. Свобода и нравственность в русском классическом анархизме: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1999.
2. Бакунин М.А. Избранные сочинения. – Пг., 1919–1921. – Т. I–V.
3. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. 1828–1876. – М.-Л., 1934–1935. – Т. I–IV.
4. Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика: сб. – М., 1989.
5. Бокучава Г.Ш. Политическая философия М.А. Бакунина и современность. – М., 1999.
6. Камынин И.А. Государство и революция в политической теории народничества (М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, П.Н. Ткачев): автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2008.
7. Кондратьева Т.А. Проблема социального идеала в русском классическом анархизме: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Чита, 2006.
8. Королева-Конопляная Г.И. Анархизм. Утопия и реальность (Политическая теория и политическая практика анархизма в свете современности): автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 1995.
9. Моисеев П.И. Критика философии М. Бакунина и современность. – Иркутск, 1981.
10. Пирумова Н.М. Социальная доктрина М.А. Бакунина. – М., 1990.
11. Полонский В.П. Михаил Александрович Бакунин. Жизнь, деятельность, мышление. Т. 1. Бакунин – романтик. 2-е изд., испр. и доп. – М.-Л., 1925.
12. Стеклов Ю.М. Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность (1814–1876): в 3-х ч. Ч. 1 (1814–1861). – М., 1920.
13. Ямамото К. Политическая философия Бакунина (концепт исследования). – М., 2001.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

УДК 94(470.41)«1886/1936»:28

Д.А. Шагавиев

Влияние мусульманского реформатора Джамал ад-Дина ал-Афгани на татарского богослова Ризаэтдина Фахретдина (Ризу Фахретдинова)

В статье описывается и оценивается воздействие взглядов и деятельности известного реформатора исламского мира Джамал ад-Дина ал-Афгани на представителя мусульманского реформаторства в Волго-Уральском регионе Ризаэтдина Фахретдина, татарского религиозного и общественного деятеля начала XX в. Делается вывод о том, что встреча Дж. ал-Афгани с Р. Фахретдином в Петербурге кардинально изменила личность, воззрения и жизнь последнего.

In this article the author describes and estimates influence of views and activity of the well-known reformer of the Islamic world Jamal ad-Din al-Afgani to the representative of a Muslim reformatory movement (Jadidism) in the Volga-Ural region, Rizaetdin Fakhretdin, who was the Tatar famous religious and public figure in the beginning of XX century. The author concluded that J. Al-Afgani's meeting with R. Fakhretdin in Petersburg cardinally changed his personality, views and life.

Ключевые слова: Джамал ад-Дин ал-Афгани, Ризаэтдин Фахретдин, ислам, иджтихад, таклид, джадидизм, кадимизм, шиизм.

Key words: Jamal ad-Din al-Afgani, Rizaetdin Fakhretdin (Ridha ad-Din Fahr ad-Din), Islam, Ijtihad, Taqlid, Jadidism, Qadimism, Shiism.

Ризаэтдин Фахретдин (ум. в 1936 г.) – один из видных татарских богословов, автор ряда богословских произведений, представитель мусульманского реформаторства среди татар и башкир (джадидизм). Уникальность этой феноменальной личности заключается в том, что этот человек получил шариатское образование, не выезжая за пределы Волго-Уральского региона, в то время как остальные известные богословы региона XIX – начала XX в. основное исламское образование получали в Средней Азии или на Ближнем Востоке. В этой связи интересно проследить те события и обстоятельства, которые повлияли на формирование этой личности. По нашему мнению, главным таким фактором оказалась его встреча со знаменитым мусульманским реформатором Джамал ад-Дин ал-Афгани (1839–1897). В этой небольшой статье мы попытаемся

определить степень и значение этого влияния на воззрения и деятельность Ризы Фахретдина.

В 1888 г., как сообщила газета «Московские ведомости», шейх Джамал ад-Дин ал-Афгани совершил визит в Москву и Санкт-Петербург, приехав из Ирана через Баку. Во время своего короткого пребывания в Санкт-Петербурге¹ у него были встречи с местными мусульманами, своеобразные маджлисы, где обсуждались важные проблемы исламской уммы, в частности, он делился своими мыслями по поводу положения мусульман в России. Он также был полезен и для российских ученых, которые включили его в состав Российского географического общества. В столице Российской империи он познакомился с татарским народом, на который возлагал определенные надежды. Впоследствии татарские паломники на пути в Мекку, останавливаясь в Стамбуле, старались посещать его научные собрания и кружки. Как сообщил один из татарских интеллигентов того времени, шейх Джамал ад-Дин необычно много внимания уделял татарам, а после упоминания предков татар добавлял уважительную формулу «рахимахумуллах»² («Да смилуется над ними Аллах!») [8, с. 364].

Именно в Санкт-Петербурге и состоялась встреча Ризаэтдина Фахретдинова с этим известным в исламском мире человеком. Эта встреча не стала рядовым событием в жизни Ризы Фахретдина, что неоднократно подчеркивалось самим татарским ученым и его современниками, а затем современными исследователями [1]³. Риза Фахретдин, рассказывая о Марджани в сборнике, посвященном 100-летию со дня его рождения, сожалел, что ему не удалось поговорить и поучиться у шейха Шихаб ад-Дина Марджани (1818–1889 гг.), но зато благодарил Аллаха, потому что удостоился долгой беседы с ал-Афгани, который, по заявлению Ризы Фахретдина, открыл ему глаза на многие истины⁴. Риза Фахретдин писал: «То, что я был лишен беседы с Марджани, стало причиной тому, что я долго беседовал с Афгани. Вся хвала Аллаху в любом случае!» («Мәржани сөхбәтәннән мәрхум булуым Әфганине илә озын вакыт сөхбәт кылуыма сәбәп булды. Әлхәмдү лилләхи галә кулли халь») [5, с. 181; 11, с. 153–154].

¹ Около 17–18 месяцев.

² Данную фразу обычно у мусульман принято упоминать после имен ученых ислама.

³ В этой связи полезно ознакомиться с исследованием башкирского ученого Ф.Н. Баишева «Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Р. Фахретдинова».

⁴ Это было сказано по поводу неудавшейся встречи с Марджани в 1886 г., когда к нему приехал дагестанец Абд ал-Латиф ибн Мухаммад.

Встреча с ал-Афгани в Петербурге, куда Фахретдинов ездил по приглашению петербургского ахунда, действительно сильно подействовала на него. Сам он позже писал, что был к этой встрече не подготовлен, не заслуживал ее и собирался поприветствовать широко известного мусульманского мыслителя и уйти, но «...какая-то духовная сила удержала меня возле него на несколько минут» [1, с. 48]¹. Также в своей биографии он отмечал: «Во время этой поездки в Петербург побывал в гостях у мусульманского философа Джамалетдина аль-Афгани, где мне была оказана большая честь, которой я не был достоин» [10, с. 27, 100].

Весьма вероятно, что в лице Фахретдинова Джамал ад-Дин ал-Афгани нашел не только заинтересованного слушателя, но и интересного собеседника, так как продержал у себя 29-летнего имама-хатиба и мударриса целый день. По словам Фахретдинова, из уст шейха Джамал ад-Дина он услышал то, что «никогда в своей жизни не слышал, и наслаждался этим». Скорее всего собеседник молодого Ризы излагал перед ним свою концепцию будущего мусульманского мира и свое видение средств и путей его возрождения, места и роли ислама в этом процессе. Фахретдинов приводит слова шейха о том, что «ислам подтвердил свою истинность во всем мире. Безбожие Европы – лишь мост между христианством и исламом, на этом мосту (европейцы – Ф. Б.) не смогут долго находиться, перейдут сюда, к нам (в ислам)» [1, с. 48].

После возвращения в Уфу молодой Риза, под впечатлением встречи с ал-Афгани, устроил себе экзамен и пришел к выводу, что у него «нет богатства в смысле «знания и добродетели», а его «слава в сельском медресе была ложной славой» и т. д. «Тогда я понял истинность слов, услышанных мной от шейха Джамал ад-дина, – писал Фахретдинов, – узнал смысл слов, которые я хранил в душе, приступил к самостоятельным занятиям наукой. Слава Аллаху, Господу миров, я упорядочил свои убеждения начиная с азбуки, перепроверил все свои действия вроде молитвы и поста, изучил составленные в различных толках, особенно по хадисоведению, книги, занялся периодикой и вновь изданными произведениями. Подписался на арабские и турецкие газеты и сборники, издаваемые в Турции, Болгарии, ... Египте, Америке и Европе. Благодарение Аллаху Всевышнему, мои стремления не пропали даром, не оказались тщетными, хотя и не смог достичь требуемого совершенства, кое-какие знания по себе я приобрел» [1, с. 49]. Для сравнения скажем, что Мухаммад Абдо также в одной из своих заметок писал, что до знакомства с Джамал ад-дином был «незрячим, глухим и немым» [4, с. 257–258].

¹ По этому поводу Ф.Н. Баишев ссылается на документы из научного архива Уфимского научного центра РАН.

Вышеупомянутые слова – очень сильное признание со стороны Ризы Фахретдина, что говорит о глобальном изменении в его мировоззрении. Вероятно, что будущий ахунд и муфтий из «плоскости» таклида (слепого следования авторитетам) перешел в «плоскость» иджтихада (самостоятельных выводов на основе источников) с точки зрения мышления, поэтому он и перепроверил свои убеждения и религиозные практики. Заметим, что именно после 1888 г. он начинает более активно писать и издавать свои труды¹. После этого события, отработав два года имамом в деревне Ильбяково, он получил в 1891 г. звание ахунда и перебрался в Уфу, а затем стал членом Оренбургского духовного управления мусульман.

В журнале «Шура» Риза Фахретдин в рубрике «Знаменитые люди и великие события» («Мәшхур адәмләр вә олугъ хадисәләр») посвятил десять выпусков подряд ас-Саййиду² Джамал ад-дину (8. 1917. № 14–24). На основании этой длинной статьи Ризы Фахретдина мы можем судить о силе влияния ал-Афгани на него и его любви к личности этого мыслителя. Все годы издания «Шура» эту рубрику или серию вел сам Риза Фахретдинов. В ней упоминались Аристотель, Платон, Алишер Навои, Ибн Сина, халиф Му'авия, хан Батый, Ибн Халдун, Ибн Фадлан, Ломоносов, Нобель, Мидхат-паша, Декарт, Герберт Спенсер, Каюм Насыри, Марджани, Гаспринский и многие др. По подсчетам некоторых исследователей, в этой серии дано жизнеописание 180 выдающихся деятелей [3]. Конечно же, доля страниц, посвященных ал-Афгани, велика, он действительно был очень важной фигурой исламского мира, поэтому редактор «Шуры» попытался донести до соотечественников сведения о его жизни и идеях. Для Ризы он был героем его эпохи, о котором все должны были знать, при этом он защищал его от всяческих нападок и критики. Для него образ ас-Саййида Джамал ад-дина был однозначно позитивным, почти идеальным.

В 14 номере «Шуры» Риза Фахретдин сообщал о разных точках зрения по поводу происхождения шейха Джамал ад-Дина. Например, он передал мнение иранского ученого Мухаммада Хасана Хана, исходя из которого Джамал ад-дин родился в иранском Асадабаде. Также он сообщал, что Ахмадбек Агаев в журнале «Турк йурде» («Тюркский мир») передавал, что три раза встречался с ас-Саййидом ал-Афгани, который лично сообщил ему, что его родите-

¹ В 1887 г. вышел в свет его первый труд, учебник по морфологии. В 1888 г. были изданы две новые книги. Далее, вплоть до его смерти было издано более 140 трудов.

² Шейх Джамал ад-дин, как утверждают его биографы, был потомком Хусайна, внука Пророка Мухаммада (с.а.в.), поэтому его называли титулом «ас-Саййид».

ли из иранского города Марага, из которого они переехали в Хамедан, где он и родился¹. Но главное, Агаев утверждал, что Джамал ад-дин был турком, так как Марага заселена турками (азербайджанцами). Беседы с шейхом ал-Афгани Агаев вел на тюркском (азербайджанском) языке. Риза Фахретдинов, проанализировав эти мнения и подобные, полагал, что в этих словах нет доказательства того, что ал-Афгани был турком, ведь он владел разными языками, во-вторых, здесь также нет прямых доводов в пользу иранского происхождения. Риза Фахретдин принимал сторону известных учеников ал-Афгани, 'Абд ал-Кадира ал-Магриби и Мухаммада Абдо, которые утверждали суннизм и ханафизм своего наставника, а также его происхождение из афганского Асадабада. Риза ад-Дин, опираясь на воспоминания учеников ал-Афгани, пытался указать на источники и причины противоположного мнения [8, с. 314]. Понятно, что для него было актуально и важно показать своего духовного наставника в лучшем свете, ведь он был знаменем джадидского движения. Кадимисты использовали все возможности уязвить джадидистов, в том числе и указывая на шиитские корни ал-Афгани.

В этой связи интересна другая статья «Шейх Джамал ад-Дин и Мухаммад Абдо» из журнала «Шура», где сообщалось, что после того как люди обвиняли Джамал ад-Дина в безбожии, они стали обвинять его в ваххабизме. В статье говорилось, что самых великих людей в Аравии обвиняют в ваххабизме, в Туркестане – в масонстве, в Персии – в бабизме, в России – в безбожии, атеизме и еретизме². Автор статьи сокрушался и вопрошал, почему мусульмане поступают так с теми, кто на самом деле борется за их права, способствует их прогрессу и просвещению, жертвуют собой ради них?! [2, с. 370–372].

Несмотря на то что Риза Фахретдин защищал афганское и суннитское происхождение своего духовного учителя, в завершении речи о его происхождении он совершенно по исламски заключал, что «не важно, был ли он иранцем³ или афганцем, родился ли он в

¹ Иранский Асадабад как раз находится рядом с Хамеданом.

² В первую очередь здесь подразумевается Джамал ад-дин Афгани, потому что его обвиняли во всех этих «грехах».

³ Здесь мы считаем, что Ризаэддин Фахретдин подразумевает под иранцем шиита, потому что выше он говорил о египетском шейхе Абу-л-Худа, который один из первых стал заявлять об иранском происхождении ал-Афгани, правда, указывая на другой город. В 16 номере «Шуры» Ризаэддин уже писал о том, что этот шейх обвинял ал-Афгани в шиизме. Поэтому и «иранец», и «шиит» здесь несут одинаковый смысл. Соответственно «афганец» равнозначно слову «суннит». Обвинение в шиизме в то время среди суннитов соответствовало обвинению в вероотступничестве.

Хамедане или Асадабаде, был ли он турком или арабом, но главное его поступки и действия» [8, с. 314].

Ради истины все же нужно сказать, что современные исследования доказали шиитское и иранское происхождение Ас-Саййида Джамал ад-Дина ал-Афгани. В ноябре 2008 г. мы участвовали в международной конференции в Иране, посвященной Джамал ад-Дину ал-Афгани (ал-Асадабади), где были представлены прямые доказательства этого. До этого нам удалось познакомиться с некоторыми аргументами в пользу иранской версии в литературе на арабском языке. Шейх Джамал ад-Дин использовал шиитский принцип благоразумного скрывания веры (такийя), для того чтобы быть более признаваемым среди суннитов. Какое-то время он действительно находился в Афганистане. В афганском Асадабаде также проживали сейиды (потомки семьи Пророка Мухаммада) как и в иранском Асадабаде. Владеющему персидским языком несложно в короткое время овладеть языком дари (афганским персидским). Там же, в Афганистане, можно было неплохо изучить ханафитский толк суннитов, хотя молодой Джамал ад-Дин мог изучить его и в Ираке, в годы учебы в Неджефе. Шиитские корни этого выдающегося реформатора исламского мира проливают свет на некоторые истоки суждений и идей реформаторского движения среди суннитов. Этим можно объяснить происхождение некоторых правовых постановлений и идей египетского муфтия Мухаммада Абдо. Вероятно, что ас-Саййид Джамал ад-Дин ненавязчиво подтолкнул своих суннитских соратников и учеников к подобным идеям, при этом напомнив о некоторых личностях суннитского ислама, пытавшихся обновить или реформировать ислам в прежние времена. В связи с этим можно рассуждать, например, о проблеме закрытых дверей иджтихада в суннитском исламе, которые в шиитском исламе были открыты и не закрывались...

Риза Фахретдин упоминал шейха Джамал ад-Дина и в других своих трудах. Например, в своем толковании к хадисам пророка «Шарх джавами' ал-калим» («Жэвамигуль кэлим шэрхе»): «Один дервиш спросил у Джамал ад-Дина ал-Афгани: "Почему сейчас в мире ислама не появляется Ибн Рушд, Газали, Ибн Сина, Табари, Ибн ал-Асир и другие?". Шейх Джамал ад-Дин ал-Афгани ответил: "Раньше в мире ислама методы обучения и воспитания были хорошие, они испортились в последние времена. Если бы сегодняшние методы применялись в прежние времена, то Ибн Рушды не появились бы. Если исправить методы обучения и воспитания, то и после сегодняшнего дня появятся Табари и Ибн ал-

Асиры". Эту беседу я сам слышал» [9, с. 104–105]¹ («"Ислам дөнъясында инде ни өчен Ибн Рөшд вә Газалиләр, Фараби вә Ибн Синалар, Табари вә Ибнул-Әсирләр заһир булмый?" – мәзмунында сүз сораучы бер дәрвишкә Шәех Жәмалетдин әл-Әфгани хәзрәтләренә: "Әлек заманда ислам дөнъясында тәрбия вә тәғлим ысулы яхшы иде, соң вакытларда бозылды, бу көнгә ысул әүвәлгә заманнарда дәстүр тотылган булса иде, Ибн Рөшдләр дә заһир булмаган булыр иде, тәрбия вә тәғлим ысулы төзелсә, Табари вә Ибнел-Әсирләр мондан соң да заһир булыр", – дип җәвап биргәнәң үзем ишеттем») [6, с. 296]².

В другом месте Риза Фахретдин, рассуждая о невежественных шейхах и муллах, говорил: «Такое состояние этих людей делает исламскую религию неуважаемой и вместе с тем они таких, как Джамал ад-Дин ал-Афгани, Мухаммад Абдо и подобных им действительных и усердных ученых не любят и всегда среди народа говорят о них плохие слова. По мнению этих невежественных мулл, вина Джамал ад-Дина ал-Афгани и Мухаммада Абдо состоит в том, что они уговаривают учиться и отговаривают людей не просить помощи ни от кого, кроме Господа Бога» [9, с. 108]³ («Шәех Жәмалетдин вә Мөхәммәд Габдеһү кебек хакыйкый вә хәмиятле галимнәрне яратмыйлар вә һәрвакыт гауам арасына алар хакында яман сүзләр нәшер кылалар. Булар каршында Жәмалетдин белән Мөхәммәд Габдеһүнең гаебе мәселманнарны укырга тәшвикъ итүләре вә Аллаһы тәгаләдән башкадан истиганә вә истимдадны маниг кылулары, иҗтимагый сөннәтләр вә көнәен низамларга муафыйк дөнъя көтүгә димләүләрдер») [6, с. 306, 461]⁴.

В своей книге «Ибн Таймийа» он сравнивал средневекового богослова Ибн Таймию и его ученика Ибн ал-Каййима ал-Джаузию с Джамал ад-Дином ал-Афгани и его учеником Мухаммадом Абдо [7, с. 18–19]. Это очень высокая оценка в среде исламских ученых, особенно салафитского направления. В этой же книге автор упоминал свою встречу с ас-Саййидом Джамал ад-Дином в Петербурге в связи с похвалой в адрес Ибн Таймии. Шейх ал-Афгани высоко оценил сочинение Ибн Таймии «ал-Джаваб ас-сахих ли-ман баддала дин ал-Масих» («Правильный ответ тому, кто искажил религию Иисуса»). Он познакомил Ризаэтдина Фахретдина с этой книгой и сказал, что все мусульмане должны быть благодарны Ибн Таймие за эту книгу [7, с. 96–97].

¹ Русский перевод М.Ф. Рахимкуловой с небольшими поправками. – Д.Ш.

² С небольшими поправками в транслитерации. – Д.Ш.

³ Русский перевод М.Ф. Рахимкуловой с небольшими поправками. – Д.Ш.

⁴ С небольшими поправками в транслитерации. – Д.Ш.

Таким образом, татарский мыслитель и просветитель Ризаэтдин Фахретдин был под сильным влиянием шейха Джамал ад-Дина ал-Афгани, восхищался этой личностью, его идеями и делами. Мы не можем недооценивать этот существенный фактор в формировании взглядов Ризаэтдина хазрата, что в свою очередь, позволит более адекватно определить его принадлежность к какому-либо направлению исламской мысли. Мы не знаем, была ли это одна продолжительная встреча, или Ризаэтдин Фахретдин посетил его неоднократно в Петербурге, но однозначно эта встреча (или встречи) стали переходной точкой в жизнедеятельности татарского ученого, точкой перехода из одного состояния в другое, более качественное в отношении его мировоззрения и работы на благо мусульманского общества в своем регионе.

Список литературы

1. Баишев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Р. Фахретдинова. – Уфа, 1996.
2. Мөхәммәд Гакиф. Шәех Жәмәлетдин вә Мөхәммәд Габдүһ // Шура. – Уфа. – 1910. – № 12. – Б. 370–372.
3. Рахимкулова М.Ф. Библиография книги и статей Ризы Фахретдинова // Творчество Ризы Фахретдинова: сб. ст. / Башк. науч. центр УрО АН СССР / редкол.: Р.З. Шакуров (отв. ред.) и др. – Уфа, 1988. – С. 116–133.
4. Религия ислам. Подготовил Осман Карабийык. – Стамбул, 2004.
5. Ризаэтдин бине Фәхретдин. Мәржани // Мәржани [жыентыгы]. – Казан, 2001 [транслитерация с арабской графики издания 1915 года]. – Т. 1. – Б. 174–207.
6. Ризаэтдин бине Фәхретдин. Жәвамигуль кәлим шәрхе. Гарәби-урис хоруфатында беренче басма. – Казан, 1995.
7. Ризаэтдин бине Фәхретдин. Ибне Тәймия. – Оренбург, 1911.
8. Ризаэтдин бине Фәхретдин. Шәех Жәмәлетдин // Шура. – Уфа. – 1917, № 14. – Б. 313–316; № 16. – Б. 361–365.
9. Ризаэтдин ибн Фахретдин. Джавамигуль калям шархи: коммент. к изречениям пророка Мухаммада. – Казань, 2002.
10. Ризаэтдин Фахретдинов (на тат. и рус. яз.): науч.-биогр. сб. – Казань, 1999.
11. Фәхрединев Р. Болгар вә Казан төрекләре. – Казан, 1993.

**Евфимий Александрович Малов и миссионерская
деятельность «Братства святителя Гурия»
во второй половине XIX в.**

Евфимий Александрович Малов известен в истории как талантливый миссионер, ученый и церковный деятель. Он оставил после себя многочисленные дневники, печатные издания и переводы на тему противомусульманской полемики. В своих трудах Малов описывал развитие миссионерского дела, имперскую политику в Казанской губернии в прошлом и критиковал процессы, свидетелем и современником которых был.

E.A. Malov is well-known as a talented missionary, scientist and church leader. He had left numerous diaries, publications and translations on the topic of anti-islamic dispute. In his papers Malov described the development of missionary work, imperial politics in Kazan province in the past. He criticised the processes he had witnessed and been a contemporary of. Besides, he can also be called a historian of missionary work.

Ключевые слова: Е.А. Малов, востоковедение, исламоведение, миссионерство, Казанская духовная академия, «Братство святителя Гурия».

Key words: E.A. Malov, Oriental Studies, Islamic Studies, missionary work, Kazan school of theology, the brotherhood of St. Gury.

Значительные преобразования в России во второй половине XIX и начале XX в. отразились на всех аспектах жизни страны. Перемены коснулись экономических, культурных, идеологических и духовных сфер общества. Шло дальнейшее продолжение интеграции нерусских народов как в культурно-языковой, так и религиозной сфере. Развитая инфраструктура Русской православной церкви (РПЦ) активно использовалась государством для продвижения важных социальных и полицейско-охранительных проектов. Важным направлением взаимодействия государства и православной церкви становилась реализация политики по христианизации религиозных меньшинств.

Казанская епархия на рубеже веков была многонациональной. Так, численность населения Казанской губернии в это время составляла более 1650 тыс., из них русских – около 700 тыс. чел. Все остальное население было «инородческим», и татары занимали здесь первое по численности место, т.е. 452 тыс. чел. (из них более

400 тыс. исповедовали ислам и лишь 40 тыс. считались принадлежащими к православной церкви) [7, с. 5–7].

Большая часть «инородцев» (как старокрещеных, так и новокрещеных) не понимала самой сути православия, не знала русского языка и свое участие в церковной службе ограничивала лишь одной обрядовой стороной. Данные обстоятельства приводили к сознательным массовым переходам в ислам. Этому способствовали также изжившие себя старые административные методы борьбы с отступничеством, усилившаяся пропаганда исламистов, подъем национального самосознания и другие явления. Необходимо было искать иной выход из создавшегося положения.

В это же время принимается ряд законов и правил о приобщении иноверцев к православию [2, с. 2]. Руководство Казанской епархии, озабоченное проблемой борьбы с процессом возвращения крещеных татар в ислам, решило открыть новую миссионерскую организацию. 4 октября (день обретения мощей св. Гурия) 1867 г. под председательством архиепископа Антония было торжественно открыто «Церковное братство во имя святителя Гурия при казанском кафедральном соборе» [9. Л. 1–2]. Стоит отметить, что до сих пор остаются малоизученными роль и значение Е.А. Малова в становлении и развитии Братства.

Его учредителями выступили видные в губернии государственные и церковные деятели: чебоксарский епископ Гурий, ректор Казанской духовной академии (КазДА) архимандрит Иннокентий, казанский вице-губернатор Е.А. Розов, профессор Н.И. Ильминский и т. д. [13, с. 1]. В состав учредительной комиссии вошел и профессор противомусульманского отделения КазДА известный миссионер и востоковед протоиерей Евфимий Александрович Малов.

Основным миссионерским направлением братства была борьба: 1) с исламом; 2) язычеством; 3) расколом в РПЦ; 4) с «отпадением» крещеных «инородцев» в ислам.

Для этого братство использовало целый комплекс миссионерских мер: собеседования и увещевания; распространение просветительской и преимущественно религиозной православной литературы; миссионерские «братские» школы.

Объединенный состав светской и духовной администрации должен был обеспечить консолидацию усилий в распространении христианства в регионе. В первые же годы существования братства выявились основные направления его деятельности. Под влиянием Н.И. Ильминского и Е.А. Малова главное внимание стало уделяться развитию православного, конфессионального образования среди местных народов. До конца 1867 г. братством были открыты 23 школы, из них семь татарских, в которые поступило более

300 крещеных татар [4, с. 93]. В дальнейшем количество крещено-татарских школ неуклонно увеличивалось. Весь образовательный процесс был направлен на воспитание детей в православном духе. Упор делался на изучение церковных дисциплин и преподавание Закона Божьего.

Братство св. Гурия являлось ведущим миссионерским центром страны. Важнейшим направлением деятельности миссионерских учреждений стала организация переводов богослужебной литературы на местные языки [11, с. 33]. Однако, со временем по инициативе Е.А. Малова начали публиковаться переводы миссионерской и религиозной литературы параллельно на двух языках – национальном и русском, возрождалась практика печати татарских переводов и арабской транскрипции на литературном книжном языке, что противоречило основополагающим принципам, заложенным Ильминским [1, с. 3–9]. Данные работы стали прецедентом для перехода к «обрусительной» системе переводческой деятельности.

В рамках миссионерских отделений КазДА была выработана система изучения миссионерских и востоковедческих дисциплин. 6 ноября 1875 г. в Казани открылся «Частный миссионерский приют при Спасо-Преображенском монастыре». Руководство приютом было возложено на Е.А. Малова [10, с. 135], который стал противником обучения крещеных татар на родном языке. Из личных дневников видно его отношение к этому вопросу: «Зачем принуждать детей обучаться на татарском языке, когда родители желают, чтобы обучение производилось на русском? Надобно этому желанию родителей радоваться и поставить дело так, чтобы инородцы совершенно забыли свой язык, обрусели..» [5, с. 41]. Для Малова христианизация являлась составной частью русификации и ассимиляции инородцев. Он, как полемист, выступал за ограничение родного языка в национальной школе и миссионерской деятельности. В национальном духовенстве он видел потенциальных противников политики унификации народов России. Он выступал за полемику, и активизацию противомусульманского движения. Малов настаивал на переходе деятельности с просветительской формы на полемику [16, с. 10–12].

Большинство слушателей приюта являлись учащимися высших классов Казанской духовной семинарии, готовящимися принять сан священников и должность миссионеров в смешанных национальных приходах. Курс занятий включал в себя изучение татарского, чувашского, марийского языков, наречия народов Восточной Сибири, методики православных богослужебных книг, основ мусульманского вероучения, истории миссионерства в России [12, с. 13].

Несмотря на организацию в Казани новых православных учреждений, которые зарекомендовали себя важными институтами противомусульманской миссии, КазДА продолжала быть ведущим научным и образовательным центром РПЦ. В 1860–1870-х гг. здесь была создана своя школа миссионерского исламоведения. Под влиянием Г.С. Саблукова и его ученика Е.А. Малова сформировалась учебно-методическая система изучения противомусульманской полемики и миссионерского исламоведения [3, с. 418]. Е.А. Малов, знаток ислама, в совершенстве владевший татарским, арабским и еврейскими языками, с уходом Г.С. Саблукова продолжил дело своего учителя, расширил список полемических противомусульманских исследований [6]. По его инициативе лучшие работы студентов начали издаваться в «Миссионерском противомусульманском сборнике» [15, с. 176]. Цензура поручалась ему же [8].

17 марта 1889 г. на базе Казанской духовной академии открылись миссионерские курсы [14. С. 432]. Татарский язык в них преподавал заслуженный ординарный профессор КазДА, протоиерей Е.А. Малов.

После смерти Ильминского развернулась ожесточенная борьба в миссионерских кругах и совете братства св. Гурия. Во главе противников системы встал Е.А. Малов. Евфимий Александрович Малов – старейший авторитетный деятель православной миссии Казани, убежденный монархист и националист выступал за христианизацию и ассимиляцию «инородцев». Он ратовал за ограничение их родного языка, был активным миссионером и проповедником и выступал не за просветительскую форму миссионерства, а за полемическую работу среди населения. Позицию Малова поддерживало большинство представителей духовенства, непосредственно служивших в национальных приходах, не знавших русский и церковные языки. В национальном духовенстве он видел угрозу зарождающегося «инородческого» национализма в унификации нерусских народов [16, с. 11].

Деятельность братства св. Гурия оказала большое влияние на миссионерскую деятельность в Волжско-Камском регионе. Е.А. Малов внес значительный вклад в работу братства. Конечно, ему не удалось остановить распространение ислама. Напротив, оно оказало влияние на татарское реформаторское движение, помогло стать ему более светским и политически ориентированным. Однако братство сыграло большую роль в распространении православия далеко за территорию Казанского края среди народов-язычников (мордвы, чуваш, черемис и вотяков).

Список литературы

1. Бобровников Н.А. Как следует переводить учебно-миссионерские книги на татарский язык? // Православный благовестник. – 1900. – № 17.
2. Высочайшее утверждение 14 июля 1864 г. Положение о начальных народных училищах // Изв. по Казанской епархии. – 1868. – № 1.
3. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 гг.). Вып. 2. Состояние академии по учебной части. – Казань, 1891.
4. Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Представительствующего Синода за 1868 год. – СПб., 1869.
5. Малов Е.А. Из дневника миссионера // Идель. – 1993. – № 6.
6. Малов Е.А. Очерк религиозного состояния крещеных татар, подвергшиеся влиянию магометанства (миссионерский дневник). – Казань, 1872.
7. Машанов М.А. Обзор деятельности «Братства св. Гурия» за 25 лет его существования. 1867–1892 гг. – Казань, 1892.
8. НА РТ. – Ф. 1207. – Оп. 1. – Д. 1.
9. НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 881.
10. Об открытии Казанского миссионерского приюта при Казанском Спасо-Преображенском монастыре// Изв. по казанской епархии. – 1876. – № 6.
11. Отчет о деятельности Братства святителя Гурия от 4 октября 1875 года по 4 октября 1876 года. – Казань, 1876.
12. Отчет Православного миссионерского общества за 1876 год. – М., 1878.
13. Открытие православного церковного братства во имя святителя Гурия при казанском кафедральном соборе и первое общее собрание братства. – Казань, 1867.
14. Терновский С. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования. 1870–1892. – Казань, 1892.
15. Хабибуллин Н.З. Из истории казанского исламоведения второй половины XIX – начала XX века: Михаил Александрович Машанов. – Казань, 2004.
16. Чичерина С.В. О языке преподавания в школах для восточных инородцев. – СПб., 1910.

**Финансовые скандалы вокруг П.А. Крушевана
и Кишиневского отдела «Союза русского народа»
(февраль–июль 1907 г.)**

В статье речь идет о финансовых скандалах вокруг депутата II Государственной думы от города Кишинева П.А. Крушевана – одного из наиболее известных правых политиков России начала XX в. и руководителя «Союза русского народа» в Бессарабии. Эти и другие скандальные эпизоды в политической и журналистской биографии Крушевана широко использовались либеральной прессой и политическими противниками для его дискредитации как народного представителя. Также показана связь между этими скандалами и внутривнутрипартийным кризисом, охватившим «Союз русского народа» и его региональные отделения весной-летом 1907 г.

The article is devoted to the financial scandals of the Deputy of the II State Duma from Chisinau P.A. Krushevan - one of the most well-known right-wing politicians in Russia at the beginning of the XX century and the head of "Union of Russian people" in Bessarabia. These and other controversial episodes in the political and journalistic biography of Krushevan were widely used by the liberal press and his political opponents to discredit him as a people's representative. Also the article shows the relationship between these scandals and internal party crisis that gripped the "Union of Russian people" and its regional branches in spring-summer of 1907.

Ключевые слова: П.А. Крушеван, II Государственная дума, финансовый скандал, «Союз русского народа», Кишиневский отдел «Союза русского народа».

Key words: P.A. Krushevan, The Second State Duma, financial scandal, The Union of Russian People (Soyuz russkogo naroda), The Chisinau branch of the Union of Russian People.

Фигура Павла Александровича Крушевана – известного правого политика 1900-х гг., председателя Кишиневского отдела «Союза русского народа» и издателя местной национал-монархической газеты «Друг» была окружена ореолом постоянных скандалов. Его антисемитские высказывания и репутация подстрекателя к еврейским погромам стали притчей во языцех, и немудрено, что во время выборов во II Государственную думу его имя как одного из кандидатов, а затем как новоиспеченного депутата от города Кишинева, не сходило с газетных страниц. Оппозиционные издания весть об избрании в Думу «обер-погромщика» повергла в шок; началась массированная травля бессарабского политика, и без того уже де-

монизированного публицистами. От Крушевана в Таврическом дворце ждали сенсационных политических заявлений, и конечно же, постоянных скандалов.

В первые недели работы II Думы – «Думы резких крайностей», П.А. Крушеван был одним из самых популярных и наиболее часто упоминаемых в прессе депутатов. Однако его сдержанное поведение на заседаниях, редкие, не отличавшиеся особым радикализмом выступления и неожиданные заявления в кулуарах (о поддержке принудительного отчуждения земли в пользу крестьян, неприятию политического террора, определение себя как «христианского социалиста» и т. д.) серьезно пошатнули сложившийся скандальный образ политика, что и было рассмотрено нами в статье, вышедшей в сборнике научных трудов «Герценовские чтения 2012» [13, с. 90–107]. Данная статья служит своеобразным дополнением к предыдущей: в ней мы коснемся тех скандальных эпизодов вокруг депутата Крушевана, которые изначально имели не политический, а финансовый характер. Как и многие другие острые и темные моменты биографии Павла Александровича, они периодически муссировались газетчиками для его осмеяния и дискредитации.

Кипучая деятельность бессарабского политика – как издательская, так и партийная, требовали значительных сумм, поэтому Крушеван постоянно находился в долгах. Среди его кредиторов были городской голова Кишинева в 1905–1910 гг. П.В. Синадино [14, с. 558], дворяне Крупенские и даже редактор основанной и издаваемой самим же Крушеваном газеты «Бессарабец» Д.В. Мальский [10]. «В искусстве занимать он был гением. Его денежные авантюры были известны всей Бессарабии. Иски сыпались на него, как из рога изобилия» [18], – замечала по этому поводу газета «Биржевые ведомости». «Человек, векселями которого наводняются банки и конторы, на которого сыпятся исполнительные листы разных судов на десятки тысяч рублей» [23], – так характеризовала нашего героя другая либеральная газета, кишиневская «За народ». «Крушеван – финансист-фокусник, ему всегда изменяет память, в особенности, когда с него требуют взятые им деньги. На страницах "Бессарабца", а теперь в союзническом "Друге" Крушеван гипнотизирует читателей и их карманы» [11], – утверждал редактор этой газеты Г.А. Пронин, еще один кредитор Крушевана и его конкурент в борьбе за умы кишиневских обывателей. Также пронинская газета нередко обвиняла Крушевана в мошенничестве. Так, приводились сведения, что он растратил собранные на поддержку бедных мастеровых деньги на банкеты и балы в Пушкинской народной аудитории – своего рода «штаб-квартире» кишиневских «союзников». «Аппетит у него широ-

чайший, а затеи все барские» [20], – заключал один из местных газетных острословов.

На момент избрания в Государственную думу Крушеван находился под подпиской о невыезде из Кишинева до выяснения степени несостоятельности [12]. Узнав об этом, Главный совет СРН (Союза русского народа) постановил в случае возникновения препятствий к выезду Крушевана из Кишинева обеспечить наложенный на его имущество арест в 16 тыс. р. или перевести его долг на другое лицо. Таким образом, благодаря финансовой помощи соратников политик все же смог выехать в Петербург [21]. В газетах тем временем поползли слухи, что, спасаясь от кредиторов, поджидавших его на вокзале, Крушеван улетел из Кишинева на воздушном шаре [4].

Газета «За народ» отмечала, что будь правда в выборах, то Крушеван бы уже сидел в тюрьме, как несостоятельный должник [7].

Не прошло и недели, как кишиневский депутат приехал в столицу и приступил к депутатским обязанностям, а на него уже поступило новое взыскание: некая Екатерина Биршерт, жена коллежского ассесора, потребовала взыскать с Крушевана 6 тыс. р., обратив эту сумму на его депутатское содержание и, возможно, имущество (если таковое обнаружилось бы в номере «Северной гостиницы», где остановился бессарабский деятель) [9].

Газеты прогнозировали еще ряд подобных взысканий. 10 марта в канцелярию Думы от судебного пристава Ляховича поступил исполнительный лист столичного мирового судьи 48 участка от 20 декабря 1905 г. № 734 о взыскании с Павла Крушевана 325 р. с процентами с 11 ноября 1905 г., а также 20 р. судебных издержек в пользу торгового дома «К.М. Шредер» [16. Л. 3]. Известные производители роялей и фортепиано тоже намеревались обратиться с взысканием на суточные, получаемые ответчиком как депутатом Думы. Ссылаясь на 1085, 1086 и 1087 ст. Устава гражданского судопроизводства, регламентировавшие порядок вычета долга из жалованья и других окладов, получаемых должником от государства [2, с. 758–759], казначейская часть Государственной думы просила думскую распорядительную комиссию указать общую, подлежащую удержанию с должника сумму и порядок такого удержания [16. Л. 2].

В прессе появились курьезные сведения о том, как Крушеван собрался выходить из своего критического долгового положения. Так, сообщалось, что политик решил заложить 7 тыс. экземпляров своей книги, лежавших на складе знаменитого издательства И.Д. Сытина. Одна из многочисленных бульварных газет даже сообщила заглавие этого сочинения; книга якобы называлась «Жид»,

что вполне соответствовало сложившемуся в умах обывателей образу Крушевана [1].

Часть этих сведений оказалась неверной: произведения с таким названием Крушеван не писал и не издавал, речь же шла об альманахе «Бессарабия», представлявшим собой географическое, историческое, экономическое и литературное описание Бессарабской губернии. Книга эта была издана двухтысячным тиражом в 1903 г., в московской типографии А.В. Васильева, впоследствии выкупленной товариществом Сытина. Крушеван тогда отказался оплачивать работу по напечатанию, и тираж был удержан Васильевым, впоследствии перейдя к Сытину со всем типографским оборудованием [15].

Зажатый кредиторами, Павел Александрович обратился в распорядительную комиссию Государственной думы с письмом, в котором отметил, что «назначенные членам Государственной думы 10 руб. совершенно не подходят под понятие, связанное с определенным жалованьем» и просил комиссию сделать распоряжение, чтобы казначейство не задерживало ему выплату суточных до окончательного выяснения данного вопроса в Думе [16. Л. 1].

Жалоба Крушевана была рассмотрена на комиссионном заседании 21 марта. В ходе прений выяснилось, что большинство членов комиссии разделяло взгляды Крушевана на характер депутатского содержания и на невозможность наложения на него ареста. Однако комиссия все-таки решила, что она не вправе задерживать решение судебной власти и изымать уже поступившее в казначейство отношение судебного пристава. Члены комиссии, депутаты К.П. Каклюгин и А.И. Бакунин в своем особом мнении посчитали это решение не отвечающим ст. 1085 и 1086 Устава гражданского судопроизводства [17. Л. 10, 10 об.]. Ввиду неясности возникшего вопроса, комиссия обратилась за помощью к депутатам-юристам: И.В. Гессену, О.Я. Пергаменту и Н.В. Тесленко, дабы те детально его разобрали и предложили какой-либо из думских комиссий выработать законопроект, определяющий точный характер получаемого депутатами содержания и невозможность наложения на него какого-либо ареста [17. Л. 10, 10 об.]. Депутаты-юристы, проанализировав устав гражданского судопроизводства и ряд других законов, пришли к выводу, что суточное довольствие членов Думы не является жалованьем, окладом и т. д., а (с некоторыми оговорками) должно быть отнесено к разряду выплат, получаемых госслужащими во время служебных командировок. Согласно п. 3 ст. 1087 Устава гражданского судопроизводства (в ред. 1892 г.), суммы, отпущенные на поездку по делам службы, вычету за долги и взыскания не подлежали [2, с. 759]. Кроме того, юристы подчеркну-

ли, что лишение депутата суточных равносильно лишению его возможности оставаться в Думе.

Сообразуясь с этим мнением, распорядительная комиссия решила признать суточное довольствие Крушевана не подлежащим аресту. 7 апреля об этом решении было доложено председателю Думы Ф.А. Головину, который распорядился уведомить казначейскую часть Думы об освобождении суточного довольствия члена Думы Крушевана от взыскания по исполнительному листу торгового дома «К.М. Шредер» [16. Л. 7].

Случай с Крушеваном и его кредиторами стал первым прецедентом такого рода в думской практике. Вскоре, 16 мая 1907 г., последовал другой подобный случай: на этот раз взыскание пытались обратить на жалованье донского депутата В.А. Харламова. Чтобы избежать повторения таких ситуаций в дальнейшем, распорядительная комиссия выработала мотивированное постановление, согласно которому на депутатское жалованье не могли налагаться никакие аресты [15].

Между тем, пока Крушеван находился в столице, во временно оставшемся без вождя кишиневском отделе СРН обнаружили признаки разлада. Разлад этот, по сведениям газеты «За народ», начался еще до выборов в Думу [22]. Крушеван перестал оказывать членам союза денежную помощь, ограничиваясь обещаниями, и к апрелю над союзом тяготел накопившийся буквально за месяц громадный долг в 12 тыс. р. Товарищ председателя отдела священник о. Ф. Воловей уличил в растрате Владимира Глобачева – одного из «фаворитов» Крушевана. В свою очередь, сторонники Глобачева отправили Крушевану телеграмму, в которой обвинили Воловея и его жену в «тлетворном влиянии» на местный Союз. В ответной телеграмме Крушеван распорядился не допускать общих собраний и исключить Воловея из Союза. Члены последнего разделились на два лагеря: одни стояли за Глобачева, другие, соответственно, поддерживали Воловея [3]. Между двумя частями расколовшегося отдела «начались дразги, направленные к взаимному дискредитированию и уничтожению», – сообщала газета «Утро свободы» [5]. Развязка же этой внутривнутрипартийной интриги была подана прессой в особо водевильных тонах: двое «крушевановских молодчиков» – Глобачев и конторщик газеты «Друг» Радиченко, вооруженные браунингами, ворвались в квартиру Воловея и буквально под дулами пистолетов принудили его подписать заявление об отходе от председательства [3]. В начале июня некоторое воодушевление в отделе вызвал роспуск Государственной думы, но, несмотря на внешний мир, в рядах кишиневских союзников царил

полный разброд, а запланированное ими шествие на День Святого Духа не состоялось, сообщала газета «Владимирец» [8].

Финансовый кризис охватил тогда всю организацию СРН. Его глава А.И. Дубровин созвал специальную финансовую комиссию, которая выявила, что в «казне» Союза осталось лишь 5 тыс. р. наличности (в то время, как для подготовки к будущим выборам партия нуждалась в миллионе). Рассмотрев статьи расходов, комиссия нашла, что огромные суммы расходовались председателями местных отделов по их усмотрению и без разрешения главного совета. Сообщалось, что более всех этим злоупотреблял Крушеван, потративший 300 тыс. р. партийных денег и не представивший никаких оправдательных документов.

Ввиду такого отношения к партийному делу, совет Союза в конце июля 1907 г. решил исключить Крушевана из СРН, известив о том все провинциальные отделы [6]. Этот важный эпизод стал развязкой того конфликта, который завязался между лидерами Союза – Дубровиным, Крушеваном и Пуришкевичем несколькими месяцами ранее. Борьба за лидерство в Союзе тесно сплелась с денежным вопросом. Как отмечает исследователь С.А. Степанов, многие черносотенные руководители в своей «междоусобной войне» бросали друг другу обвинения в причастности к правительственной «кормушке». Степанов также приводит факт, что в свою очередь, Крушеван на одном из собраний кишиневского отдела заявлял, что через руки Дубровина бесконтрольно прошли сотни тысяч рублей [19, с. 100].

Таким образом, финансовые скандалы вокруг П.А. Крушевана и его соратников по партии стали, во-первых, одним из многочисленных сюжетов, освещавшихся журналистами для дискредитации Крушевана как политика; во-вторых, отражением междоусобной борьбы, разгоревшейся в «Союзе русского народа» весной-летом 1907 г.; и, в-третьих, один из таких эпизодов создал важный прецедент в парламентской практике, побудив Думу рассмотреть спорный вопрос о наложении взысканий на депутатское жалованье и разрешить его в пользу народных представителей.

Список литературы

1. «7.000» томов книги Крушевана // Рус. слово. – 1907. – 13 марта.
2. Гордон В.М. Устав гражданского судопроизводства по официальному изданию 1892 г., сводному продолжению 1912 г. и позднейшим узаконениям как для местностей, где введен в полном объеме закон о преобразовании местного суда, так и для прочих частей Империи, с систематизированным собранием законодательных мотивов ко всем узаконениям и разъяснений Правительствующего сената и Министерства юстиции, с приложением узаконений, цитированных в уставе или касающихся применения его, законов 12 марта 1914 г. и алфавитного предметного указателя. – 6-е изд., испр. и доп. – СПб., 1914.

3. Дела кишиневского отдела Союза р. народа // За народ. (Кишинёв). – 1907. – 10 апр.
4. Дикий В. Интервью // Петербургский листок. – 1907. – 1 марта.
5. Золотые клады в «Крушевании» // Утро свободы. (Москва). – 1907. – 4 мая.
6. К выборам в Государственную думу / С.Р.Н. // Владимирец. – 1907. – 25 июля.
7. Как в кабаке // За народ. – 1907. – 9 марта.
8. Кишинев. Партийная жизнь / По России // Владимирец. (Владимир). – 1907. – 26 июня.
9. Кредиторы Паволакия Крушевана / Судебные вести // Петербургский листок. – 1907. – 1 марта.
10. Крушеваны // За народ. – 1906. – 1 дек.
11. Крушеваны // За народ. – 1907. – 21 янв.
12. Наши телеграммы и известия // Биржевые ведомости. – 1907. – 8 февр. (утр. вып.).
13. Некрасов Н.В. В ожидании скандала: депутат II Государственной думы П.А. Крушеван в зеркале периодической печати // Герценовские чтения 2012. Актуальные проблемы социальных наук: сб. науч. и науч.-метод. тр. / отв. ред. В.В. Барабанов; сост. А.Б. Николаев. – СПб., 2013.
14. Николаев А.Б. Синадино Пантелеймон Викторович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: энцикл. – М., 2008.
15. Около Г. Думы // Биржевые ведомости. – 1907. – 17 мая (веч. вып.).
16. РГИА. – Ф. 1278. – Оп. 1 (2-й созыв). – Д. 654.
17. РГИА. – Ф. 1278. – Оп. 1 (2-й созыв). – Д. 770.
18. Скиталец. Накануне (Монологи и парадоксы) // Биржевые ведомости. – 1907. – 18 февр. (утр. вып.).
19. Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). – М., 1992.
20. Утес. Звонок // За народ. – 1907. – 17 янв.
21. Хроника // Биржевые ведомости. – 1907. – 14 февр. (веч. вып.).
22. Хроника Бессарабии // За народ. – 1907. – 23 янв.
23. Черносотенный город / Хроника Бессарабии // За народ. – 1907. – 10 февр.

УДК 94(567-25):28-756:027.021

Р.А. Гиззатуллин

Роль Бейт аль-хикма в эволюции исламского образования

Бейт аль-хикма – исламская академия, основанная в начале правления династии Аббасидов. Всесторонняя помощь халифов способствовала расширению академии и обогащению ее научного фонда. Различные отделы Бейт аль-Хикма обеспечивали исследователей богатым фактическим материалом в различных областях науки.

Beit al-Hikma – Islamic Academy, founded at the beginning of the Abbasid dynasty. Comprehensive assistance of caliphs contributed to the expansion and enrichment of its Academy Science Foundation. Various departments of Beit al-Hikma provided researchers by rich factual material in various fields of science.

Ключевые слова: Бейт аль-хикма, Дом мудрости, аббасиды, библиотека, образование, академия, Багдад.

Key words: Beit al-Hikma, the House of Wisdom, Abbasids, library, education, academy, Baghdad.

Бейт аль-хикма (араб. Дом мудрости) – первая академия исламского мира мирового значения. Она собрала лучшие умы Багдада, образовав научный центр, в который стекались многочисленные ученики и исследователи с различных областей.

Появление первых исламских библиотек и научных центров можно отнести к VII–XIII вв., а именно к эпохе Омейядского халифа Му'авия ибн Абу Суфьяна. В его эпоху в Дамаске было собрано большое количество книг. Среди них древнегреческие и византийские источники по медицине, алхимии и прочим дисциплинам. Было освоено производство бумаги для дальнейшего использования в книгоиздании. Появились интеллектуальные и культурные центры, которые способствовали распространению просвещения широких слоев общества. В Халифат потянулись ученые с близлежащих регионов. Затем, после смены столицы Халифата и становления у власти Аббасидов, огромное научное наследие переместилось из Дамаска в Багдад.

Относительно основателя Аббасидской академии Бейт аль-хикма ученые не едины во мнениях. Некоторые из них считают, что ее появлению способствовал Абу Джа'фар аль-Мансур (753–774).

Обосновывают они это тем, что Абу Джа'фар придавал огромное значение образованию и ученым. Считается, что он первый, кто побудил мусульман заниматься исследованиями в различных науках и переводить персидские, греческие и древнеиндийские труды на арабский язык. Переведенные книги вместе с трудами по истории, литературе, теологии и прочим наукам собирались в хранилище дворца. В дальнейшем на основе этого хранилища зародилась академия Бейт аль-хикма. Вероятно, это мнение близко к истине [1, с. 220].

Вторая точка зрения заключается в том, что Бейт аль-хикма была основана халифом Харун ар-Рашидом (787–810). Это мнение обосновывается тем, что времена Харуна – это научный и культурный прогресс, особенно в сфере переводов и составлении книг для нужд исламского образования. Когда Харун завоевал Анкару и Амориум, его интерес к книгам увеличился еще сильнее. Он приказал своим подчиненным исследовать все имевшиеся библиотеки и извлечь редкие ценные научные труды. Эти книги он переместил в Багдад и там они подверглись изучению, переводу и комментированию [8, с. 429].

Огромное количество научных трудов, которые были написаны в его эпоху и сохранились от прежних правителей, должно было находиться в специальном хранилище. Ал-Хамави сказал: «[Аллан аль-Варрак] занимался копированием книг в Бейт аль-хикма для ар-Рашида и аль-Ма'муна». Это подтверждает мнение о том, что Бейт аль-хикма была основана в период правления Абу Джа'фар Мансура [10, с. 66].

Существует третья точка зрения, согласно которой основателем библиотеки Бейт аль-хикма считается Халиф аль-Ма'мун (813–833). Можно сказать, что Бейт аль-хикма уже существовала до аль-Ма'муна, но в его эпоху он расцвела и обрела особый статус. Халиф поддерживал бюджет академии и оказывал помощь в ее развитии, а за счет торговых отношений и воинских походов ее научная база значительно увеличилась. Аль-Ма'мун старался приблизить к себе ученых и побуждал их к научной работе, даруя им щедрые вознаграждения. Таким образом, он развил начатое его отцом Харуном дело, усовершенствовал и дополнил библиотеку различными зарубежными рукописями [11, с. 247].

Ибн ан-Надим говорил: «Аль-Ма'мун имел переписку с византийским правителем. Так, он попросил его разрешения отправить делегацию в поисках ценнейших древних рукописей, хранящихся в библиотеках Византии, и, он дал свое разрешение, когда ранее давал отказ. Среди участников этой миссии был ал-Хаджадж ибн Матар и Ибн ал-Батрик...Когда они вернулись с рукописями, аль-

Ма'мун повелел им перевести их». Таким образом, аль-Ма'мун овладел огромной библиотекой, в которой ученые совершали исследования в различных областях наук [4, с. 150].

Бейт аль-хикма представляла собой большое построение. Она состояла из значительного количества залов и широких комнат, каждая из которых имела особое назначение. В строении имелись книжные хранилища. Каждое хранилище содержало свитки на определенную тематику и получило особое название. Часто оно именовалось в честь основателя, подобно хранилищам ар-Рашида, аль-Ма'муна и т. д. [6, с. 437].

Источники не приводят подробной информации о системе работы академии. Они дают нам лишь поверхностные представления о ней. Ясно лишь, что в этой научной организации был директор (араб. сахиб бейт аль-хикма). Также имелся библиотекарь (араб. хазин), который отвечал за сохранность научного богатства библиотеки. Данный пост могли занимать лишь крупные ученые, которые были специалистами в различных научных областях.

В академии были следующие отделы:

1) отдел приема литературы (араб. тахлид), который отвечал за прием и хранение книг. Автор, чей труд был принят в Бейт аль-хикма, был самым счастливым человеком. Также книги попадали в этот отдел посредством указа аль-Ма'муна о покупке византийских книг и их помещении в нем;

2) читательский зал – помещение для читателей. К нему были прикреплены слуги, которые оказывали всяческие услуги посетителям. Постоянный читатель мог забрать на дом литературу, оставляя залог в ее стоимость;

3) издательский отдел. Был тесно связан с отделом переводов и составления книг. После того, как под произведением или переводом ставили точку, его отдавали в издательство для дальнейшего переплета и снятия копий. Таким образом, эти копии отправлялись в другие библиотеки и научные центры за пределы Багдада, подобно тунисской библиотеке Бейт аль-хикма и каирской Дар аль-хикма;

4) отдел географических и астрономических карт. Сам Халиф аль-Ма'мун уделял особое значение этому отделу. Так, он повелел нарисовать картину мира. Его поручение было исполнено с особой точностью. В реализации этого проекта была использована книга Альмагест;

5) учебный отдел. Бейт аль-хикма кроме снабжения посетителей полезными книгами, также организовывала занятия по различным направлениям: естествознанию, истории, географии, музыке, философии, астрономии, медицине и исламским наукам. Широко известные ученые приходили в академию и обучали всех желаю-

щих. Наиболее способные из них под руководством опытных преподавателей занимались здесь своими исследованиями [2, с. 30–35];

б) отдел переводов и составления книг. Аббасидские халифы активно интересовались переводом книг других народов на арабский язык. Переводам подвергались исследования различных научных сфер. Прежде всего, таких как медицина, математика, философия и т. д.

С древнегреческого языка для халифов аль-Мансура, ар-Рашида и аль-Ма'муна переводили: Батрик и его сын Йахья ибн аль-Хаджадж ибн Матар, Салам аль-Абраш, 'Абд аль-Масих ибн На'има аль-Химси, Хусейн ибн Батрик, Хилал ибн Абу Хилал аль-Химси, Ибн Ава, Абу аль-Фарадж ибн ас-Салт, Йахья ибн Адий, Ибн Рабита, 'Иса ибн Нух, Киста ибн Лука ал-Ба'лабаки, Хунайн ибн Исхак, Сабит ибн Курра, Ибрахим ибн ас-Салт и др. [7, с. 300].

С персидского языка переводили: 'Абдуллах ибн аль-Мукаффи', Юсуф ибн Халид, аль-Хасан ибн Сахл, аль-Билазири и др. [7, с. 300].

С индийского языка переводил Минка аль-Хинди, а с набатейского языка Абу Бакр Ахмад ибн 'Али ибн ал-Вахшийя [7, с. 300].

Помимо переводчиков, в библиотеке работало много ученых, составлявших свои труды, часть из которых была заказана халифами специально для библиотеки. Например, халиф Харун ар-Рашид поручил 'Абдульмалику аль-Асма'и написать книгу по истории.

Бейт аль-хикма, являясь одним из крупнейших научных центров своего времени, собрала ученых в различных областях науки, подобно аль-Хорезми, Ибн Турка, ал-Фаргани, ал-Джаухари, Хаббаш аль-Хасиба, аль-Кинди, братьев Бану Муса, ал-Махани, Сабит ибн Курра, Куста ибн Лукка, ан-Насрани, ал-Ахвази, Абу-л-Вафа, ал-Кухи.

Аббасидские халифы поощряли и стимулировали ученых к научной деятельности. Так появились образовательные центры, среди которых Бейт аль-хикма имела первенствующее значение. Среди ее основных научных направлений была переводческая деятельность. Арабы начали осваивать новые труды, переведенные с древнегреческого, византийского и индийского языков.

Во время правления Абу Джа'фара аль-Мансура (752–774) специально для него переводились определенные книги. Например, Хунайн ибн Исхак перевел ему некоторые труды Гиппократов по медицине. Ибн ал-Мукаффи' перевел ему «Панчатантра» с санскрита на арабский язык, а также книгу Евклида по математике и т. д. Также по заказу этого халифа были написаны труды по хадису, истории и педагогике. Все эти произведения он собрал в своей библиотеке, которая в последующем превратилась в Бейт аль-хикма.

Продолжил эти начинания Харун ар-Рашид. Несомненно, среди аббасидских халифов он больше всех приложил усилий для развития образования и просвещения исламского мира. Он даровал ученым щедрые вознаграждения и проявлял к ним почтение. Большинство трудов в области медицины, астрономии и математики с санскрита были переведены в его эпоху [3, с. 285].

Затем пришла эпоха аль-Ма'муна, которая ознаменуется пиком переводческой деятельности и научного прогресса. Он много средств потратил на поиски и получение ценной литературы, отправляя делегации в различные страны. Этот халиф заключал с некоторыми византийскими царями договоры при условии отправки к нему ценнейших редких книг по философии и другим наукам. Например, предоставление книги Альмагест, написанной пером Клавдия Птолемея в области астрономии, являлось одним из условий заключения мира между Византией и Аббасидским халифатом. Можно сказать, что перевод иностранных трудов способствовал не только просвещению, но и увеличению составления книг, произведений и научной литературы, основанных на переводимых изданиях. Поэтому было сказано: «Составление книг занимает почетное место после государственной службы».

Когда Бейт аль-хикма приобрела авторитетный статус во всем исламском мире, это подтолкнуло правителей регионов основывать подобные библиотеки и академии, дабы создать ей аналоги. Данное соперничество оставило свой след в развитии науки и образования исламского мира. Появились на свет следующие библиотеки:

1. Бейт аль-хикма аль-аглаби, основанная правителем Раккады Ибрахимом ибн Ахмадом аль-Аглаби (875–902). Раккада – город, построенный на территории современного Туниса во времена правления Аглабидов (800–909).

2. Андалусская библиотека Дар аль-хикма, основанная оммейядским халифом Андалусии ал-Хакамом аль-Мустансир (961–976).

3. Каирская библиотека Дар аль-хикма, основанная во время правления фатимидского халифа аль-'Азиз Биллях (975–1006) [5, с. 441].

Бейт аль-хикма притягивала к себе внимание и в неё прибывали ученики с ближних и отдаленных районов халифата. Ученики, окончившие учебу в Багдаде, возвращались к себе в регионы и несли с собой его культуру, традиции, знания и научные труды. Авторитет академии отражался и на авторитете самого Багдада как центра науки и просвещения. О научной столице высказывались самые теплые слова. Так, Ибн Хазм ал-Андалуси говорил: «Багдад – главный город мира, источник всех достойных дел и обитель уче-

ных, которые устремляются к познаниям и глубоким исследованиям...». С визитом в Багдад прибывали многие ученые и путешественники, среди них Ибн Джубайр аль-Баланси (ум. 1217), который был явно поражен его культурным уровнем.

Бейт аль-хикма существовала вплоть до монгольского нашествия в 1258 г. Драгоценные труды человечества были брошены в реку Евфрат и унесли с собой многовековое наследие, которое хранилось в мировой исламской академии.

Список литературы

1. Аль-Кифти Дж. Тарих аль-Хукама // Муассаса ал-Ханджи – Каир, 1903.
2. Аль-Мас'уди А. Ат-Танбих ва аль-ишраф. – Бейрут, 2000.
3. Ас-Суюти Дж. Тарих аль-хулафа. – Каир, 2001.
4. Ибн ан-Надим, Аль-Фихрист. – Катабат аль-хайят, 1964.
5. Ибн Халдун, аль-'Ибар. – Бейрут. 1965. – Т. 4.
6. Ма'руф Н. Асалат ал-хадара ал-'арабийа. – Багдад, 1969.
7. Марджани Ш. Мукаддимат вафиййат аль-асляф ва тахиййат аль-ахляф. – Казань, 1883.
8. Наджи М. Асалат аль-хадара аль-'арабийа аль-исламийа. – Бейрут, 1969.
9. Фильштинский И.М. История арабов и Халифата (750–1517 гг.). – М., 2006.
10. Хамави Я. Му'джам аль-удаба, Дар ас-Садир. – Бейрут, 1960. – Т. 5.
11. Шалаби А. Маусуат тарих вал хадарат аль-исламийа. – Мактаба ан-Нахда, 1986. Т. 3.

Первая мировая война и ведущие ученые Полярной комиссии Российской академии наук¹

В статье рассматривается деятельность ученых Полярной комиссии Российской академии наук, связанная с участием России в Первой мировой войне.

The article discusses the views and activities of the scientists of the Polar Commission of the Russian Academy of Sciences, associated with the participation of Russia in the First World War.

Ключевые слова: Полярная комиссия, Академия наук, ученые, исследования, Первая мировая война, Российский Север, Арктика.

Key words: Polar Commission, Academy of Sciences, scientists, researches, First World War, Russian North, Arctic.

1 августа 1914 г. произошло одно из наиболее трагических событий XX в. – Германия объявила войну России, что послужило началом Первой мировой войны. Вся жизнь огромной страны перестраивалась на военный лад. Народы России встали на защиту своего Отечества. В организации обороны страны большая роль отводилась науке.

Исследования, касающиеся участия России в Первой мировой войне, в связи со столетием с момента её начала представляются весьма актуальными. Участие ученых Полярной комиссии Академии наук в Первой мировой войне до настоящего времени в отечественной историографии всесторонне освещались. Отчасти данная тематика отражена лишь в работах О.А. Красниковой [11; 12; 13]. Восполнить этот пробел и призвана данная публикация.

В 1914 г. Академии наук состояла из трех отделений: физико-математического, историко-филологического, русского языка и словесности. В «Отчете о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1914 год» перечислены 36 научных и научно-вспомогательных учреждений, в том числе 16 академических и приакадемических комиссий. В 1914 г. Академия наук организовала новое учреждение – Полярную комиссию. Штаты подавляющего большинства учреждений бы-

© Судариков А.М., 2014

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в проекте проведения научных исследований в области гуманитарных наук «Деятельность Полярной комиссии Академии наук по исследованию Арктики в 1914–1936 гг.», проект № 14-03-00699.

ли малочисленными [17, с. 6]. Академию наук возглавляли президент великий князь К.К. Романов (скончался 2 июня 1915 г.), вице-президент академик П.В. Никитин (скончался 5 мая 1916 г.) и непременный секретарь академик С.Ф. Ольденбург. В Академии наук трудились выдающиеся ученые, в том числе науки о Земле были представлены именами академиков Н.И. Андрусова, Б.Б. Голицына, В.И. Вернадского, А.П. Карпинского [15, с. 9].

«Война нарушила мирное и естественное развитие жизни академии и примыкающих к ней учреждений» [17, с. 8], о её влиянии на деятельность академии рассказано во всех последующих ее отчетах периода 1915–1917 гг., составленных С.Ф. Ольденбургом. С началом Первой мировой войны большинство ученых Петербургской академии наук забыло о своем недовольстве правительством и оказалось захваченным всплеском патриотизма. Российские ученые и студенты встретили Манифест об объявлении войны молебнами и пением гимна, активно участвовали в монархических манифестациях [8].

В обстановке патриотического подъема большинство ученых академического сообщества активно поддержали царское правительство. Предполагалось на время отложить борьбу с пережитками царизма. Пока шло сражение с могучим врагом, который в техническом и экономическом отношении превосходил Россию, «надо было сконцентрировать все наши усилия, всю волю народа ради достижения одной цели... Массы были готовы проявить добрую волю и не вспоминать старое» [10].

Патриотизм даже у представителей «ученого сословия» порой носил верноподданнический и даже шовинистический характер. Например, профессор Петербургского университета А.С. Догель призвал российских ученых не печатать труды на немецком языке, разорвать научные связи с учеными Германии и ее союзников и исключить немецких ученых из почетных членов университета. Эта инициатива в целом была поддержана практически всеми научными учреждениями и вузами [16, с. 321]. Только академическое сообщество постаралось дистанцироваться от действий ура-патриотов [6, с. 130–138].

Инициатива «снизу» скоро была поддержана властями. 19 ноября 1914 г. император Николай II утвердил распоряжение правительства всем общественным и государственным учреждениям и институтам очиститься от подданных неприятельских стран. После долгих проволочек общее собрание академии 6 февраля 1915 г. приняло соответствующее решение. При этом академики «забыли» поименно назвать исключаемых почетных членов АН, что лишало постановление всякой юридической силы. Решение об исключении

никогда не отменялось [6, с. 321], тем не менее, все как бы исключенные сохранены в списках академии [22].

Взгляды у либерального большинства академического сообщества полностью согласовывалась с политической тактикой кадетской и октябристской партий, которые рассчитывали, что война сплотит власть и общественность, упразднит отчуждение между ними. Демонстрируя свою солидарность с правительством, они выдвинули тактику «внутреннего мира» [15, с. 547–564], суть которой полнокровно выражена в воззвании ЦК партии конституционных демократов, обнародованном 20 июля 1914 г.: «Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделявшие нас разногласия» [10, с. 242].

В годы Первой мировой войны основные усилия ученых Академии наук были направлены на удовлетворение нужд фронта и тыла. Символично, что при содействии ученых в главном конференц-зале академия работал лазарет, который ещё летом 1914 г. решено было устроить для раненых и больных воинов [24. Ф. 16. Оп. 1. № 2]. Для ведения хозяйственных дел лазарета был избран специальный комитет под председательством академика П.В. Никитина, куда вошли академики И.П. Бородин, Н.А. Котляревский, академические дамы О.Н. Стеклова, О.М. Фаминцына и В.А. Чернышева и должностные лица В.Л. Бианки, Д.Д. Руднев и И.П. Толмачев [1, с. 481]. Лазарет располагался в большом конференц-зале и соседних помещениях, работал в течение двух лет – с 16 октября 1914 по 22 ноября 1916 г. и закрылся из-за необходимости ремонта помещения и небольшого количества раненых [24. Ф. 16. Оп. 1. № 4].

Одним из руководящих центров мобилизации деятелей науки и техники на защиту Отечества стала Полярная комиссия. «Организация научного творчества для обороны от врага и для роста нашего национального богатства» – в этом В.И. Вернадский видел назначение Комиссии по изучению естественных производительных сил и Полярной комиссии [4, с. 4].

Постепенный раздел мира европейскими державами не миновал и Арктики. Если раньше, открывая новые земли, исследователи стремились к достижению определенной географической цели, то в XX в. посещение того или иного пункта «ничьей» земли часто было связано со стремлением определенного государства обосноваться на данной земле более прочно [19].

Необходимость планомерного систематического изучения Арктики особенно возросла во время Первой мировой войны, когда северные морские границы России приобрели важное значение. Полярная комиссия оказала влияние на определение положения западной и восточной российских арктических морских границ, от-

клонив ряд поступивших на ее обсуждение проектов иностранных экспедиций по изучению необследованных островов, лежащих в пределах отечественного сектора Арктики.

Постоянная Полярная комиссия, ставшая координатором всех исследовательских работ в Арктике, была организована после географических открытий, совершенных Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана (СЛО). В 1913–1914 гг. была обнаружена и частично нанесена на карту группа островов, названных Таймырским архипелагом [11].

Морское ведомство России стремилось проложить Северный морской путь, попутно выполнялись связанные с этим работы в области гидрографии [13]. Детальное исследование новооткрытых земель не входило в задачи Морского ведомства. Геологические, флористические и другие коллекции, собранные попутно, участники экспедиций доставляли в Академию наук, помещая их в соответствующие музеи. Комплексное изучение обнаруженной земли Морское ведомство предоставило Императорской Академии наук. С учетом важности обследования островов силами отечественных ученых, в Академии наук сразу же был разработан проект детального исследования Земли Николая II [11].

Для предварительного рассмотрения вопроса об исследовании вновь открытых земель 30 апреля 1914 г. была образована комиссия, которой было поручено либо создание постоянной организации, либо вынесение решения о передаче данного дела в существующую при Академии наук с 1899 г. комиссию для снаряжения Русской полярной экспедиции [13].

Решение о создании новой постоянной комиссии было принято на заседании 16 мая, и тогда же был намечен ряд лиц, приглашенных к участию в деятельности новой межведомственной комиссии: О.А. Баклунд, И.П. Бородин, В.И. Вернадский, князь Б.Б. Голицын, А.П. Карпинский, Н.В. Насонов, М.А. Рыкачев. Ученые хранители музеев академии: О.О. Баклунд, А.А. Бялыницкий-Бируля, П.В. Виттенбург, В.Н. Сукачев, И.П. Толмачев [15]. Первоначальное название организации было определено как Русская Полярная комиссия [11].

Первое собрание Полярной комиссии (ПК) под председательством великого князя Константина Константиновича состоялось 1 декабря 1914 г. Должность председателя ПК после кончины Константина Константиновича занял сначала его заместитель, академик князь Б.Б. Голицын, затем академик П.В. Никитин. С 1917 г. бессменным председателем ПК был академик А.П. Карпинский [11]. На первом заседании были оглашены записки: 1) «Об учреждении Постоянной Полярной Комиссии» И.П. Толмачева [28] и 2) «К вопро-

су о задачах Полярной Комиссии» академика В.И. Вернадского [5]. Были выбраны заместитель председателя – академик князь Б.Б. Голицын и секретарь – И.П. Толмачев.

И.П. Толмачев в своей записке назвал причины возникновения комиссии. В круг ее задач входило исследование полярной зоны, точный учет всего сделанного за прошедшие годы, организация полярных экспедиций, разработка плана работ в полярной области Земли, выработка правовых норм международного сотрудничества, дальнейшее изучение вопроса о Северном морском пути, создание для комиссии специального печатного органа, формирование специализированной библиотеки по полярным вопросам. По мнению И.П. Толмачева, комиссия должна быть в полном смысле межведомственной, т. е. включать в себя специалистов по различным областям знания из различных ведомств [28].

В период Первой мировой войны основная работа ПК проходила на заседаниях, которые собирались крайне нерегулярно. Так, в 1915 г. не было ни одного заседания комиссии. В 1916 г. комиссия собиралась лишь четыре раза, а в 1917 г. – дважды. Вероятно, это связано с тем, что инициатор создания Полярной комиссии и ее секретарь И.П. Толмачев редко бывал в Петрограде [13].

Начало Первой мировой войны застало Толмачева в геологической экспедиции в Туркестане. Он вернулся в Петроград, где хотел вступить в Действующую армию, но не прошел по возрасту. И.П. Толмачев занялся организационной работой, связанной с русским Красным Крестом [11].

В 1915 г. он был послан для организации снабжения русского Красного Креста в Галицию. Военные неудачи Русской императорской армии он объяснял недостаточным финансированием и плохим снабжением боеприпасами, оружием, амуницией, едой и медикаментами. Свое мнение Толмачев сумел донести до руководства Военного ведомства. Следующая его командировка продолжительностью в несколько месяцев была связана с поиском возможностей снабжения фронта [29]. Научные интересы Толмачев не забывал и в конце января 1916 г. он был избран директором Высших географических курсов [12].

Радиостанция на о-ве Диксон, устроенная первоначально в качестве временной, благодаря ПК была не только сохранена, но и усовершенствована. Результаты гидрометеорологических наблюдений, передаваемые ежедневно по радиотелеграфу в Петроград, входили в секретные синоптические карты, использовавшиеся для военных целей.

В 1914 г. для оказания помощи зимующим судам Гидрографической экспедиции СЛО вниз по Енисею Главным гидрографическим

управлением была послана вспомогательная экспедиция на о-в Диксона, лежащий при входе в Енисейский залив. Не исключалась и вторая зимовка судов, здесь были построены радиостанция, жилой дом и баня [27]. В конце лета 1915 г. суда Гидрографической экспедиции СЛО добрались до о-ва Диксон, где уже действовала полярная станция. После проведения ремонтных работ суда двинулись в Архангельск. Первое сквозное плавание Северо-восточным проходом было завершено 16 сентября 1915 г. Поскольку суда «Таймыр» и «Вайгач» смогли самостоятельно выбраться из ледового плена, в начале сентября 1915 г. вспомогательная экспедиция покинула о-в Диксон, оставив там радиостанцию, запасы провизии и керосина. В связи с благополучным возвращением Гидрографической экспедиции СЛО было принято решение о ликвидации этой самой северной в стране станции [11].

Но в сохранении радиостанции на о-ве Диксон была заинтересована Николаевская Главная физическая обсерватория. Метеорологические данные со станции, расположенной на побережье Северного Ледовитого океана, представлялись весьма ценными для предсказания погоды в военное время.

Заседания ПК возобновились в 1916 г. На первом, состоявшемся 25 января 1916 г., князь Б.Б. Голицын поставил вопрос о сохранении этой полярной станции. Он высказал мнение о значении радиостанции для вопросов общей метеорологии и климата и важности использования сети радиостанций в Арктике для изучения состояния льдов на Карском море в период навигации. Было принято решение обратиться к министру внутренних дел с представлением о принятии станции в ведение Главного управления почт и телеграфов [25], на значение станции на о-ве Диксон для его ведомства было также указано министру торговли и промышленности.

Постановлением Совета Министров от 22 апреля 1916 г. были отпущены необходимые средства на открытие и обслуживание гидрометеорологической радиостанции на о-в Диксон. ПК добилась передачи ее в ведение Морского министерства [21], поскольку метеорологическая станция на о-в Диксон выполняла стратегические задачи. Начальником радиостанции был назначен П.Г. Кушаков [11], персонал радиостанции состоял из восьми человек. Для установки метеорологических приборов и обучения личного состава радиостанции ведению гидрометеорологических наблюдений от Главного гидрографического управления был командирован помощник заведующего гидрометеорологической частью ГГУ И.К. Тихомиров [13]. На станции были организованы гидрометеорологические наблюдения и мониторинг состояния разных слоев атмосферы при помощи шаров-пилотов и подъемов воздушных змеев с метеорографами. Резуль-

таты гидрометеорологических наблюдений, передаваемые ежедневно по радиотелеграфу в Петроград, входили в секретные синоптические карты, использовавшиеся для военных целей [11].

Ученые Академии наук включились в решение задач, связанных с укреплением обороноспособности Отечества, обеспечением фронта и тыла всем необходимым. Война определила основные направления исследований многих академических учреждений. «Вся жизнь академии, как и жизнь всей страны, проходила под знаменем войны» [18, с. 11]. Николаевская Главная физическая обсерватория давала прогнозы погоды для армии и флота, организовала курсы по метеорологии для офицеров. Созданная в обсерватории мастерская снабжала армию метеорологическими приборами. Нуждам фронта и тыла была подчинена работа химической лаборатории, геологического и минералогического музеев и других учреждений [18, с. 12, 155, 160]. Приведенные факты свидетельствуют о стремлении ее ученых помочь Отечеству в борьбе с врагом, о влиянии войны на деятельность ученых академии. При этом главным направлением работы академии в период войны стали исследования в области естественных производительных сил и комплексное исследование полярной зоны России.

Летом 1915 г. обстановка на фронтах складывалась крайне неблагоприятно для Российской империи. Русская армия терпела тяжелые поражения и испытывала острый недостаток в вооружении и боеприпасах. В этих условиях государство приняло меры, направленные на перестройку промышленности, обеспечение роста военного производства.

В целях ускоренного развития военного производства и его регулирования создавались новые государственные органы. Среди них были четыре Особых совещания по обороне государства, в том числе по обороне государства (председатель военный министр), по обеспечению топливом (председатель министр торговли и промышленности), по перевозкам (председатель министр путей сообщения), по продовольственному делу (председатель министр земледелия). Главная роль в руководстве военной экономикой принадлежала Особому совещанию по обороне. «Положение» о создании Особых совещаний было подписано 17 августа 1915 г. лично Николаем II, что свидетельствовало о большом их значении [14, с. 13].

В 1915 г. один из неформальных лидеров Императорской академии наук и член ПК В.И. Вернадский опубликовал статью «Война и прогресс науки». Он писал об «ужасе войны между культурными народами», рассматривал войну как «кровавое столкновение», «величайшее в истории потрясение» человечества [4, с. 28, 32]. В статье

раскрывалось выдающееся значение науки и техники в исходе войны, говорилось о влиянии войны на научно-технический прогресс.

«Наряду с возбуждением научной мысли и научного творчества война 1914–1915 годов наложила свою тяжелую руку и на развитие науки. Она отвлекла средства, шедшие на мировую культурную научную работу, на долгие месяцы отбила от научной работы ее работников». В.И. Вернадский писал о гибели на фронтах тысяч талантливых людей. «Среди них были и те, которые при обычном ходе жизни явились бы крупными учеными» [4, с. 33]. Самым тяжелым ударом, нанесенным войной науке, В.И. Вернадский считал перерыв научных сношений между странами.

21 января 1915 г. на заседании физико-математического отделения академии В.И. Вернадский сформулировал задачи ученых по оказанию помощи своей Родине в войне. Помимо него заявление подписали академики Н.И. Андрусов, князь Б.Б. Голицын, А.П. Карпинский и Н.С. Курнаков. «В переживаемую историческую эпоху, требующую напряжения всех сил нашей страны, Императорская Академия наук не должна оставаться в стороне от того движения, которое захватило сейчас и отразилось на всех учреждениях нашей Родины. И ее стремления, как и всех, направлены к одной и той же цели - к развитию и поддержанию силы и могущества России, необходимых как для успешной борьбы с вооруженным врагом, так и для возможного облегчения тяжести войны, как сейчас в ее разгаре, так и после ее окончания» [21]. В документе отмечалась необходимость развития производительных сил России, освобождения ее от экономической зависимости от Германии, роста отечественной промышленности, земледелия и торговли.

По мнению председателя Полярной комиссии князя Б.Б. Голицына, работы академических комиссий «неизбежно должны быть длительными, требующими иногда продолжительных предварительных научных изысканий, причем все их важное значение скажется, конечно, в полной мере только впоследствии, по окончании войны» [18, с. 21]. Одновременно ученый настаивал на проведении срочных исследований, нацеленных на решение текущих задач.

Б. Б. Голицын высказывался за консолидацию научных и технических сил России, предлагал «принять безотлагательно меры к тому, чтобы объединить по возможности разрозненную деятельность отдельных ученых лиц и учреждений, работающих на нужды обороны, в целях придания всей этой работе большей стройности и системы» [18, с. 21].

Когда началась Первая мировая война, по предложению Б.Б. Голицына было создано Военно-метеорологическое управление, которое он и возглавил. Главной задачей управления было об-

служить армейские части прогнозами погоды, что приобрело особое значение, когда немцы начали газовую войну. В эти годы войны Б. Б. Голицын отдал все свои силы служению Родине и в непрерывном труде настолько подорвал своё здоровье, что лёгкая простуда свела его в могилу. Он скончался 17 мая 1916 г., но до последних дней продолжал интересоваться и руководить делами управления, вызывая к себе на дом сотрудников.

В силу технико-экономической отсталости военная промышленность России в 1915 г. оказалась в наиболее трудном положении по сравнению с союзниками по Антанте. Россия остро нуждалась во ввозе широкой номенклатуры стратегических грузов – сырья, топлива и оборудования. Императорская армия и ВМФ нуждались в масштабных поставках вооружений. Например, казенные заводы морского ведомства в Петрограде и Балтийский флот, т. е. фактически безопасность имперской столицы, напрямую зависели от снабжения английским улем. Эти потребности покрывали массовые перевозки из союзных и нейтральных стран. Только одно военное ведомство заказало иностранным фирмам в годы войны имущества на 3,2 млрд р. Общая же сумма всех военных заказов за границей составила 7,7 млрд р. [9, с. 233].

Транспортные пути во время войны пролегли через территорию Норвегии, Швеции и Финляндии на Петроград («скандинавский транзит»). Массовые же грузовые потоки направлялись морем на Север, вдоль Норвежского побережья и Мурманского берега в Кольский залив и далее в Архангельск. Спешно возводили незамерзающий Мурманский порт и железную дорогу к нему. Глубокой реконструкции был подвергнут Архангельский порт, на который легла основная нагрузка по приему ввозимых грузов [9, с. 233].

Военное руководство Германии уже с 1915 г. прилагало усилия по прерыванию стратегически важной коммуникации противников, чтобы сорвать снабжение России военными материалами. В результате воды Северного Ледовитого океана превратились в театр военных действий. Средствами борьбы стали установка германских мин в полярных морях и нападение подводных лодок на суда и транспорты союзников, что тревожило Ставку верховного главнокомандующего и руководителей Морского штаба. Значительную помощь в борьбе с германской угрозой на северных коммуникациях оказала Полярная комиссия Академии наук.

Неуступчивость царизма, его усиливавшаяся враждебность к любым проявлениям либерального инакомыслия, а также военные поражения России, усугубление день ото дня ее тяжелого экономического положения, политический кризис самодержавия, боязнь собственной политической изоляции заставили либералов уже в

мае 1915 г. отказаться от «внутреннего мира» и объединиться в «прогрессивный блок» с партиями центра и частью националистов в Государственной думе. В Государственном совете немалая роль в «блоке» принадлежала академической группе [15, с. 563–564].

После Февральской буржуазной революции 1917 г. академическое сообщество безоговорочно солидаризировалось с намерением Временного правительства не выводить Россию из войны [8]. Ставший после смерти Б.Б. Никитина председателем ПК академик А.П. Карпинский был одним из ведущих геологов России и никогда не опускался до политики. «Карпинский был молчуном, дневника не вел, воспоминаний не оставил» [22, с. 94].

Тем не менее, можно с уверенностью говорить, что А.П. Карпинский разделял патриотическую позицию большинства ученых академии. Уже 4 марта 1917 г. А.П. Карпинский направил князю Г.Е. Львову, председателю Временного правительства первого состава, «единогласное постановление Конференции Академии наук», в котором ученые заявили о своей солидарности с властями и готовности «представить те знания и средства, какими она (академия) может служить России» [26].

Академия наук установила с Временным правительством, прежде всего с Министерством народного просвещения, тесные рабочие контакты. Этому способствовало то, что многие из академиков оказались товарищами по кадетской партии. Кадетом был В.И. Вернадский и некоторые другие представители академической науки, участвовавшие в работе ПК. Вернадский и С.Ф. Ольденбург входили в состав ЦК партии кадетов. Министр просвещения Временного правительства А.А. Мануйлов привлек Вернадского к работе в министерстве. Позднее министром просвещения стал С.Ф. Ольденбург, который уговорил Вернадского занять должность заместителя министра [2, с. 186–187].

При формировании ПК ученые опирались на богатейший опыт в исследовании природных ресурсов, накопленный Академией наук в XVIII–XX вв., учитывался и опыт зарубежных научных учреждений в этой области.

В первые годы существования Полярной комиссии сложные политические и экономические условия в стране не позволили ей осуществить поставленные перед ней задачи в полном объеме. Работа ПК ограничилась по условиям времени кабинетной разработкой ряда вопросов, связанных с организацией полевых исследований. Тяжелое экономическое положение страны не позволяло заниматься полевыми работами, а последовавшая затем оккупация Севера оторвала комиссию от области ее экспедиционной деятельности.

Для деятельности ПК характерно было стремление развернуть исследования, направленные на использование научных результатов для обеспечения технико-экономической независимости страны. В этих целях ученые выдвинули идею создания государственной сети научно-исследовательских институтов.

Отличительная особенность работы комиссии – комплексный подход к изучению Севера России. Без этого невозможно было решить те сложные задачи, которые стояли перед комиссией. Осуществление на практике принципа комплексности стало возможным благодаря тому, что в работе комиссии участвовали многие ученые, представлявшие различные отрасли науки и техники. Комиссия установила контакты с государственными органами, особенно с Военным и Морским министерствами, что позволяло ей оперативно решать научные проблемы, продиктованные потребностями обороны.

Комиссия представляла собой подлинно демократическое учреждение. Ее руководящие органы избирались путем тайного голосования. Все принципиальные вопросы, касающиеся работы комиссии, обсуждались ее общим собранием. Руководители ПК стремились учесть все точки зрения, которые высказывались учеными.

Список литературы

1. Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX вв.: очерки истории. – М., 2008. – С. 480.
2. Бастракова М.С. Академия наук и власть: Второе столетие. От академии Императорской к Российской / РАН: 275 лет служения России. – М.: Янус-К, 1999.
3. Вернадский В.И. Война и прогресс науки / О науке. – Т. 2. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. – С. 28–39.
4. Вернадский В.И. О ближайших задачах Комиссии по изучению естественных производительных сил. – Пг., 1915. – С. 4.
5. Вернадский В.И. О задачах Постоянной полярной комиссии // Приложение к Протоколам ФМО РАН. Заседание I. 7 января 1915 г. Прил. I. – С. 20–23.
6. Виноградов Ю.А. Германские биологи – члены Императорской Академии наук и Первая мировая война // Русско-немецкие связи в биологии и медицине: Опыт 300-летнего взаимодействия. – СПб., 2000.
7. Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. – Пг., 1915.
8. Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «второй Отечественной войны» // Вопр. истории естествознания и техники. – 1999. – № 2. – С. 108–127.
9. Карелин В.А. Спецслужбы воюющих стран во время Первой мировой войны: успехи и промахи русской разведки в Норвегии // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы междунар. науч. конф. – Архангельск: ИД САФУ, 2014. – С. 233.
10. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопр. истории. – 1990. – № 9. – С. 132.

11. Красникова О.А. Полярная комиссия Академии наук и Первая мировая война // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы междунар. науч. конф. (Архангельск, 21–25 июня 2014 г.) / под общ. ред. Т.И. Трошиной. – Архангельск: ИД САФУ, 2014. – С. 267–272.
12. Красникова О.А. Академия наук и исследования в Арктике: научно-организационная деятельность Полярной комиссии в 1914–1936 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006.
13. Красникова О.А. Полярная комиссия Академии наук (1914–1936 гг.) / Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: ист. оч. / отв. ред. Ю.М. Батулин; ред.-сост. Г.И. Смагина, Э.А. Тропп. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 383–449.
14. Кольцов А.В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 гг. – СПб.: Наука, 1999. – 182 с.
15. Кризис самодержавия в России 1895–1917. – Л.: Наука, 1984.
16. Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / ред.-сост. Э.И. Колчинский. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
17. Отчет о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1914 год, составленный и. о. неперменного секретаря академиком А.А. Шахматовым и читанный в публичном заседании 29 декабря 1914 года. – Пг., 1914.
18. Отчет о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1915 год, составленный неперменным секретарем С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1915 года. – Пг., 1915.
19. Пасецкий В.М. Шпицбергенский вопрос в начале XX века // Русские арктические экспедиции XVII–XX вв.: вопр. истории изучения и освоения Арктики / под ред. М.И. Белова. – Л., 1964.
20. Протоколы заседаний Физико-математического отделения Императорской Академии наук. 1915. (ПФО РАН). – Ф. 1. – Оп. 1а. – Д. 162. – § 52.
21. Протоколы заседаний Физико-математического отделения Императорской Академии наук (ПФО ИАН). – № 7. – 27 апр. 1916. – § 281. – С. 123–124.
22. Российская Академия наук. Персональный состав. Кн. 1. 1724–1917. – М., 1999.
23. Романовский С.И. Александр Карпинский / Рос. наука в лицах. – Кн. 1. – М.: Academia, 2003. – С. 94.
24. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). – Ф. 16. – Оп. 1. – № 2. Протоколы комитета по устройству лазарета.
25. СПФ АРАН. – Ф. 75. – Оп. 1. – № 13. Протоколы заседаний ПК АН с материалами к ним. – 1916. – Л. 2–7.
26. СПФ АРАН. – Ф. 2. – Оп. 1-1917. – Д. 40. – Л. 3.
27. Тихомиров И. Гидро-метеорологическая станция на острове Диксона. – Пг.: Тип. Морск. м-ва, 1917. – С. 2.
28. Толмачев И.П. Записка об учреждении Постоянной полярной комиссии // Приложение к Протоколам ФМО РАН. Заседание I. 7 января 1915 г. Прил. I. – С. 15–20.
29. Johnson H. Memorial to Innokenty Pavlovich Tolmachoff (1872–1950) // Proceedings volume of the Geological society of America. Annual report for 1962. June, 1963. – P. 147–154.

УДК 94(470.314)«1941/1945»:355.58

И.С. Тряхов

Деятельность местной противовоздушной обороны Владимирского края в годы Великой Отечественной войны¹

В статье анализируется работа штабов местной противовоздушной обороны Владимирского края во время Великой Отечественной войны. Рассматривается эффективность деятельности штабов МПВО, исследуется их роль в обеспечении безопасности населения в трудные военные годы. Особое внимание уделяется взаимодействию штабов МПВО с местными органами государственной власти.

The article deals with the analyses of the activities of the local air-defence headquarters of Vladimir region during the Great Patriotic War. The paper considers the efficiency of the air-defence headquarters activities, investigates their role in the security of the population in the difficult war years. The particular attention is paid to the interaction of air-defence headquarters with the local authorities.

Ключевые слова: гражданская оборона, группы самозащиты, противопожарная безопасность, противохимическая оборона, светомаскировка, штаб местной противовоздушной обороны, убежища, учения.

Key words: civil defence, self-defence groups, fire safety, chemical defence, blackout, the local air-defence headquarters, asylum, exercises.

Важнейшее значение в годы войны приобрела всеобщая подготовка населения к противовоздушной и противохимической обороне, а также к действиям в экстремальной ситуации. В связи с тем, что население Российской Федерации по-прежнему подвергается различным опасностям в повседневной жизни, которые носят техногенный характер, либо же являются следствием террористических атак, актуальным является изучение методов и способов обеспечения безопасности мирного населения в годы Великой Отечественной войны. Кроме исследования методов и способов обеспечения безопасности актуальным остаётся и выяснение степени успешности такой подготовки и её влияние на население. Мероприятиями такого рода занимались в первую очередь штабы местной противовоздушной обороны и Осоавихим.

© Тряхов И.С., 2014

¹ Научная публикация подготовлена в рамках государственного задания ВлГУ № 2014/13 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

Проблемам гражданской обороны уделялось внимание уже в советской историографии, следствием чего стали публикации ряда заслуживающих внимания трудов, к которым в первую очередь относится работа под редакцией Е. Егорова [7], носящая общий характер, а также статья И.М. Мальцева [13], повествующая об управлении войсками ПВО в годы и войны, и исследование Д.Д. Ченакала [20], который изучал конкретный регион Поволжья. Среди работ, носящих обобщающий характер по данной проблеме, следует отметить монографию А.Н. Беляева [1], а также весьма интересное исследование Д.Н. Кузнецова [12].

После распада СССР изучение данной темы продолжились. В 1990-е гг. вышел в свет ряд общих работ изданных профильными министерствами Российской Федерации [6; 9; 17; 19]. Подобные издания, затрагивавшие историю становления и развития служб МПВО, выходили и позже [18]. Методов мобилизации трудовых ресурсов ГКО касается работа П.Н. Кнышевского [10]. А.В. Гусев исследует систему подготовки групп самозащиты МПВО [5] и работу оборонных организаций в годы Великой Отечественной войны [4].

Среди диссертационных исследований особо выделить следует работу Л.В. Крюковой [11]. На основе архивных источников Ставрополя автор исследует процесс зарождения, становления и развития местной противовоздушной обороны, стремится выявить роль, которую сыграли органы МПВО в общей победе советских людей над захватчиками.

В настоящее время перед историографией стоит задача шире и глубже изучить проблемы противовоздушной и химической обороны советского тыла в годы войны.

Целью данной статьи является исследование деятельности штабов МПВО в годы войны, а также выявление эффективности их работы.

Штабы МПВО существовали в крупнейших городах Владимирского края: Владимире и Коврове. В них проживало более 60 тыс. чел. Ковров являлся крупным промышленным и оружейным центром, во Владимире доля промышленных предприятий была также высока, кроме того, это был относительно крупный транспортный узел. Вследствие всего вышесказанного оба города могли быть важным объектом для бомбардировки их люфтваффе, что делало особенно необходимым подготовку населения к мерам противовоздушной, противопожарной и противохимической обороны.

Местной противовоздушной обороне уделялось повышенное внимание уже до войны, неявка или опоздание на занятия рассматривались как уклонение от обязательной учёбы по МПВО [2. Оп. 1. Д. 2. Л. 2]. Вскоре после начала войны приказом от 27 июня 1941 г.

предписывалось со следующего дня начать массовое строительство полевых убежищ для населения, для выполнения же таких работ всем руководителям учреждений и домоуправам приказывалось привлекать население [2. Оп. 1. Д. 3. Л. 4]. Всеобщая обязательная подготовка к противовоздушной и противохимической обороне всего населения в возрасте от 16 до 60 лет вводилась с 1 июля 1941 г. [3. Оп. 1. Д. 11. Л. 16].

Следствием больших потерь в действующей армии стал призыв молодых людей из подразделений МПВО, в 1942 г. происходила замена молодых бойцов солдатами 41–45 лет из числа ограниченно годных [3. Оп. 1. Д. 11. Л. 16]. Укомплектованность команд МПВО на протяжении всей войны оставляла желать много лучшего. Так, например, общая укомплектованность команды в Коврове составляла лишь 57,2 % от штата. Лучше всего была укомплектована аварийно-восстановительная команда (89,4 %), за ней шло подразделение управления (82 %), далее ветеринарная (59 %) и пожарная команды (52,6 %). Хуже всего дело обстояло в дегазационной команде (35,8 %) и в медико-санитарном подразделении (24,4 %) [3. Оп. 1. Д. 11. Л. 28]. Особо удручающим было положение с узкими специалистами. В том же Коврове было лишь пять химиков на всю команду МПВО, а подрывников не было вообще, поэтому часть людей была отправлена на курсы подрывников в Москву. В качестве причин такого положения называлось отсутствие свободных ресурсов, а даже если они были, то по разным причинам использовать таких работников не всегда представлялось возможным¹. Несмотря на это, городские военкоматы направляли имевшихся работников в штабы МПВО города для приписки к учебным командам, но штабы по понятным причинам вынуждены были отказываться от них [3. Оп. 1. Д. 11. Л. 33]. Ковровский штаб МПВО прямо обвинял городской военкомат в невнимании к нуждам штаба.

Большой проблемой стал призыв мужчин старше 55 лет [3. Оп. 1. Д. 23. Л. 10–10 об.]. К концу войны контингент рядовых бойцов, призванных в команды МПВО, отличался низкой грамотностью и плохой сдачей различного рода испытаний, офицерский же состав, напротив, оставался на достаточно высоком уровне. Слабая подготовка объяснялась не только низкой грамотностью, но и тем, что личный состав команд с самого начала привлекался на разного рода работы и несение суточных нарядов [3. Оп. 1. Д. 21. Л. 16]. Непонятным было финансовое и материальное положение военнослужащих рядового и среднего начальствующего состава таких

¹ В штаб МПВО направляли ответственных работников оборонных заводов, пожарников города и объектов, мастеров цехов, агентов и экспедиторов, которые часто были в разъездах.

подразделений, которые не получали льготы, положенные военнослужащим РККА. Также они не получали обмундирования, а на питание выделялись деньги только для тех бойцов, которые находились на казарменном положении. Руководство штабов МПВО просило разъяснений по этому поводу от наркомфина СССР [3. Оп. 1. Д. 10. Л. 8].

Парадоксально, но единого руководства МПВО городов в первый период войны не имелось, о чём свидетельствуют источники. Так, горисполком считал, что МПВО подчиняется НКВД. В реальности НКВД в штабы МПВО рассылал только документы через свой секретариат и должен был быть проверяющей стороной [2. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2, 46–48]. Следствием этого стала необходимость сосредоточения единого руководства МПВО или органами НКВД, или органами советской власти [2. Оп. 1. Д. 5. Л. 6].

Трудности возникали не только с комплектованием команд, но и с их обучением. Наилучшим способом подготовки бойцов был бы их вызов на казарменное положение, что штабы МПВО и предлагали [3. Оп. 1. Д. 11. Л. 85 об.], но реальность была более суровой и препятствовала осуществлению данного предложения. Так, например, членов команд нужно было обеспечивать казарменным имуществом, а сделать это предполагалось за счёт жилищно-коммунального хозяйства [3. Оп. 1. Д. 11. Л. 12], что было невозможно по объективным причинам. Следствием этого стало то, что многие из бойцов команд МПВО не были на казарменном положении.

Руководители учреждений должны были лично контролировать подготовку вверенных им зданий и сотрудников к противовоздушной, противопожарной и противохимической обороне. На деле всё обстояло очень часто с точностью до наоборот, что и выявляли периодически проводившиеся проверки. За самоустранение директоров заводов от мероприятий МПВО, последним грозили в случае повторных нарушений привлечением к ответственности по законам военного времени [2. Оп. 1. Д. 3. Л. 12]. Так, во Владимире уже 12 июля 1941 г. приказом по МПВО за ненадлежащее выполнение противопожарных правил был оштрафован из личных средств руководитель стройуправления [2. Оп. 1. Д. 3. Л. 16]. Это были не единственные проштрафившиеся в начале войны. Так, «проверкой от 29 июля 1941 г. выяснено, что ряд домоуправлений к ПВО не подготовлены: дома средствами пожаротушения не обеспечены, чердачные помещения захлаплены различными легкогорючими предметами, устройство бомбоубежищ не закончено» [2. Оп. 1. Д. 3. Л. 20]. Затруднительное положение с получением материалов для строительства защитных учреждений в централизованном порядке вынуждало изыскивать их на местах. Это было прямой задачей

штабов МПВО [3. Оп. 1. Д. 9. Л. 113]. Помимо строительства сооружений, важной задачей было их поддержание в должном состоянии. Деревянные конструкции подвергались гниению, образованию грибка, кроме того, через них не должна была проникать талая вода, но в реальности всё это было обычным делом [3. Оп. 1. Д. 20. Л. 18]. Вместе с тем масштабность строительства защитных сооружений в годы войны характеризуют следующие данные по Владимиру: «За время войны оборудовано земляных щелей закрытого типа 943, открытого типа 375, приспособлено подвалов под убежища 236. Общая площадь всех укрытий на 64.392 человека. Всего населения в городе 70.000 человек. Таким образом, бомбоубежищ вполне достаточно» [2. Оп. 1. Д. 5. Л. 5].

Предписания МПВО привлекали значительную часть служащих и рабочих города, что, конечно же, не могло нравиться их руководству. В связи с этим директора некоторых предприятий и учреждений стремились хотя бы частично избавиться от таких работников. Разумеется, руководство городов и штабов МПВО не могло позволить себе этого, и уже 1 августа 1941 г. вышел приказ, запрещающий «увольнять, сокращать и перемещать по службе с понижением в должности рабочих и служащих, занятых несением службы в МПВО, в противном случае директора таких учреждений и предприятий будут привлекаться к ответственности» [2. Оп. 1. Д. 3. Л. 21].

В ходе практических занятий периодически проводились учения по воздушной тревоге. Такие учения были нормой в течение всей войны [3. Оп. 1. Д. 11. Л. 95–98 об.; Д. 21. Л. 6].

С началом войны быстро выявилась нехватка различного рода имущества для обеспечения унитарных команд и групп самозащиты. Для устранения этого директор Горкомхоза Симонов и начальник Горжилуправления Суханов приказом МПВО от 19 августа обязывались заключить с Городским комитетом Красного Креста договор на обеспечение команд. Кроме того, предполагалось сделать заказ через слесарные мастерские и артели города на изготовление необходимого количества фильтров и вентиляторов для оборудования газоубежищ [2. Оп. 1. Д. 4. Л. 28]. Трудности с обеспечением команд необходимым снаряжением штабам МПВО предлагалось решать самостоятельно, путём обращения к директорам местных предприятий. Так, ковровский штаб МПВО обратился к директору завода им. Киркижа Фомину с просьбой об изготовлении приборов по обезвреживанию немецких фугасных бомб¹. Завод не отказал родному городу, и вскоре необходимые приборы были изготовлены [3. Оп. 1. Д. 10. Л. 39, 71].

¹ Среди необходимых приборов отмечались следующие: штемсельный разряжатель, стетоскоп, магнитный стопор, паровой взрыватель и др.

Противохимической защите уделялось самое пристальное внимание. Уже 4 июля 1941 г. ковровский штаб МПВО просил отгрузить 35 т дегазирующих веществ (хлорной извести), а владимирский – 23 т [3. Оп. 1. Д. 7. Л. 77]. Спешно строились обмывочные пункты на случай химической атаки и дегазационные камеры [3. Оп. 1. Д. 16. Л. 3 об, 15 об.]. К счастью, химическое оружие в годы Великой Отечественной войны не применялось, в первую очередь из-за зависимости его применения от погодных условий, и хроническая нехватка противохимических пунктов никак не сказалась на здоровье населения. Кроме подготовки противохимических пунктов, регулярным стало проведение учений на случай химических атак на дегазационных площадках (станциях), выпускались специальные методические пособия по действиям в таких ситуациях [2. Оп. 1. Д. 21. Л. 45–48]. К таким мероприятиям активным образом привлекалась пресса. В газетах края регулярно появлялись статьи и заметки, разъясняющие населению опасность химических атак и действия по спасению в таких ситуациях.

Успешные действия РККА зимой 1942 г. породили у многих как достаточно высокопоставленных людей, так и рядовых граждан ощущение, как тогда выражались, «самоуспокоенности». Особенно ярко это проявлялось в нарушениях правил светомаскировки, на что немедленно отреагировал штаб МПВО [2. Оп. 1. Д. 4. Л. 7]. Следствием этого с 30 марта 1942 г. восстанавливалось дежурство на предприятиях, учреждениях и жилых домах, а лиц, уклоняющихся от дежурства, следовало привлекать к ответственности [3. Оп. 1. Д. 4. Л. 7].

Несмотря на военную обстановку, боевая подготовка формирований МПВО и Владимира и Коврова, согласно результатам инспекций органами УНКВД, была слабой. По Владимиру в июле 1942 г. отмечались следующие недостатки:

- а) неудовлетворительное знание личным составом материальной части;
- б) неумение пользоваться индивидуальными средствами ПХЗ (противогазами);
- в) незнание правил тушения зажигательных бомб;
- г) незнание элементарных средств пожаротушения и правил осуществления профилактических мероприятий;
- д) плохой уход за техникой, низкий процент посещаемости занятий и т. д. [2. Оп. 1. Д. 4. Л. 46].

Неудовлетворительными были не только боевая подготовка формирований МПВО, но и их взаимоотношения с органами НКВД. Данная служба не всегда своевременно оповещала о наличии самолётов противника в воздухе [2. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–3]. Некомплект

личного состава в формированиях МПВО отмечался не только в группах, созданных лишь в результате начавшейся войны, но и в подразделениях, действующих постоянно. Например, две городские пожарные команды Владимира со штатом в 153 чел., в реальности имели только 104, т. е. некомплект составлял 49 чел. [2. Оп. 1. Д. 5. Л. 17].

Регулярные претензии имелись к самым разным предприятиям, которые по тем или иным параметрам были плохо подготовлены согласно нормам штабов МПВО. Так, владимирский завод «Автоприбор» был плохо подготовлен к пожарам [3. Оп. 1. Д. 5. Л. 17 об.]. Тот же «Автоприбор», а также «Химзавод», ТЭЦ, ликёроводочный завод, ОЗПО, завод № 532» оказались не подготовлены к противохимической обороне. Так, например, из 600 чел., зачисленных в формирования МПВО на «Химзаводе», никто не прошёл подготовку по положенной 70-часовой программе [2. Оп. 1. Д. 5. Л. 19–20]. Состояние МПВО вызывало нарекание и в дальнейшем. В акте от 1 ноября 1944 г. критиковался ковровский Машиностроительный завод НКПС [3. Оп. 1. Д. 20. Л. 76]. Критика директоров предприятий не была исключительно внутренним делом между руководством штабов МПВО и заводов, а выносилась на всеобщее обозрение, на страницы газет. Это делалось, во-первых, с назидательной целью, а во-вторых, было дополнительным средством воздействия. Так, начальник штаба МПВО города Владимира на страницах местной газеты выражал недовольство работой руководителя строительной конторы, завода «Автоприбор» и других и требовал «призвать виновных к порядку» [11, 1942, 4 янв.].

Однако слова начальника штаба МПВО по Владимиру П. Пилипенко о том, что «бдительность, высокая дисциплинированность и организованность – залог нашей победы над врагом», уходили очень часто в пустоту [2. Оп. 1. Д. 5. Л. 25]. К концу 1942 г. Владимир в целом к МПВО подготовлен так и не был [3. Оп. 1. Д. 5. Л. 35].

Важнейшим проводником распоряжений МПВО выступали местные газеты, которые регулярно публиковали все приказы этих штабов [2. Оп. 1. Д. 5. Л. 22], а также сведения о нарушениях светомаскировки. Наиболее чётко светомаскировка выполнялась в первый период войны. В докладной записке от 30 июня 1941 г. по городу Коврову отмечается, что светомаскировка города была уже проведена полностью [3. Оп. 1. Д. 7. Л. 65]. От граждан требовалось не только самим соблюдать светомаскировку, но и внимательно следить, чтобы их соседи также не забывали про неё [15, 12 авг.]. Виновных же в нарушении правил противовоздушной обороны и режима светомаскировки требовали сурово карать [14, 30 мая; 2 апр.]. Отмена затемнений (светомаскировки) и разрешение нор-

мального освещения улиц, жилых домов и других зданий в соответствии с решением Владимирского областного совета произошла лишь 30 апреля 1945 г. [16, 1 мая].

Однако не только заводы не всегда выполняли требования штабов МПВО. По схожему пути в начале войны пошли, например, народные судьи того же Коврова, за что были подвергнуты жёсткой критике в начале августа 1941 г. Так, отмечалось: «В помещениях судов нет светомаскировки, средства для тушения пожаров (песок, вода) народные суды и юридическая консультация также до сих пор не имеют. Такая беспечность и бездеятельность в настоящее время мероприятиями ни в коей мере в дальнейшем не может быть терпимым, а поэтому считаю необходимым срочно вмешаться Штабу МПВО гор. Коврова, назначить из работников суда ответственного лица и все необходимые мероприятия по МПВО осуществить в самый кратчайший срок» [3. Оп. 1. Д. 7. Л. 74, 93, 101]. Ковров, будучи важным промышленным городом, многие из предприятий которого выполняли военные заказы, мог в любой момент стать важной целью для люфтваффе. И хотя крупных налётов на город не было, одиночным самолётам удавалось прорываться до города и наносить ущерб городскому хозяйству¹. Лишь с 1944 г. налёты прекратились [3. Оп. 1. Д. 21. Л. 17].

Особой критике подверглись председатель Александровского райсовета Козин и председатель Вязниковского исполкома райсовета Кигаев. Недовольство вызывала работа также ряда других районов: Кольчугинского, Киржачского, Гусевского, Струнинского и Никологорского. В секретном обращении к председателям городских и районных советов на последних возлагалась личная ответственность за исполнение мероприятий противовоздушной обороны [3. Оп. 1. Д. 16. Л. 25–26]. Причина ухудшения состояния светомаскировки городов виделась в отсутствии должного контроля за режимом светомаскировки со стороны органов милиции, руководителей предприятий, учреждений и домоуправления, «которые не занимаются систематической проверкой, нарушали соответствующие дежурства, самоуспокоились» [3. Оп. 1. Д. 20. Л. 56]. От работников МПВО требовали большей настойчивости перед партийными руководителями в решении вопросов, входящих в компетенцию команд МПВО, а от руководства штабов – контроля сроков выполнения и главное должной массово-политической и агитационно-пропагандистской работы [3. Оп. 1. Д. 20. Л. 56–57 об]. До самого конца войны продолжала действовать особая охрана государствен-

¹ Например, 8 декабря 1941 г. прорвавшийся к Коврову немецкий самолёт смог сбросить на город фугасную бомбу и беспрепятственно улететь, и хотя жертв не было, но была повреждена линия связи.

ных объектов, а жильцы должны были осуществлять дежурство в своих домах на случай воздушной атаки [2. Оп. 2. Д. 3. Л. 16–16 об.].

В ходе постепенного движения фронта на запад как учреждения, так и рядовые граждане всё менее внимательно относились к различным запретам, введённым с началом войны. Обычным явлением стали невыполнения распоряжений по строительству и оборудованию газоубежищ. Особые нарекания на этот счёт вызывали городские коммунальные хозяйства, ветеринарные службы, городские жилищные управления [2. Оп. 2. Д. 1. Л. 46]. Невнимание к мероприятиям МПВО стало настолько ненормальным, что областное руководство было вынуждено издать секретное обращение ко всем председателям исполкомов городских и районных советов депутатов трудящихся, в котором было сказано следующее: «Из-за некоторых успехов КА на фронте – отдельные начальники МПВО городов и районов, председатели горрайисполкомов устранились от ответственности в руководстве и организации местной противовоздушной обороне, подготовки всего населения по нормам ПВХО и т. д.» Стремление немецко-фашистской авиации создать видимость превосходства в воздухе через налёты на отдельных участках требовало соблюдать мероприятия МПВО. Ссылки председателей исполкомов районных и городских советов на загруженность работой отменялись.

В целом же исходя из доступных нам источников следует признать, что МПВО Владимира и Коврова на протяжении всей войны так и не было признано проверяющими удовлетворительным по всем пунктам [3. Оп. 1. Д. 20. Л. 42], хотя отдельные команды всё же и достигли достаточной степени боеготовности [3. Оп. 1. Д. 17. Л. 34–34 об., Д. 20. Л. 56 об.]. Слабая готовность команд выражалась не только в их недостаточной обученности и оснащённости, но и в нередких самовольных уходах с рабочего места. В таких случаях и без этого малочисленные команды становились ещё меньше. Подобным явлениям была объявлена борьба, самовольные уходы запрещались, а покинуть рабочее место можно было только с разрешения начальника штаба МПВО или его заместителя [2. Оп. 2. Д. 2. Л. 42].

Несмотря на продолжающуюся войну, секретную переписку часто хранили беспорядочно, в обычных рабочих столах. Следствием этого стали требования начальства упорядочить ведение секретных дел и следить за порядком их хранения. Такого рода приказы повторялись за годы войны неоднократно [2. Оп. 2. Д. 2. Л. 16; Д. 3. Л. 1].

На счастье жителей края, а затем области, им не пришлось пережить немецкую оккупацию, налёты же немецкой авиации, вследствие того, что регион представлялся немцам не самой важной

целью для бомбардировок, не были массовыми, хотя всё же и нанесли некоторый материальный ущерб, слабая, а зачастую неудовлетворительная готовность подразделения местной противовоздушной обороны, практически не отразилась на здоровье населения.

Список литературы

1. Беляев А.Н. Местная противовоздушная оборона страны в Великой Отечественной войне 1941–1945. – М., 1985.
2. Государственный архив Владимирской области (ГАВО РФ). – Ф. Р-1977.
3. ГАВО РФ. – Ф. Р-3643.
4. Гусев А.В. Обучение населения СССР способам противовоздушной и химической защиты оборонными организациями в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. История. – № 2. – С. 81–89.
5. Гусев А.В. Система подготовки групп самозащиты местной ПВО в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – № 6(20): в 2 ч. – Ч. II. – С. 60–62.
6. Демин В.А. и др. Очерки истории органов внутренних дел Российского государства. – Екатеринбург, 2001.
7. Егоров Е. и др. Гражданской обороне СССР 50 лет: историческая справка. – М., 1982.
8. Защита населения и территорий в чрезвычайных ситуациях / под общ. ред. М.И. Фалеева. – Калуга, 2001.
9. История органов внутренних дел России. Краткий исторический очерк и основные документы / сост. Т.М. Занин. – М., 1995.
10. Кнышевский П.Н. Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопр. истории. – 1994. – № 2. – С. 53–65.
11. Крюкова Л.В. Становление и развитие местной противовоздушной обороны (МПВО) на Ставрополье: дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2010.
12. Кузнецов Д.Н. В годы суровых испытаний. – М., 1985.
13. Мальцев И.М. Совершенствование системы управления войсками противовоздушной обороны в годы Великой Отечественной войны // Воен.-ист. журн. – 1986. – № 4. – С. 22–31.
14. Призыв. – 1941, 1943, 1944.
15. Пролетарий. – 1941.
16. Рабочий клич. – 1945.
17. От МПВО к гражданской защите / под ред. С.К. Шойгу. – М., 1998.
18. От МПВО к гражданской защите. Страницы из истории МПВО – ГО – РСЧС субъектов Российской Федерации / сост. В.А. Владимиров [и др.]. – М., 2004.
19. Титоренко Г.П., Рябиков А.А., Чебыкин А.Д. Гражданская защита: учеб. пособие. – М., 1997.
20. Ченакал Д.Д. Военное небо Поволжья // ПВО Поволжья в годы Великой Отечественной войны. – Саратов, 1986.

УДК 94(498)«192»:338.22:323.15

Б.Б. Гогуев

Аграрная и налоговая политика Румынии в отношении венгерского национального меньшинства в 1920-х гг.

В статье даётся краткий анализ аграрной и налоговой политики румынского правительства проводимой в начале 1920-х гг. на территориях с преимущественно венгерским населением. Основываясь на фактах, автор дал оценку деятельности румынских чиновников при конфискации и распределении земельных участков, начавшейся после окончания Первой мировой войны.

The article gives a brief analysis of the agrarian and tax policy of the Romanian government conducted at the beginning of 1920s in the territories with a predominantly Hungarian population. Based on the facts, author assessed the activities of the Romanian officials with confiscation and distribution of land plots, which began after the First World War.

Ключевые слова: Трансильвания, Румыния, румыны, венгры, Первая мировая война, аграрная реформа, Регат, В. Братиану.

Key words: Transylvania, Romania, Romanians, Hungarians, First World War, agrarian reform, Regat, V. Bratianu.

Выйдя из Первой мировой войны, Румыния понесла огромные убытки: «Общий ущерб, нанесённый народному хозяйству выражался колоссальной цифрой – 31 млрд. золотых лей. Людские потери в войне достигли 800 тыс. человек, или свыше 10 % населения страны. При этом значительную часть погибших составило гражданское население страны. ... Реальная заработная плата составляла лишь 43 % довоенной» [1, с. 12].

Несмотря на это, экономика, как главный инструмент регулирования общественных отношений, стала сильным методом и способом давления на венгерское национальное меньшинство в финансовой сфере, выстраивая чёткую иерархию национального подчинения «титულიной» – румынской нацией всех остальных народов в государстве.

Необходимо отметить, что в начале 1920-х гг., Румыния была сельскохозяйственной страной и только 20 % ее населения, проживало в городских областях [7, р. 114]. С включением в состав Румынии в 1920 г. Трансильвании, экономическая жизнь венгерского

населения была поставлена под жёсткий контроль румынских властей, определив долгосрочную перспективу грубого вмешательства в экономическую жизнь и угнетения национальных меньшинств. Экономическая политика Румынского государства не пошла по пути либерализма, напротив, была организована система административного регулирования, совпадающая по своей сути с тоталитарными режимами. Меры, принятые в первые годы существования государства, после окончания Первой мировой войны и заключения Трианонского мирного договора, противоречили принципам свободной конкуренции, что в конечном итоге вылилось в череду сменяющих друг друга экономических кризисов.

Управление экономической жизнью Румынии находилось в руках Национальной либеральной партии. Румынский Национальный банк, большое количество предприятий и заводов находились под контролем партийных чиновников.

Особую роль в партии играл Председатель Совета Министров Румынии (в 1914–1919 гг. (с перерывом в 1918 г.), 1922–1926 гг., 1927 г.) и одновременно эксперт в экономических вопросах Румынии, представитель известной румынской семьи Й. Братиану (I. Vintila Bratianu) [6, p. 1–12].

По словам его ближайшего окружения, он отстаивал идею сильного государственного контроля над экономикой страны, требуя «непосредственной подотчётности предприятий перед государством, с целью служения их отечеству» [6, p. 645]. По его мнению, Румынское государство должно было быть выражением «составного национализма, роль которого [состоит] в защите и охране экономических, финансовых, культурных и социальных интересов румынского народа» [6, p. 646].

Политика Й. Братиану чётко определила экономические возможности венгерского населения, ограничиваемые румынским законом. Проведение аграрной реформы в Румынии, вне всякого сомнения, шло вразрез со всеми возможными представлениями о равноправии и справедливости закона. Первая аграрная реформа, 1920 г., разработанная Управляющим Советом, была проведена в ущерб венгерскому меньшинству.

Румынские власти лишь в конце 1980-х гг. признали, что сама реформа была проведена лишь для осуществления националистических целей. Наиболее жёстко эта реформа была проведена в жизнь в Трансильвании, где достаточно большие земельные участки принадлежали венгерскому населению, в то время как в Старом Королевстве (Regat) большинство землевладельцев были румынами. Официально зарегистрировано, что 3 118 570 акров земли было конфисковано в Трансильвании в пользу государства, 2 718 146 ак-

ров из которых принадлежали венграм [10, р. 98]. Потери, таким образом, составили 42 000 000 000 леев (приблизительно 63 млн ф. ст. на то время).

Некоторые румынские активисты Трансильвании время от времени возражали против экономической политики Братиану. Отвечая на эти возражения, Братиану говорил: «Мы создаём такую политику, которую вы и все те, кто приедет после нас управлять государством, будут вынуждены продолжить, если желают, чтобы экономика и финансы строились на национальной основе» [6, р. 646]. В данном случае подразумевалась «румынская национальная основа». Эти слова на долгие годы стали своего рода директивой для проведения всех будущих экономических преобразований в стране.

Перед тем как говорить об аграрной реформе, хотелось бы отметить, что послевоенная румынская экономика основывалась на сельском хозяйстве, в котором было занято около 82 % (!) населения [2, с. 324].

Основные принципы проводимой аграрной реформы были сформулированы румынским Национальным собранием в Альба Юлии (Alba Iulia, либо же Gyulafehervar) в 1918 г. Согласно решениям этого собрания, вся земельная собственность, особенно большая, должна была быть предана переписи. На основе этой переписи крестьянин должен был приобрести «состояние» (луга, области и леса) достаточно большое для того, чтобы прокормить себя и членов своей семьи. Руководящий принцип этой реформы состоял, с одной стороны, в перераспределении богатств, а с другой – в рационализации сельского хозяйства. Решения, принятые в Альба Юлии, определили цели аграрной реформы, прокламируемые правительством как: «формирование крестьянских авуаров (от франц. *avoir* – имущество) и социального равенства» [9, р. 76].

Экономическое положение двух миллионов венгров Трансильвании можно охарактеризовать как нищенское, упоминая тот факт, что передача венгерских состояний в румынские руки началась в первые же месяцы румынского управления Трансильванией.

*Собственность Королевства Румынии до 1918 г.
(перед земельной реформой)*

Размер «состояний» пахотной земли	Соотношение от общего числа «состояний», %
Малые	47
Средние	11
Крупные	42

Таким образом, если исходить из данных тех лет (см. табл.), то можно увидеть, что 3 002 100 гектаров находилось в собственности крупных землевладельцев и 2 608 786 гектаров было в собственности владельцев «состояний» среднего размера [16, р. 126].

Если обратить внимание на земельную собственность в Трансильвании, то получится следующая картина: земельных участков к 1919 г. в Румынии насчитывалось 4 037 496 кадастровых хомутов (мера зального расчёта/планирования, используемая в Румынии; 1 *кадастровый хомут* = 1,412 акра = 5714,17 м²), из которых 25 %, или 1 001 300 кадастровых хомутов, находились в венгерских руках, тогда как 66 %, или 2 672 822 кадастровых хомута, принадлежали лицам румынского происхождения. Кроме того, 578 469 кадастровых хомутов (или 81 % состояний) среднего размера находились в собственности венгров, в то время как 884 764 кадастровых хомута (94 %) больших состояний находилось у румын [3, р. 386].

Из каждых 100 венгров со средним заработком 11 человек жили ниже порога бедности, тогда как всего 5 румын из 100 находились в таком же положении. Это делает очевидным тот факт, что в экономическом и социальном положении румыны были более обеспечены, чем венгры. Значение этого фактора станет еще более очевидным, если мы обратим внимание на различные категории «земельных состояний» с точки зрения пригодности земель для ведения сельского хозяйства. Так как основная часть земельной собственности большого и среднего размера, в которую входили пастбища, поля и другие земли, пригодные с точки зрения сельского хозяйства для производственных нужд (а это приблизительно 2,5 млн кадастровых хомутов), находилась в руках румынских землевладельцев, то становится понятно, что румынская нация выделялась существенным экономическим превосходством по отношению к венграм.

Помимо этого, румынские землевладельцы опирались на широкую сеть банков и кооперативов, получая от них финансовую поддержку, имея, таким образом, возможность приобрести землю, так или иначе отнятую у венгерских землевладельцев, лишённых возможности открывать свои финансовые учреждения функционирующие на национальной основе.

Несмотря на то что венгерское национальное меньшинство в Румынии было вовсе не малочисленной национально-этнической группой, румынские власти позволили себе создать такую законодательную основу, которая жёсткими методами финансово обедняла национальные меньшинства государства.

Истинная цель аграрной реформы в Румынии была озвучена сенатором Хоссу-Лонгином (Elen Hossu-Longhin) на парламентских

дебатах в 1921 г.: «Если мы хотим, чтобы эти области [Трансильвания] приобрели действительно румынский характер, если мы хотим преобразовать их в полностью румынские районы, тогда мы должны дать владение землёй в них румынам» [5, р. 338]. На тех же дебатах сенатор Н. Батари (N. Bataria) добавил: «Аграрной реформой в Трансильвании мы не только исправляем социальную несправедливость, но и создаём фонды для улучшения жизни румынского народа. Аграрная реформа в Трансильвании должна быть рассмотрена, прежде всего, в её национальном контексте» [5, р. 338].

Реализация аграрной реформы в Трансильвании сильно отличалась от её проведения в Старом Королевстве, где верхний предел общего числа земель, которые должны были быть конфискованы, устанавливался в 2 млн га. В Трансильвании же никаких предельных рамок для конфискации установлено не было. Конфискации проводились до тех пор, пока венгерское крестьянство не превратилось сначала в малоземельное, а затем и вовсе в безземельное. Односторонние данные, предоставленные румынским правительством после реформы, довольно неоднозначны, они скрывают истинный результат проведённых преобразований. В течение долгого времени румынские власти воздерживались от публикации официальных данных по проведённым земельным преобразованиям в Трансильвании.

Располагая сведениями, собранными венгерскими властями после Второго Венского Арбитража от 1940 г., основанными на данных официальной переписи, мы можем получить приблизительную характеристику аспектов проведённой аграрной реформы в Трансильвании: из безземельных венгерских крестьян лишь 46 069 получили землю, тогда как румынские официальные данные говорят о цифре в 242 540 крестьян; к тому же, около 15 % из тех, кто получил землю, по национальному происхождению были венграми, а 78 % – румынами [20, р. 77–80]. На основе этих сведений мы можем сделать вывод: румынская аграрная реформа была направлена на то, чтобы удовлетворить в первую очередь национальные интересы румынской нации, в то время как интересы национальных меньшинств были отодвинуты в лучшем случае на второй план.

В дополнение к конфискациям земель венгерских крестьян и землевладельцев экономическая политика румынских властей создала на территории Трансильвании особую, отличную от всей остальной Румынии, систему налоговых сборов.

Согласно официальному бюллетеню румынского Министерства финансов, с 1924 по 1926 гг., прямые налоги, выплаченные в Трансильвании, превысили на 205 млн лей налоги, выплаченные в Старом Королевстве.

Если учитывать общую тенденцию роста налоговых ставок, то она была следующей: в Старом Королевстве повышение составляло 28 %, в Трансильвании – 72 %. Это повышение довольно сильно ощущалось в населённых пунктах, где большую часть жителей составляли венгры, например, в графстве Циуц (Ciuc) на 76 %, в графстве Одорхеи (Odorheiu) на 86,5 % и в графстве Три Скани (Trei Scaune) на 110 % [14, p. 242–244].

Различия между румынским и нерумынским населением были очевидны не только в оценке налоговых ставок, но и в сборе налогов. Согласно данным официального бюллетеня, с 1934 по 1936 гг., сбор налогов был значительно выше в округе Шекели (Szekely), чем в областях, населёемых румынами. Если сравнивать этот показатель с областями с чисто румынским населением, то там наблюдался даже недобор налогов. Так, только в графстве Buzau общий сбор налогов составил 25,5 %, в Dorohoi – 52, в Teleorman – 59 % от нормы [14, p. 196–201].

Тенденция продолжилась и в следующем году. В 1937 г. в румынских округах было собрано 38 % общегосударственных налогов: 55 % – в Телеормане (Teleorman), 57 % – в Дорохои (Dorohoi). В Шекели (Szekely) и других венгерских округах, налоговые сборы опять били все рекорды: 85 % – в Одорхеи (Odorheiu), 97 % – в Циуце (Ciuc), 100 % – в Муреш-Турде (Mures-Turda), 100 % – в Три Скани (Trei Scaune) [14, p. 242]. В румынских округах Трансильвании налоговые сборы вновь показали средние результаты: 64,5 % – в Насауде (Nasaud), 67 % – в Альбе (Alba). Подобная ситуация наблюдалась не только в венгерских округах. Так, например, в графстве Цернаути (Cernauti), с преимущественным составом населением подкарпатских украинцев, налоговые сборы составили 96,5 % [15, p. 403].

Можно было бы предположить, что такое различие в сборах налогов было результатом благоприятного экономического развития венгерских областей. Однако официальные румынские статистические данные говорят об обратном. «В период десяти лет, с 1925 по 1935 гг., в [вышеупомянутых венгерских округах Трансильвании], погибло большое количество крупного и мелкого рогатого скота. В графстве Одорхеи (Odorheiu) в 1925 г. было зафиксировано 55 907 голов рогатого скота, к 1935 г. их число сократилось до 40 470 голов (примерно на 23 %); в графстве Три Скани (Trei Scaune) из 54 638 осталось 38 074 голов (30 % потерь). Число дойных коров за тот же самый период уменьшилось с 22 959 до 17 470» [4, p. 403].

Очевидно, что румынская экономическая политика осуществлялась в духе принципов, установленных Й. Братиану: создание таких условий для национальных меньшинств, при которых будет невоз-

можно развиваться ни экономически, ни социально. Эта политика была нацелена в первую очередь на ускорение миграции венгров из своих населённых пунктов в Старое Королевство для дальнейшей их ассимиляции, а также за пределы Румынии. И действительно, венгерское население Трансильвании из-за острой нужды в финансах большими группами мигрировало в области Старого Королевства.

После 1934 г. румынские власти приложили все усилия, чтобы сделать жизнь крестьянства венгерских областей невыносимой. В некоторых местах округа Шекели (Szekely) румынские государственные служащие проявили особо жёсткое давление на население венгерских деревень. Они вынудили крестьян Шекели выстроить несколько церквей, заказанных правительством и некоторыми чиновниками, в которых отправлялись ритуалы преимущественно румынской православной церкви. Так, к 1938 г. такие «заказные» церкви были построены в Гатеритале (Guaterital (Szenterzsebet), Альдее (Aldea (Abasfalva), Драге (Dragu (Szentmarton) и Красинесте (Craciunesti (Karacsonyfalva) графства Одорхеи (Odorheiu) [4, p. 404]. Несмотря на то что Министерство по религиозным делам выделило на строительство церквей финансовую помощь в размере 1 125 000 леев, вышеупомянутые церкви «должны были быть построены по большей части из денег местного бюджета» [8, p. 96].

Венгерские крестьяне вследствие жёстких экономических санкций, введённых правительством Румынии, стали выражать недовольство в виде письменных жалоб, направляемых непосредственно в правительственные комитеты. Такие жалобы, естественно, не рассматривались, а вот подписавшихся под ними заносили в чёрные списки так называемых «национальных шовинистов», подрывающих государственные устои Румынии. Более того, все их дальнейшие шаги и действия ставились под строгий контроль. Вот что по этому поводу писал корреспондент местной газеты округа Шекели (Szekely): «Мы не понимаем, откуда взялся такой необузданный национализм, с которым официальные власти преследуют крестьян ..., вынуждая их занимать антагонистическую позицию к властям.... Это – грубая ошибка! ... Восстановите гуманную среду общения с ними, иначе мы превратим их во врага в нашем собственном доме...» [13]. Здесь, по-видимому, под домом подразумевается – государство.

Вследствие такой экономической политики румынского правительства в областях с венгерским населением из года в год сильно увеличивались миграционные потоки венгерских крестьян. Некоторые области Старого Королевства вскоре были переполнены такими мигрантами. Согласно официальным данным, почти 50 тыс.

венгров округа Шекели нашли своё пристанище в Бухаресте, признавая жизнь там более приемлемой, отличной от той, откуда они приехали. При переселении в новые области соответственно установленному закону они не должны были платить налоговые ставки тех мест, где они фактически проживали. Кроме того, Бухарест, как столица Румынии, мог предложить вновь прибывшим новые возможности для роста и развития в экономическом и социальном отношении. Некоторые, оставляя свои семьи, уезжали на заработки в столицу. Так, многие венгры устраивались на среднедоходную работу, получая места учителей и служащих разных уровней. Но таких случаев было немного. В целом же большинство венгров, приезжавших в столицу и без того нищими, были поставлены правительством в такую ситуацию, что не находили ничего лучше, чем иммигрировать в другие государства. Так, например, в 1936 г. 110 венгров графства Три Скани (Trei Scaune), эмигрировали в США [17, р. 112]. Нужно отметить, что согласно официальным румынским данным, к середине 1920-х гг. 811 чел. эмигрировали в Америку из Старого Королевства, 2 361 – из Буковины, и 18 015 – из Трансильвании! [18, р. 151], т. е. из Трансильвании эмигрировало в четыре раза больше людей, чем из других областей Румынии.

Завершая обсуждение аграрной и налоговой политики властей Румынии, необходимо подчеркнуть, что их разработка и реализация превратили венгерское национальное меньшинство в экономически нищее население страны. Венгерское население, обедневшее вследствие проведения аграрной реформы и других экономических преобразований, проводимых правительством, притесняемое официальными властями на всех уровнях, было поставлено на грань нищеты. Угнетения ощущались во всех сферах экономической жизни. К 1939 г. не оказалось ни одного венгра, которого так или иначе не коснулась бы националистическая политика «румынизации», активно проводимая правительством Румынии ещё с 1919 г.

Список литературы

1. История Румынии 1918–1970 / под ред. Н.И. Лебедева, А.А. Язьковой. – М., 1971.
2. Краткая история Румынии: с древнейших времён до наших дней / под ред. В.Н. Виноградова. – М., 1987.
3. Biro S. Die soziale geschichte der rumänischen Minderheit unter der ungarischen herrschaft, 1867–1918 und die ungarische Minderheit unter der rumänischen regierung, 1918–1940. – Bucharest, 1989.
4. Biro S. The Economic Situation and Livelihood of Hungarians in Greater Romania [Translated from the Hungarian Original by Mario D. Fenyo]. – New-York, 1992.
5. Biro S. The Hungarian Minority Under Romanian Rule, 1918–1940. Highland Lakes. – New Jersey, 1992.

6. Bratianu Vintila I. C. Viata si opera lui Vintila I. C. Bratianu vazute de prietenii si soloboratorii sai. – Bucharest, 1936.
7. Chelcea L. Nationalism and Regionalism in the Banat Region in the Interwar War Period: Resource Competition, Elites and Cultural Discourses // The Garden and the Workshop: Disseminating Cultural History in East-Central Europe. – Budapest, 1998.
8. Darias Mn. Siebenbürgen: die Wahrheit über den ethnischen Konflikt. – Budapest, 1978.
9. Die Landwirtschaft in Rumänien: das statistische Album. Die Publikationen des vergangenen XIV. Internationalen Kongresses der Landwirtschaft // Ministerul Agricultura i si Domeniilor. – Bucharest, 1929.
10. Die ökonomische Politik Rumäniens in 1920–1940. – Ontario, 1986.
11. Die Regierungsdirektiven und die Gesetzgebungsakte Rumäniens 1920–1940. – Budapest, 1969.
12. Die Sammlung der Gesetze des rumänischen Staates 1920–1938. (Die Sammlung der Akte und der Verordnungen. – Bucharest, 1979.
13. Gazeta Ciacului. 15 November, 1936.
14. Gyarfas E. Az ingatlan-forgalom ujabb korlatozasa [Further Restriction on Real Estate Transactions] // Magyar Kisebbseg, 1937.
15. Laszlo F. Romania egyenesadorendszere, mint a kisebbsegellenes politika egyik harci eszkoze. – Budapest, 1958.
16. Mirak T. Agrar nye die Reform in Österreich-Ungarn. – Bucharest, 1976.
17. Oberding J. G. A magyar szovetkezetek jogi helyzete Romaniaban// Magyar Kisebbseg, 1939.
18. Statistica Anuala a Romaniei. Vol. VII, 1924. Szasz.
19. Transylvania and the Banat. – London, 1920.
20. Venczel Die Details des Prozesses der Durchführung der Landreform, gesammelt in Nordsiebenbürgen. – Budapest, 1976.

УДК 94(47)«1739/1839»:351.7=512.37:271.22

С.В. Джунджузов

Охранная служба ставропольских крещеных калмыков (1739–1839 гг.)

В статье рассматривается участие калмыков Ставропольского войска в полицейско-охранительных мероприятиях в контексте исполнявшейся ими воинской повинности. По содержанию деятельности такие мероприятия были направлены на подавление народных волнений, охрану общественного порядка в местах массового скопления людей, розыск и задержание уголовных преступников.

The participation of the Stavropol Kalmyk troops in police activity in the context of military duty is considered in this article. According to the content of its movement such actions were directed to the repression of civil commotions, protection of public order in the places of a mass congestion of people, investigation and arrest of criminals.

Ключевые слова: Ставропольское калмыцкое войско, охранная служба, народное волнение, охрана порядка, повинность.

Key words: the Stavropol Kalmyk army, security service, civil commotion, protection of public order, compulsory military service.

Вопросы привлечения иррегулярных формирований из казачьих и инородческих войск к полицейско-охранительной службе в Российской империи не пользуются вниманием современной научной общественности. Как и любая гуманитарная наука, история чутко реагирует на политическую конъюнктуру. Нынешняя российская публицистика ориентирована на культивирование казачьих традиций и прославление боевого прошлого российского казачества. Ни в коем случае не отрицая важность и значимость этих направлений, все же не следует забывать, что казачья служба заключалась не только в охране границ и в участии в войнах с многочисленными внешними врагами. В имперский период казаки и приравненные к ним как представители военного сословия войсковые инородцы, часто привлекались для усмирения врагов внутренних, в число которых входили все, кто противился монаршей воле, покушался на государственный строй или нарушал общественный правопорядок.

Использование иррегулярных войск в полицейских целях в XVIII в. объяснялось необходимостью борьбы с массовыми народными волнениями, а в XIX и в начале XX столетия – как недостатком имевшихся жандармско-полицейских военизированных формирований, так и ориентацией на уже имевшийся опыт. В большинстве случаев иррегулярные части выполняли поставленные перед ними задачи. В то же время, их привлечение к исполнению по сути карательных функций против соотечественников не могло не давать повода к взаимной отчужденности и враждебности. Справедливо осуждаемая за чинимые насилия советская политика «расказачивания», наряду с другими причинами, базировалась на укоренившемся в сознании пролетарского и крестьянского населения представлении о казаках как о царских опричниках.

Цель данной публикации – рассмотреть участие калмыков Ставропольского войска в полицейско-охранительных мероприятиях правительства в контексте исполнявшейся ими воинской повинности. По содержанию деятельности такие мероприятия были направлены: 1) на подавление народных волнений; 2) поддержание и охрану общественного порядка в местах массового скопления людей; 3) розыск и задержание уголовных преступников.

Поселение крещеных калмыков в Среднем Поволжье, получившее название Ставропольское по своему административному центру, крепости Ставрополь-на-Волге, было создано в 1737 г. По инициативе первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева оно было преобразовано в поселенное иррегулярное войско.

Создание поселения крещеных калмыков происходило в обстановке, когда Российское государство, представляемое Оренбургской экспедицией, вело решительную борьбу за утверждение своего присутствия в междуречье Волги и Яика. Новую власть местные и пограничные народы встречали враждебно. В строительстве крепостей и оборонительных линий они не без основания усматривали посягательство на свои имущественные права и привилегии. Первый начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кириллов возлагал большие надежды на появление в крае крещеных калмыков. Он предполагал использовать их «обще с казаками во время каких-либо замешаней на калмык некрещеных, на кайсацкия орды, а паче на башкирцов, кои калмык не меньше регулярных войск боятца» [1, с. 45–46].

В XVIII в., вплоть до Пугачевского восстания, калмыцкие войсковые команды в основном привлекались к участию в акциях, направленных на подавление волнений башкир, крестьян и яицких казаков.

Первое документированное упоминание о привлечении ставропольских калмыков к внутренней военной службе относится к 1739 г. В составе правительственных войск они участвовали в карательных операциях, направленных на подавление народных волнений в Башкирии. Известие об этом событии сохранилось в связи с жалобой, направленной зайсангом Матвеем Батуменковым в Военную коллегию. Из нее следовало, что во время похода жалования калмыкам не платили. Обращались с ними как с солдатами регулярной армии: за провинности наказывали плетью и держали в колодках даже зайсангов. Жалоба возымела действие. Из Петербурга последовало распоряжение, чтобы во время нахождения на службе с калмыками поступали «по их обыкновениям и по примеру иррегулярных войск». Жалование им дозволялось производить в размере, установленном для Донского и Яицкого казачьих войск [2. Оп. 11. Д. 323. Л. 84–85].

Во второй раз к участию в кампании по усмирению мятежных башкир ставропольские калмыки были призваны в 1755 г.

15 мая 1755 г. вспыхнуло стихийное восстание башкирского населения Бурзянской волости под предводительством Джилана Иткула. Причиной к массовому недовольству башкир послужил указ Сената от 16 марта 1754 г., в соответствии с которым ясак заменялся покупкой соли из казны, что привело к увеличению налога в 5–6 раз. Отмену ясака башкиры восприняли как ликвидацию их вотчинных прав на землю. Поводом к использованию войск стало убийство начальника горноизыскательной партии Брагина и разорение Сапсальского почтового стана. Вскоре пришел в расстройство порядок перевозок по Исетскому тракту. Обслуживавшие его башкиры-подводчики, узнав о происшедших событиях, прекратили работу. Для борьбы с восставшими царское правительство задействовало свыше 50 тыс. регулярных солдат, драгун, яицких и донских казаков, а также верных башкир, мишарей, татар и русских крестьян [8, с. 25].

1 июня 1755 г. И.И. Неплюев направил в Ставрополь распоряжение о формировании пятисотенной калмыцкой команды и ее отправке в Башкирию. Уже 8 июня команда, сопровождаемая поручиком Молошниковым, двинулась в сторону Уфы. Командовал калмыками войсковой судья Павел Торгоутский. При сотнях состояли 5 ротмистров, 5 хорунжих и 5 есаулов. Под их командованием находились 488 рядовых калмыков, 6 самарских и 6 алексеевских казаков. В Уфе к ним присоединился небольшой отряд в составе урядника и 12 казаков. Всего в походе находилось 528 чел. К этому времени значительно улучшилась ситуация с обеспечением калмыков огнестрельным оружием. На вооружении у них было 430 ружей,

на каждое из которых выделялось по фунту пороха и фунту свинца. Судья Торгоутский по этому поводу с удовлетворением отмечал, что «у них ружье кроме малого числа у всех огненное». Денежным и продуктовым довольствием отправленные в поход калмыки снабжались по установленным в 1745 г. нормам. В донесении из Уфы П. Торгоутский просил И.И. Неплюева половину положенного его команде довольствия выдать провиантом – сухарями и крупами, а вторую половину – деньгами: «ибо им при посылке из Ставрополя выдано всего только на полмесяца [З. Оп. 1. Д. 36. Л. 242–243]. Частично калмыки снабжались за счет конфискованного у башкир скота.

Ко времени прибытия калмыцкой команды в Башкирию первая активная волна восстания почти утихла. Участники событий у Сапсальского яма покинули пределы Бурзянской волости и ушли в казахские кочевья. Затишье продолжалось недолго. Начавшееся в центре мятежной волости строительство Зилаировской крепости и назначение старшин и сотников «из надежных людей» уже в августе заставили местное башкирское население вновь взяться за оружие. Объектами для нападений становились заводы и почтовые станции Исетского тракта, соединявшего Оренбург с Челябинском и Троицкой крепостью [9, с. 71–109]. Для наведения порядка на тракте из калмыцкой команды был выделен отряд в 200 чел., который под предводительством поручика Луцкого был отправлен на Орскую дистанцию. Отряд неоднократно перебрасывался из одного укрепленного пункта в другой. Местами его временной дислокации были Ильинская и Орская крепости, а домой в Ставрополь этот отряд калмыков был отпущен 1 декабря с Воскресенского завода. Основная часть калмыцкой команды в составе 300 чел. под предводительством судьи Торгоутского и майора Амочкина закончила летнюю службу 23 ноября в расположенной западней Оренбурга крепости Переволоцкой.

Знаковым событием, дававшим понять калмыкам, что военная администрация не на словах, а на деле признала несправедливость причиненных им обид и унижений, случившихся во время подавления предыдущего башкирского восстания 1739 г., и намерена впредь защищать их от разного рода притеснений, стало отстранение от командования поручика Луцкого. В вину ему было поставлено самоуправство при вынесении наказания трем есаулам и рядовым калмыкам. Командование отрядом Луцкой был вынужден передать калмыцкому войсковому ротмистру Хошке [З. Оп. 1. Д. 36. Л. 518–520].

После возвращения в Ставрополь все командировавшиеся в Башкирию калмыки получили по 50 к. в качестве вознаграждения. Отдельно были отмечены заслуги войскового судьи Павла Торгоут-

ского: «В бытность его при ставропольской пятисотной калмыцкой команде против бунтовавших башкирцев, как в Башкирии, так и в верху Яика, якоже и здесь до самого отпуску оную свою команду... содержал порядочно и сам поступал радетельно и храбро, за что он ординарное награждение получил. Однако, как главный их командир особого Высочайшей Ея Императорского Величества милости знака достоин... Того ради, его, судью саблею или другим чем наградить» [З. Оп. 1. Д. 36. Л. 539–539 об.].

Во второй половине 60-х гг. XVIII в. участилось использование ставропольских калмыков в карательных экспедициях, направлявшихся для подавления народных волнений. Ставка, вероятно, делалась на верноподданнические чувства калмыцкой знати и отсутствие контактов с местным населением, учитывался и прежний опыт привлечения калмыков к карательным акциям в период башкирских восстаний.

В 1767 г. по требованию казанского губернатора против бунтовавших крестьян в Симбирский уезд был командирован отряд ставропольских калмыков и казаков из ближайших станиц общей численностью до ста человек [З. Оп. 1. Д. 87. Л. 106–106 об.].

В 1772 г. 600 калмыков в составе пятитысячного корпуса генерал-майора Ф.Ю. Фреймана участвовали в усмирении взбунтовавшихся яицких казаков. Перед Фрейманом стояла задача принудить казаков выдать зачинщиков беспорядков. Сбор правительственных войск, проходивший в станице Рассыпной, растянулся на две недели. В то же время к обороне и вооруженному сопротивлению готовилось и Яицкое войско. Большинство казаков было уверено, что оренбургский губернатор Рейнсдорп направил против них военный корпус без ведома императрицы.

Фрейману было поручено отправить по левому берегу Яика отряд из 600 чел. ставропольских калмыков и иррегулярных войск. Отряд этот должен был расположиться напротив Яицкого городка, рассредоточить разъезды и задерживать всех переправлявшихся из города [6, с. 88]. Сближение с мятежниками произошло 3 июня у речки Ембулатовки. В какой-то момент мятежным казакам удалось разгадать замысел Фреймана – силами кавалерии обойти их лагерь и нанести удар с тыла. Орудийным огнем мятежники сорвали маневр и захватили десять человек пленных. Двое пленников из числа ставропольских калмыков были убиты. На следующий день, рано утром, Фрейману удалось разместить свои батареи на примыкавших к реке возвышенностях и под их прикрытием обеспечить переправу корпуса на противоположный берег Ембулатовки. Невыгодное стратегическое положение заставило мятежников отступить в Яицкий городок. Сам городок был занят правительственными войсками без

единого выстрела. Большинство его жителей, переправившиеся за реку Чаган из опасения расправы, возвратились в свои дома. 86 чел. из числа зачинщиков и активных участников мятежа были арестованы и отправлены в Оренбург в распоряжение следственной комиссии [6, с. 99–102].

Искаженное представление о Ставропольском калмыцком войске как о надежной опоре царского правительства в Оренбургском крае развеялось уже на начальном этапе Пугачевского восстания – осенью 1773 г. калмыки с поразительной легкостью переходили на сторону пугачевцев, одним своим появлением наводивших панику на деморализованные отряды правительственных войск. Выбор рядовых калмыков, как правило, зависел от мнения войсковых старшин и посулов, на которые не скупился Е.И. Пугачев в своих устных и письменных обращениях. Однако среди рядового и командного состава ставропольских калмыков было немало и тех, кто в силу обстоятельств оказался в осажденном повстанцами Оренбурге и в Верхнеозерной крепости, продолжая храбро сражаться на стороне правительства [5, с. 49–52].

В XIX в. полицейские обязанности ставропольских калмыков сводились в основном к охранным и розыскным мероприятиям.

Перегружена нарядами была служба калмыков, оставшихся при войске после отправки на войну с Наполеоном пятисотенного Ставропольского калмыцкого полка. В течение всей войны калмыцкие отряды направлялись в Макарьев, где они обеспечивали порядок на знаменитой ярмарке. Их также привлекали для сопровождения в соседние города: Пензу, Симбирск, а также партий ополчения. В апреле 1812 г. десять калмыков во главе с урядником были направлены для поиска разбойников в Ставропольский уезд. Наряду с перечисленными командировками калмыки ежегодно продолжали нести службу на пограничной линии [7, с. 287–288].

После возвращения из заграничного похода ставропольские калмыки к участию в войнах России с внешним врагом больше не привлекались. Они продолжали нести пограничную службу на форпостах Оренбургской линии [4] и периодически направлялись в соседние уезды для содействия полиции в поддержании порядка и поимке преступников.

Последняя такая командировка случилась в 1839 г. Симбирский гражданский губернатор Н.И. Комаров докладывал министру внутренних дел, что в городах вверенной ему губернии, особенно в Самаре и Сызрани, часто случаются поджоги, кражи, в некоторых уездах, расположенных вдоль рек Волги, Самары и Суры укрываются бродяги и беглые крестьяне. Задержать правонарушителей и восстановить порядок силами местной полиции не представлялось

возможным. Для исправления ситуации губернатор ходатайствовал о привлечении к полицейской службе калмыков Ставропольского войска и оренбургских казаков из станиц, находившихся в Симбирской губернии. Императорским указом казачьим станичным правлениям и Ставропольской войсковой канцелярии вменялось в обязанность по требованию симбирского гражданского губернатора «наряжать команды для содействия в нужных случаях местной полиции» [2. Оп. 11. Д. 602. Л. 1–2].

Приказы от Н.И. Комарова о командировании команд в уезды вверенной ему губернии в Ставропольскую войсковую канцелярию поступали дважды. Так, 1 июня он потребовал наряд в сто человек для «задержания подозреваемых в поджигательствах» и «удержании в покорности законной власти» жителей Корсунского, Сенгилевского и Сызранского уездов. Калмыков разбили на две равные команды. Первая команда в сопровождении четырех урядников и четырех зауряд-чиновников была направлена в Симбирск, вторая – с таким же командирским составом – в Сенгилей. 9 июня командующий Ставропольским войском полковник Золотарев отрапортовал в Оренбург о командировании еще одной команды из тридцати калмыков в распоряжение ставропольского уездного исправника. Калмыки должны были обеспечивать безопасное судоходство на Волге, вблизи Жигулевских гор, где «накануне пятью неустановленными разбойниками было ограблено судно крестьянина Г. Пантелеева» [2. Оп. 11. Д. 602. Л. 46–47].

Так начала складываться практика, позволявшая симбирскому гражданскому губернатору по своему усмотрению вызывать казачьи и калмыцкие контингенты без предварительного уведомления их основного начальника, командующего Оренбургским отдельным корпусом и оренбургского военного губернатора В.А. Перовского. Не имея возможности открыто противиться монаршей воле, Перовский информировал правительственные инстанции о злоупотреблениях гражданских властей и нерациональном использовании войск. Напоминал он и о том, что к полицейской службе привлекаются казаки, состоящие на льготе, тем самым они отвлекаются от полевых работ и других необходимых хозяйственных занятий. Ставропольские калмыки продолжали исполнять полицейские обязанности до второй половины июля 1839 г. «Их сменили направлявшиеся на службу в Москву 546 уральских казаков» [2. Оп. 11. Д. 602. Л. 56, 62 об.].

Описанные выше события показывают, что ставропольские крещеные калмыки регулярно привлекались к исполнению полицейских обязанностей. Можно даже сказать, что наряду с участием в войнах и охраной границ они стали частью их воинской повинности,

повинностью дополнительной, вызываемой стечением обстоятельств, а потому особенно обременительной как в материальном, так и моральном отношении.

Список литературы

1. Волжские Ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в.: док. и материалы: в 4 т. Т. 1. – Ростов н/Д.: Изд-во Южного науч. центра, 2011.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. – Канцелярия оренбургского генерал-губернатора.
3. ГАОО. Ф. 3. – Оренбургская губернская канцелярия.
4. Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Межведомственные тяжбы вокруг земель калмыцкой команды Оренбургского казачьего войска (30-е гг. XIX в.) // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. – № 2. – С. 119–134.
5. Джунджузов С.В. «Пугачевское замешательство» и Ставропольское калмыцкое войско // Вестн. Самарск. гос. ун-та. – 2013. № 2 (103). – С. 49–52.
6. Дубровин Н. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования Екатерины II 1773–1774 гг. – СПб., 1884. – Т. 1.
7. Максимов А.Н., Очиров У.Б. Калмыки в наполеоновских войнах. – Элиста, 2012.
8. Худайгулов Т.С. Башкирское восстание 1755–1756 гг.: автореф. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2008.
9. Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. – М.,-Л., 1940.

Освещение проблем мусульманского духовенства на страницах газеты «Нур»

В данной статье рассматривается роль редактора газеты «Нур» Гатауллы Баязитова в сохранении религиозных ценностей в условиях революционных перемен в России в начале XX в. Проанализированы основные противоречия духовенства и интеллигенции по преобразованию общества, указана позиция татарского ученого в отношении использования потенциала духовенства в построении гражданского общества в России.

This article examines the part of an editor of the newspaper "Nur" Gataulla Bayazitov in preserving religious values in terms of revolutionary changes in Russia in the early XX century, analyzes the basic contradictions of the clergy and intellectuals on the transformation of society, contains Tatar scientist's position on the use of the clergy's capacity in building civil society in Russia.

Ключевые слова: газета, духовенство, религиозная община, интеллигенция, преобразования, оплата труда, гражданские вопросы, традиционные ценности.

Key words: newspaper, the clergy, the religious community, intellectuals, transformations, wages, civil affairs, traditional values.

В последние десятилетия возросла роль и значение религии, в том числе ислама, в общественной, духовной жизни Российского государства. Роль религии велика и в формировании приоритетов дальнейшего развития российской гражданской нации, которая пережила ряд кардинальных перемен в области политического и национально-государственного устройства, социально-экономической и общественной жизни. В этой связи для страны в целом и российских мусульман в частности большое значение приобретает сохранение мусульманской духовной традиции, культурных ценностей и социальных институтов, опирающихся на многовековой опыт развития в историко-культурном пространстве России [16, с. 3]. В сохранении этих традиций, выстраивании оптимальных взаимоотношений между мусульманами, обществом и государством, особая роль отводится мусульманскому духовенству. Имеющиеся в современном процессе трансформации религиозной системы проблемы во многом сходны с вызовами и проблемами, стоявшими перед татарским обществом столетие назад. Обращение к истории мусульманского духовенства, изучение его функций, структуры, профессиональной

деятельности, роли его в общественной жизни является актуальным с научной точки зрения. Эти вопросы столетие назад нашли отражение и на страницах первой татарской газеты «Нур», издававшейся в столице Российского государства – Санкт-Петербурге.

Среди татарской периодики начала XX в. газета «Нур» стала наиболее стабильным изданием. Газета издавалась в течение девяти лет без перерывов с периодичностью в среднем шесть выходов в месяц. Такая стабильность во многом была обусловлена статусом и действиями ее учредителя, издателя и редактора – Г. Баязитова, который также являлся имамом и ахундом Второй махалли мусульман Санкт-Петербурга и служил в Азиатском департаменте МИДа. Издание первой татарской газеты происходило за счет личных средств самого редактора, в отличие от многих других татарских средств массовой информации, деятельность которых стимулировали учредители – буржуазия: купечество или промышленники, например меценатами газеты «Вақыт» (Время) были золотопромышленники Рамиевы [13, с. 266], журнал «Дин вэ Мэгийшэт» (Религия и жизнь) издавался на средства купцов – издателем был сын известного татарского мецената Гани Хусаинова – Мухамедвали Хусаинов [11, с. 43]. За два года издания Баязитов потратил 8 тыс. р.¹ собственных денег – огромное состояние для того времени [18, с. 6].

В советской историографии подчеркивалось, что газета «Нур» была провокационным печатным органом царской охранки, оплачивалась ею и была организована с целью опоры на татарские и другие национальные силы с феодальным мышлением [9, с. 20; 12, с. 156]. Авторы этих публикаций признавали Баязитова как издателя первой газеты на татарском языке, как человека, осуществившего вековое чаяние народа. Однако последующую его деятельность в качестве редактора они рассматривали как реакционную и консервативную, направленную на защиту интересов монархии. Как известно, коммунистический режим вел борьбу со всем, что было связано с религией, считалось, что ислам препятствовал развитию прогрессивной татарской культуры. Поэтому газета, проповедовавшая необходимость сохранения религиозных ценностей в условиях революционной стихии, воспринималась ими как защищающая интересы монархии и правящей бюрократии.

¹ Для сравнения: квалифицированный рабочий в 1905–1907 гг. зарабатывал от 50 р. в месяц, жалованье коллежского регистратора – 43 р., подпоручик армии – 70, штабс-капитан армии – 90, депутат I Государственной думы (1906) – 350, преподаватель Закона божьего в Шуйской женской гимназии – 102 р.

В целом первые советские исследователи старались со всех сил умалить общественное значение газеты и его издателя, ссылаясь на малое количество подписчиков, отсутствие внутреннего свежа, скучное и однобокое изложение материалов и т. п. Тем не менее, ахунду¹ Баязитову удалось привлечь для работы в издательстве молодых, талантливых публицистов, которые позже стали известными литературоведами и писателями. В первые годы издания с редактором активно сотрудничали такие известные писатели и публицисты, как Мухаммад-Фатих Карими (1870–1937), Гаяз Исхаки (1878–1954), Ахмад-Хади Максуди (1868–1941), Риза Фахретдин (1859–1936), которые в последующем также стали редакторами различных печатных изданий. В целом газета никогда не испытывала недостатка в перспективных и известных авторах, а очень часто именно они определяют лицо и значимость издания. На страницах газеты выступали члены Государственной думы Гайса Еникеев (1864–1931), Садри Максуди (1878–1957), Шарафутдин Махмудов (р. 1853), Мухаммед-Кутлуг Тевкелев (р. 1850), выдающиеся религиозные деятели Абусауд Ахтямов, ахунд ал-Масгуди, кадий Гыйниятулла Капкаев (1856–1930), казанский имам, впоследствии кадий и редактор журнала «Ислам маджалласы» (Исламский журнал) Кашшаф Тарджемани (1877–1943), Мухаммад Сабир ал-Хасани, Насретдин ал-Худжаши, Хайрулла Госмани. «Светскую сторону» издания обеспечивали Кабир Бакир (1885–1944), впоследствии драматург и театральный критик, поэт Сагит Сунчелей (1889–1937), Зыя Насрый, Мустафа Сабитов, Мухаммад Хамиди.

Газета быстро нашла свою нишу – она завоевала популярность среди сельского мусульманского духовенства. Газета печатала статьи на актуальные вопросы дня, реагируя на те или другие изменения, касавшиеся общественной и религиозной жизни мусульман. Поэтому эта газета остается важным источником в изучении традиционного быта и повседневной культуры татар, различных аспектов жизнедеятельности местных религиозных общин и российской уммы в целом.

Печать открывает новую страницу в развитии народа. Многие вопросы, обсуждавшиеся ранее с оглядкой, меж собой в кулуарах, с появлением татарской периодической печати получали публичный характер и широкий резонанс. Это естественное право на печать, дающее шанс народу встать с колен и получить развитие наряду с

¹ Ахунд (перс. ахунд) – в Иране и дореволюционной России мусульманский «епископ», аналог арабского кади. До 1788 г. ахунды являлись главами духовенства даруг (областей) и городских общин и именно через них царские власти взаимодействовали с имамами. В гражданской жизни ахунд был старшим муллой, объединяющим несколько приходов с мечетями.

другими нациями, очень ценил издатель первой татарской газеты. Ведь возникновению прессы на татарском языке предшествовала почти вековая борьба за её создание. Постоянный отказ властей татарам в издании газет и журналов, начиная с 1808 г., привёл к тому, что татары последними из письменных народов России получили это право. В 1900 г. в стране выходило 1002 периодических издания на 75 языках народов России. Последним среди них явилась татарская газета «Нур». В № 13 газеты Баязитов писал, что «на протяжении долгого времени наш народ желал иметь печатное издание на родном языке, с тем, чтобы иметь равные возможности и права наряду с другими народами» [2]. Здесь особо следует выделить сложившуюся ситуацию беспомощности верующих, в тех случаях, когда в печати появлялись материалы с жестким отношением к исламу, клеветнические измышления на священные для мусульман темы, а они не имели возможности адекватно ответить на них. «Не имея возможности ответить этим публикациям, мусульмане вынуждены были, стиснув зубы терпеть эти оскорбления, и могли лишь словесно сотрясать воздух. А если хотели подготовить какое-либо логическое опровержение этих миссионерских атак на религию, то боялись не то что довести дело до публикации, но даже показывать написанное», – писал Баязитов в статье «Свобода» [2].

Средства массовой информации стали инструментом отражения бурных социально-политических изменений в обществе, развития культуры российских народов, в том числе татарской. Статьи газеты «Нур» освещали вопросы политики, экономики, просвещения, воспитания. Одной из главных была тема религиозного обустройства общества. С первого номера в газете отводилось немалое место освещению проектов реформ в конфессиональной сфере, толчком к которым стал Указ 12 декабря 1904 г., провозгласивший либерализацию религиозного законодательства. По этому указу необходимо было пересмотреть весь комплекс законодательных актов, касавшихся устройства духовного быта мусульманских подданных России. Это определило и основные темы общественного обсуждения. Мусульмане хотели рассмотреть такие вопросы, как введение выборности при замещении должностей как низшего, так и высшего духовенства, возможность денежного обеспечения духовенства и поступления за счет государственных средств, уравнивание в правах мусульманского духовенства с православным, вопросы рекрутирования духовенства, учреждение мусульманских духовных администраций в регионах, где они отсутствовали и др.

В результате широкого отклика мусульманской общественности на реализацию вышеупомянутого указа на Особое вневедомственное совещание под председательством А.П. Игнатьева была возло-

жена детальная проработка этих вопросов. По поручению совещания В.П. Череванский подготовил записку «По делам веры мусульман-суннитов», «ставшей квинтэссенцией требований мусульман и отношения к ним правящей элиты» [14, с. 267]. Благодаря печати эти вопросы приобрели публично-массовый характер. Немалый вклад в обсуждение этих вопросов внесла и газета «Нур». Баязитов публиковал проект Череванского, доклады С.Ю. Витте и другие документы и статьи по этой теме, тем самым обеспечив информацией тысячи своих единомышленников.

Проблемой, которая была ключевой для интеллектуалов в начале XX в., стало выявление причин застоя в обществе и определение путей выхода из него. Она стала центральной и в татарской религиозной мысли начала XX в., поскольку и причины застоя, и пути его преодоления мыслители связывали непосредственно с исламом. В этом процессе наблюдается формирование двух лагерей: духовенства и интеллигенции. Каждая сторона боролась за влияние на народные массы: первая – за сохранение былого влияния, вторая прикладывала огромные усилия уменьшить это влияние всеми доступными способами. Первый лагерь был многочисленным, но разрозненным, второй, наоборот, был малочисленным, но сплоченным и активно использовал современные средства воздействия на сознание масс, такие как печать, литература, театр. Против участия духовенства в процессе преобразований в обществе выступали не богословы, а представители мусульманской интеллигенции. Их учения, включавшие идеи и представления, идущие с Запада, не находили отклика среди традиционно мыслящих широких слоев населения. Поэтому не только проповедники из среды духовенства, но и часть молодой, преимущественно разночинной интеллигенции, с самого начала искавшей поддержки у масс, понимая необходимость перемен, стремилась представить эти перемены в традиционных образах «возрождения ислама». Этому во многом способствовал тот факт, что именно разночинная, малоимущая интеллигенция получала образование не на Западе, а у себя в стране в традиционных мусульманских учебных заведениях. Лозунги возрождения стали в новых условиях эффективным средством политической мобилизации масс, прежде всего благодаря тому, что в их сознании эпоха раннего ислама ассоциировалась с эгалитаризмом и справедливостью. Если Баязитов призывал развиваться на основе тысячелетнего исламского опыта, используя достижения европейской цивилизации, при этом нисколько не подвергая ревизии сложившуюся систему религиозного обустройства общества и используя только тот европейский опыт, который прошел испытание временем, то молодые преобразователи общества, используя об-

рывочные европейские понятия, набросились прежде всего на существующую религиозную систему в лице духовенства, считая его главным препятствием на пути преодоления застоя.

Одним из методов активизации духовенства интеллигенция, видимо, считала введение принципа избираемости мулл на фиксированный срок. Как писал Баязитов, «В последнее время распространяется молва о необходимости введения избираемости улемов на определенный срок, который предлагают ограничить тремя или четырьмя годами» [3]. Духовенство в ту пору не избиралось на какой-либо срок, оно получало от правительства указ, который мог быть отозван. Баязитов в своей статье «Духовенство татар» показывал неблагоприятные последствия этого явления. «В таких условиях всякий мулла, избранный на 3–4 года, пытаясь увеличить срок своей службы, будет стараться достичь расположения прихожан к себе и, прежде всего влиятельных элементов прихода. Если же он выступит против состоятельного члена или же какого-нибудь прислужника, то уже готова партия против него. И его место займет более угодливый человек. Все это не способствует выполнению основных функций улема, своего рода гаранта справедливости – просветительской, воспитательной, выражающихся в одобрении благих дел и запрещении плохих. Такая система, – писал он – приведет к манипулированию деятельностью служителя со стороны прихода, к охлаждению отношения народа к мулле» [4].

Разумеется, желание интеллигенции реформировать систему духовного влияния на народ исходило из их побуждений повысить самосознание населения. По их замыслам, создание конкуренции среди духовенства способствовало бы к их личной переоценке и повышению эффективности их деятельности. Но, по мнению Баязитова, они забывали об уровне развития народа, еще вчера имевшего рабское положение. Чтобы начать эти реформы, по словам Баязитова, следовало хорошо знать уровень мышления людей, их обычаи и привычки, а также их способность и готовность принять новое учение, искоренить такие разлагающие народ (и любые преобразования) негативные качества, как клевета, коварство, фальшь, повышать уровень культурного развития населения [8]. Противоборство между просветителями и молодыми радикалами, вчерашними студентами, выступавшими с позиций классовой борьбы, пока что проявлялось в виде эмоциональных речей и нападок на духовенство. Уровень противостояния этих двух лагерей отражает ответ Исмаила Гаспринского Фатиху Амирхану: «Вы еще молоды и неопытны, и потому очень многословны. Однако такие горячие молодые люди, как вы, помогут нации поднять ее культуру, тогда и мы сможем говорить о классовых противоречиях. У нации без культуры

не может быть и промышленности. Так как ее нет, нельзя говорить и о классовых противоречиях. Наша сегодняшняя задача состоит в том, чтобы готовить пути для роста культуры... Об остальном уж позаботятся те, кто придет после нас» [1, с. 332–333].

В социальном развитии татарское общество находилось на более низкой ступени развития, чем другие народы России. Отношение молодых сторонников радикальных изменений к левым, социалистическим идеям скорее было следствием нерационального воодушевления всем новым и модным и желанием быстро догнать прогрессивный мир. Баязитов также выступал за прогресс и развитие мусульман. Он придерживался мнения, что «прогресс не обязательно связан с подражанием или сближением с Европой», а может быть возможен через «перенос западного знания и западной техники без отказа от традиционных ценностей» [15, с. 117]. Поэтому, Баязитов неустанно говорил в каждой своей статье, что народ нуждается в просвещении и повышении уровня культуры. Он призвал отложить на 7–10 лет раздирающие общество спорные вопросы, даже такие, как полемика о хиджабе, о всеохватной милости Аллаха, не говоря уже о проблемах, связанных со статусом духовенства или кадимитско-джадидидским соперничеством. Действительно, события последующих десятилетий показали незрелость мышления сторонников радикальных преобразований в обществе. Более того, многие с ужасом осознали преждевременность революционных преобразований в российском обществе. Например, даже лидеры такого радикально-социалистического движения, как «Урал» не стали впоследствии сторонниками советского режима [17, с. 119].

Еще одним показателем противоборства сторонников радикальных преобразований и духовенства стала полемика о денежном обеспечении имамов, развернувшаяся на страницах татарских газет. «Нур» в лице Г. Баязитова и других авторов активно дискутировал с газетами «Вакыт», «Йолдыз» по этому вопросу. Заведенная правительством административная практика управления мусульманским населением продолжала включать в себя систему доходов. Однако правительство не пошло настолько далеко, чтобы платить мусульманскому духовенству из казны, не говоря уже о том, чтобы содержать махалли [10, с. 112].

Вслед за начавшейся в среде российской общественности, главным образом в Государственной думе, полемике о целесообразности денежного обеспечения православного духовенства, похожие споры разгорелись и на страницах татарской печати. В татарском обществе не утихали дебаты за и против. По этому вопросу правые партии выступали с одобрением, тогда как левые были категорически против введения оплаты труда духовенства.

Представители городской интеллигенции, далекие от проблем махалли со своими идеализированными воззрениями, не всегда были согласны с тем, чтобы муллам выплачивалось жалование от государства из-за «боязни», что «бюрократизированные муллы таким образом обособятся от народа» [10, с. 112]. Неизвестный автор под инициалами Г.Ф. в № 54 газеты «Вақыт» в статье «О состоянии дел имамов» рассуждал, что если платить зарплату имамам, то в силу их консервативного мышления, они станут еще более правыми, значит им нельзя выплачивать жалованья, с тем чтобы они, оставаясь бедными, не отрывались от народа и как следствие пополнили лагерь левых [5]. Новое поколение разночинной интеллигенции, очевидно, такими рассуждениями хотело подвести татарское общество под модель общероссийского, с последующим делением на классы, с тем, чтобы на этой основе увеличить противоречия в обществе и создать мятежную обстановку. Проблему о денежном обеспечении имамов, обсуждаемую в этом свете, вполне можно квалифицировать как желание интеллигенции, постепенно отходящей от нравственных ценностей ислама, усилить психическое возбуждение населению с последующим переходом на смуту.

В ответе на эту статью Баязитов доказывал спекулятивность мышления этого автора. Он писал, что обязанности муллы не заключаются в защите интересов какой-либо партии, поскольку мулла служит для соблюдения религиозных принципов. «Если имам будет следовать программе какой-либо партии, то он не сможет выполнить основную свою функцию – обеспечение справедливости в приходе. Самая главная задача духовенства, сейчас, не примыкая ни к каким партиям обеспечивать развитие образования в духе исламской религии, сохранение нации от использования другими силами. Денежное обеспечение духовенства не превращает их в госслужащих. Не важно, кто обеспечивает государство ли, или приход. Главное что должно понять общественность, это то, что муллы не должны испытывать крайнюю нужду» [6]. «Насколько лучше улемы обеспечены в жизнеустройстве, настолько лучше они заботятся о своей пастве» [5]. Баязитов приводил опыт других народов: «В Финляндии жизненные условия чухонских, латышских пасторов, годовое обеспечение которых составляет 4–5 тыс. рублей или у русских, у которых дела не столь хороши, но все же лучше, чем у нас, насколько не мешает выполнять им свои функции» [6].

В многочисленных своих статьях Баязитов также решительно выступал против наметившейся в первом десятилетии XX в. тенденции к секуляризации общественной жизни татар путем сокращения должностных обязанностей духовенства. Российское законодательство предоставляло право мусульманскому духовен-

ству не только на выполнение ритуалов, но также на то, чтобы рассматривать гражданские вопросы, такие как бракосочетание, развод, раздел имущества и наследование согласно исламским законам, ведение метрических книг и т. д. С введением метрической книги в юрисдикцию Духовного собрания в 1828 г. муллы были включены в работу одной ветви гражданской администрации. Каждый год из ОМДС они получали две метрические книги: одну возвращали, а вторая оставалась в мечети. Военное ведомство и земства также пользовались сведениями из этих книг [10, с. 104]. Помимо этого, муллам вменялось в обязанность выдавать свидетельства о рождении. Духовенство также сотрудничало с земствами в деятельности по предотвращению эпидемий, в проведении вакцинации. В таких случаях духовенству приходилось вести большую разъяснительную работу для преодоления сопротивления населения, отрицательно реагирующего на любые акции, исходящие от власти, усматривая в них инструмент православного миссионерства. Как видим, духовенство принимало активное участие в сохранении не только духовного, но и физического здоровья населения. Так, например, в письме газете «Нур» анонимный подписчик из духовенства из Белебейского уезда сообщал, что он обошел 40 деревень, проведя вакцинацию против туберкулеза [6].

Однако со стороны интеллигенции все более настойчиво высказывались предложения по сужению административного потенциала духовенства. А.М. Топчибашев в проекте реформы предлагал передать такие гражданские дела, как бракосочетание, вопросы развода и имянаречение становому приставу, тем самым, по словам Баязитова, «отдаляя духовного деятеля от народа, лишая его орудий воздействия на приход» [5].

Расширяющееся взаимодействие между духовенством и органами власти побуждало правительство требовать от духовенства знания русского языка, что влекло за собой установление образовательного ценза для мулл [10, с. 104]. Совершенно естественно, что муллы, обучавшиеся во многих сторонах света, владевшие несколькими языками, в том числе и русским, имели более широкий кругозор, более широкое представление о мироустройстве, чем рядовые жители. Духовенство, таким образом, являлось значительной прослойкой мусульманско-татарского общества, которая обладает интеллектуальным и административным потенциалом для сохранения и развития нации в свете неизбежных общественных изменений начала XX в. Численность их в Оренбургском духовном управлении, по сведениям Баязитова, составляло пять тысяч [4]. В среднем на 200 взрослых мужчин приходился один священнослужитель. Духовенство имело мощнейший авторитет у жителей махалли. Взгляды

и мнение мулл, во многом определяли состояние, духовное здоровье и настроения каждого члена сообщества. В глазах Баязитова духовенство являлось единственной здоровой силой, имевшей прямое влияние на каждого индивида мусульманского сообщества. Поэтому он не только защищал интересы духовенства, выполняющего многие социальные запросы общества, но и активно выступал за политизацию религии, стремился его использовать не только в области общественной морали, но и в сфере государственного строительства, государственного права, регулирования хозяйственной жизни.

Список литературы

1. Амирхан Ф. Олуг миллэтчетурысындакечкенэ бер хатирэ (Маленькое воспоминание о великом слугителе нации // Аң. – 1914. – № 8 (на тат. яз.).
2. Баязитов Г. Вэсэгатьһәмхоррият (Свобода) // Нур. – 1906. – 2 нояб.
3. Баязитов Г. Голэмэ-и татар (Духовенство татар) // Нур. – 1906. – 11 февр.
4. Баязитов Г. Голэмэ-и татар. (Духовенство татар) // Нур. – 1906. – 4 февр.
5. Баязитов Г. Имамнар мэсьэлэсенэ муталага (Обращаясь к проблеме имамов) // Нур. – 1909. – 8 дек.
6. Баязитов Г. Имамнар мэсьэлэсенэ караш (Взгляд на вопрос духовенства) // Нур. – 1909 – 2 сент.
7. Баязитов Г. Письма читателей // Нур. – 1909. – 16 дек.
8. Баязитов Г. Эдэбият мэслэге (Литературное направление) // Нур. – 1906. – 21 июня.
9. Ишемгулов Б. Русское самодержавие и мусульманское духовное управление. – М., 1930 (на тат. яз.).
10. Наганова Н. Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи: материалы науч.-практ. конф., 27–28 сент. 2005 г. – Казань, 2006.
11. Рамиев И. Татарская периодическая печать (1905–1925). – Казань, 1926 (на тат. яз.).
12. Сагди Г. История татарской литературы. – Казань, 1926 (на тат. яз.).
13. Сафин И. освещение проблем мусульманских приходов Оренбургской губернии на страницах газеты «Вақыт» (по материалам 1906 г.) // Татарские мусульманские приходы в Российской империи: материалы науч.-практ. конф., 27–28 сент. 2005 г. – Казань, 2006.
14. Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. – Казань, 2006.
15. Фридерих М. Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы / пер. с нем. И.А. Гилязова. – Казань, 2011.
16. Хабибуллина З. Р. Мусульманское духовенство Башкортостана на рубеже XX–XXI веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2012.
17. Хабутдинов А. Лидеры нации. – Казань, 2003.
18. Якупов В. Богословская династия Баязитовых // Янбаева Я. Потомки Баязитова. – Казань, 2009.

Либеральная печать Санкт-Петербурга в конце 1904 г.

В статье рассматривается либеральная печать Санкт-Петербурга в конце 1904 г. Особое внимание уделено сообщениям о банкетной кампании в столицах и провинции на страницах газет «Сын Отечества», «Наши дни», «Наша жизнь». В статье проанализированы причины появления этих газет в конце 1904 г., раскрыты структура и механизм организации газет, дана характеристика способов взаимодействия редакции с читателем. Перечислены акции, которые использовали новые газеты для увеличения своей читательской аудитории.

The article is dedicated to the liberal press of Saint-Petersburg at the end of 1904. Particular attention is paid to the banquet campaign in such liberal newspapers as “The Son of Fatherland”, “Our days”, “Our life”. The article gives information about reasons for publishing those newspapers at the end of 1904, about the structure and mechanism of arrangement publishing business, means of communication with readers, actions for increasing newspaper audience. The article also has the description of these liberal newspapers.

Ключевые слова: банкетная кампания, «Союз освобождения», «Наша жизнь», «Сын Отечества», «Наши дни», печать в 1904 г в России.

Key words: the banquet campaign, «The Union of Liberation», «The Son of Fatherland», «Our days», «Our life», the media in 1904 in Russia.

Начало XX в. характеризуется повышением активности земства и либерально настроенной части общества, с целью наладить диалог с самодержавной властью [см. об этом подробнее 2; 3; 4; 5].

Либеральная оппозиция, выражавшая мнение прогрессивной части дворянства и стремящаяся к участию в управлении государственными делами, собралась в начале 1904 г. в Санкт-Петербурге на учредительный съезд нелегальной организации «Союза освобождения».

В конце сентября – начале октября 1904 г. «Союз освобождения» установил контакт с революционными партиями, и члены Совета «Союза освобождения» П.Н. Милюков, кн. П.Д. Долгоруков, В.В. Яковлев и П.Б. Струве, приняли участие в Парижском съезде оппозиционных политических сил, определив стратегию взаимодействия.

20–22 октября состоялся второй съезд «Союза освобождения», на котором было решено для распространения идей о введении в России конституционного строя принять активное участие в съезде земских и городских деятелей и приложить все усилия для того,

чтобы на нем прозвучали конституционные требования. Для популяризации решений земского съезда планировалось провести 20-го ноября через членов «Союза освобождения» в Петербурге, Москве и других городах банкеты, приурочив их к сорокалетию судебных уставов, на которых собравшиеся должны были принять конституционные и демократические резолюции, составленные в более радикальном тоне, чем резолюции съезда земских и городских деятелей. Идея проведения банкетов заключалась в том, чтобы в один и тот же день в разных городах России в ресторанах и других общественных местах собирались представители разных слоев российского общества, объединенные общим оппозиционным отношением к самодержавию. Для освещения банкетной кампании было решено начать издавать ежедневные общественно-политические газеты.

После проведения банкетной кампании «Союз освобождения» планировал использовать земцев – членов «Союза освобождения» на предстоящих уездных и губернских земских собраниях для обсуждения вопроса о введении в России конституционного строя и необходимости созыва для этой цели народного представительства на широкой демократической основе. Помимо этого, «Союз освобождения» рассчитывал начать агитацию за образование союзов адвокатов, инженеров, профессоров, писателей и других лиц либеральных профессий, организацию их съездов, выбора ими постоянных бюро для объединения с бюро земских и городских деятелей в единый Союз Союзов. Этот Союз Союзов должен был установить контакты с левыми политическими партиями и выработать общую программу для дальнейших действий. В это же время «Союзом Освобождения» был налажен диалог со священником Гапоном и предложено рабочим принять те же резолюции, которые тогда принимались на банкетах.

Таким образом, «Союзом освобождения» была разработана детальная программа по распространению конституционных идей в обществе. На конец 1904 г. было запланировано участие в земском съезде и проведение банкетной кампании. Для реализации этой части программы вслед за земским съездом 6–8 ноября в Санкт-Петербурге были организованы три легальные газеты: «Наша жизнь» с 6 ноября, «Сын Отечества» с 18 ноября и «Наши дни» с 18 декабря 1904 г.

Есть основания говорить о том, что газета «Наши дни» заменила приостановленную распоряжением министра внутренних дел газету «Сын Отечества», поскольку с 18 по 29 ноября 1904 г. вышло всего 12 номеров и после приостановки подписчикам уже рассылалась газета «Наши дни». Данное предположение можно дополнить

следующими фактами. Редакция и офис обеих газет находились по одному и тому же адресу: Санкт-Петербург, Невский пр., д. 90, и обе редакции имели одинаковый контактный телефон. По-видимому, помещение под редакцию было снято на длительный срок, что позволило после приостановки «Сына Отечества» 29 ноября разместить там редакцию газеты «Наши дни», первый номер которой вышел 18 декабря, сократив, таким образом, издержки на аренду офиса. Обе газеты имели свои отделения в Москве, Киеве, Вильне, Вятке. Издателем-редактором «Сына Отечества» был Сергей Юрицин, ставший с февраля 1905 г. издателем «Наших дней».

Сразу же после выхода первого номера газета «Сын Отечества» получила первое предостережение за статью «Благовременно ли?» «в лице издателя-редактора, ученого лесовода Сергея Юрицина» [11], и была запрещена розничная продажа номеров. Свое первое предостережение газета «Наши дни» получила за статьи «Петербург» и «Расширение эксперимента» в № 5 от 22 декабря. Газете «Наши дни» также была запрещена розничная продажа отдельных номеров.

Первый номер газеты «Наши дни», как уже было сказано, вышел в субботу 18 декабря 1904 г. Для того чтобы заинтересовать читателей, на первой странице газеты было напечатано объявление о том, что лица, подписавшиеся на 1905 год, будут получать газету до конца 1904 г. бесплатно. Редактором-издателем газеты «Наши дни» первоначально был Петр Невежин. Подписку на эту газету на 1905 г. принимали в Екатеринославе, Муроме, Кременчуге, Москве, Николаеве, Харькове, Городне, Мелитополе, Могилеве, Одессе, Елисаветграде, Сормове, Новгороде, Брест-Литовске, Минске, Ковно, Лодзи, Борисове, Кишиневе, Саратове, Киеве, Лохвице, Варшаве, Севастополе, Санкт-Петербурге, что позволяет сделать вывод о географическом охвате газеты и масштабе распространения либеральных идей.

Основной материал, касающийся банкетной кампании и популяризации сведений о деятельности «Союза Освобождения» приходится на газету «Сын Отечества». Отдельные моменты освещены и в «Наших днях», например, в №1 от 18 декабря в статье «Маленький фельетон. Внутренние друзья» [8]. Однако основной пласт информации о банкетах и собраниях интеллигенции содержится в другой либеральной газете, более осторожной в своих суждениях, начавшей выходить при содействии «Союза освобождения» с 6 ноября в Санкт-Петербурге.

Первый номер ежедневной общественно-политической, литературной и экономической газеты «Наша жизнь» без предварительной цензуры вышел в первый день земского съезда. Выход в свет этой

газеты был предложен ее издателем позже и был запланирован на 22 декабря, однако «приподнятое общественное настроение и новые явления побудили редакцию ускорить издание на целых полтора месяца и начать его спешно, не дожидаясь даже купленной для газеты за границей ротационной машины» [6]. Вследствие указанного непредвиденного изменения плана газета стала выходить в окончательном виде, с иллюстрированными приложениями лишь с 1 января 1905 г. Редакция выражала надежду, что читатели будут снисходительны к промахам и недочетам нового издания. Как утверждал И.П. Белоконский, издатель долго не соглашался на досрочное начало издания газеты и тогда «один из членов совета "Союза Освобождения" гарантировал издателю уплату убытков, если газета будет в это время закрыта или если окажется в течение ноября дефицит. С этой целью им, этим членом совета, был сделан на свое имя крупный денежный заем (быстро погашенный) у известного Саввы Морозова. На эти деньги и начала издаваться "Наша жизнь" в ноябре 1904 г.» [1, с. 211]. Редактором-издателем стал профессор Л.В. Ходский, являвшийся одновременно редактором-издателем бесцензурного научно-общественного журнала «Народное хозяйство». Это позволило разместить редакцию газеты по тому же адресу, что и журнал – на Невском пр., д. 19, сэкономив средства на содержание офиса. За 1904 г. в свет вышло 54 номера газеты «Наша жизнь».

Позиционируя себя как орган, выражающий прогрессивные общественные течения, редакция газеты пошла на удачный маркетинговый ход, объявив на своих страницах, что помимо обычного ежедневного номера с 1 января 1905 г. газета будет располагать тремя дополнительными приложениями: Земский двухнедельник, освещающий вопросы самоуправления, Экономический и сельскохозяйственный двухнедельник и Иллюстрированная и Литературная неделя.

Стараясь привлечь новых читателей, редакция объявила акцию в целях увеличения своих подписчиков. Так, все годовые и полугодовые подписчики, подписавшиеся до 21 декабря включительно, были объявлены подписчиками-основателями, и для них была предложена пониженная подписная цена (16 % от стоимости подписки) с правом сохранить ее на будущее время.

В передовой статье первого номера «К нашей программе» подчеркивалось, что «Нашей жизни» «приходится вступать в семью русской периодической печати в трудную и крайне сложную минуту жизни России, задачами которой давать "подробную характеристику всего, что совершается перед нами, и нашего к тому отношения", все же с первых шагов необходимо высказаться по наиболее вол-

нующему обществу вопросу» [6]. В качестве программы издания было заявлено участие общественных представителей в деле управления страной, развитие начал истинного самоуправления: «осуществление нормального выборного начала, обеспечивающего выражение представительства интересов всего населения страны» [6], бюджетное право, вопросы, связанные со свободой слова, совести, собраний, союзов.

Поскольку провинциальные разделы пользовались большой популярностью, редакция газеты опубликовала открытое обращение «К провинциальным корреспондентам». Следует сказать, что еще задолго до выхода в свет первого номера редакция «Нашей жизни» начала получать многочисленные предложения о сотрудничестве.

Делая обзор писем из провинции, редактор пришел к заключению, что «земство и городское самоуправление являются единственными фокусами общественной жизни провинции. Если прибавить сюда печать, которой, конечно, не могли касаться в своих письмах корреспонденты, то это трио – дума, земство и печать, – претендует, по-видимому, на почетное звание явлений общественных по преимуществу» [6]. Продолжая рассуждать о важности событий из провинции, редактор говорил о том, что «"Наша жизнь" в кавычках, как и наша жизнь без кавычек, налагает на своих провинциальных корреспондентов общественную обязанность: сдернуть завесу со всей русской жизни и приковать усталую, но пробуждающую общественную мысль к той живой драме, которая разыгрывается во всех углах нашего необъятного отечества. Эта обязанность и почетна, и ответственна» [6].

Газета ставила своей целью приложить все усилия, чтобы «добросовестно передать на суд общественного мнения весь тот материал, из которого слагается русская жизнь, ее настоящее, а, следовательно, и ее будущее» [6]. Таким образом, из намеченной программы было ясно, что газета будет представлять неправительственную, альтернативную точку зрения на текущие события.

Именно на страницах этих либеральных печатных органов и развернулась банкетная кампания. Публикуя письма в редакцию, заметки и статьи провинциальных корреспондентов, перепечатывая сообщения из провинциальных газет и принятые собраниями телеграммы министру внутренних дел, «Союз освобождения» широко информировал о банкетной кампании общественность, формируя определенное общественное настроение и отношение к самодержавной власти. К сожалению, довольно сложно сказать кокой тираж был у этой газеты в конце 1904 г., так как на данный момент нет сведений даже о количестве подписчиков. Но по тем объявлениям, которые размещались ежедневно на первой странице «Нашей жиз-

ни», можно говорить о том, что газета быстро набирала популярность, и редакция не успевала удовлетворять всевозрастающий спрос на газету.

В первых пяти номерах «Нашей жизни» на первой странице редакция помещала объявление о том, что «план издания "Нашей жизни" был рассчитан на выход газеты с конца декабря, как о том было заявлено в первоначальных публикациях. ... Вследствие указанного непредвиденного изменения плана, газета станет выходить в окончательном виде лишь с 1-го января. Редакция надеется, что до этого времени наши читатели вообще будут снисходительны к могущим быть промахам и недочетам нового дела» [6]. И читатели, действительно, были благосклонны.

Уже в 11 номере, через десять дней после начала выхода в свет издания, редакция была вынуждена опубликовать на первой странице новое объявление о том, что «при имеющемся уже весьма значительном числе подписчиков обыкновенные скоропечатные машины не могут успеть приготовить все нужное количество экземпляров для сдачи с первой почтой (к 6½ часам утра). В виду этого, до получения и установки ротационной машины (приблизительно в половине декабря) контора убедительно просит подписчиков отнестись снисходительно к тому, что не все городские подписчики будут получать газету первой почтой» [7].

Вполне возможно, что этот успех газеты «Наша жизнь» и побудил либеральную оппозицию начать выпуск новой либеральной газеты «Сын Отечества», а затем газету «Наши дни».

20 ноября во многих городах России началась банкетная кампания, приуроченная к 40-летию судебных уставов. В этот день в общественных местах и ресторанах собралась разнообразная публика, объединенная оппозиционным отношением к власти. В дальнейшем, как продолжение банкетной кампании, в конце ноября, декабре и январе, планировалось провести митинги и собрания по профессиональному признаку, банкеты и собрания врачей, учителей, инженеров, адвокатов.

Большая часть публики приходила на банкеты ради интереса, чтобы быть модным и в духе времени, иметь возможность рассказать в кругу друзей о событиях, повысить свой личный авторитет. Так, поэты читали на банкетах стихи, написанные по случаю, повышая тем самым свою популярность. Да и сами банкеты иногда напоминали литературные вечера, о чем содержатся сведения в воспоминаниях А.В. Тырковой [12, с. 61] и И.П. Белоконского [1, с. 239].

Итак, «Союз Освобождения» действовал на основе имеющегося опыта проведения литературных вечеров. Банкет проходил по схе-

ме литературного вечера. Единственное отличие по замыслу организаторов было количество присутствующих на вечере. Для проведения банкета приглашался уважаемый писатель (лидер мнений). Речи для крупных банкетов были написаны заранее, проекты резолюций подготовлены. Все, что оставалось гостям банкета – это наслаждаться приятным вечером в приятной компании и поставить подпись в знак солидарности и участия в мероприятии.

Многие участники банкетов в Москве и Санкт-Петербурге, как показывают заметки, появившиеся после 20 ноября в газете «Наша жизнь», серьезно отнеслись к подписанию резолюций, принимаемых на банкетах. Неоднократно в «Нашей жизни» (см., напр.: 26 ноября № 21, 27 ноября № 22) и «Сыне Отечества» (см., напр.: 25 ноября № 8, 27 ноября № 10, 28 ноября № 11) печатались письма и заметки участников банкетов с просьбой исправить ошибки в их фамилиях, допущенных при наборе статьи в печать или допечатать их фамилию. Все это говорит о том, что участники, во-первых, гордились своим присутствием на этом мероприятии, во-вторых, внимательно читали сообщения, появившиеся в газетах о банкетах, и в-третьих, не боялись публично заявлять о своем участии в них.

Местная администрация не вмешивалась в происходящее. Что касается печати, то специальным циркуляром от 2 декабря по Главному управлению по делам печати министр внутренних дел запретил ей публикацию «отчетов, сообщений и статей о каких-либо касающихся изменения нашего государственного строя адресах, постановлениях, заявлениях и речах, имевших место в земских, городских или сословных собраниях, а равно в собраниях ученых и иных обществ и частных лиц (так называемых банкетах)» [10. Л. 139].

Таким образом, представляется интересным посмотреть, какая информация о банкетах попала в либеральную печать с начала банкетной кампании (20 ноября) до выхода циркуляра, запрещающего публиковать информацию о банкетах (2 декабря). Заметки и статьи в «Нашей жизни» о банкетах и собраниях появлялись на страницах газеты ежедневно с 15 номера по 28. События обсуждались в прессе две недели. Отдельные сведения о проведении банкетов были опубликованы в статьях заграничного «Освобождения» [9].

Всего за две недели в санкт-петербургских либеральных газетах в общей сложности было сделано 54 упоминания о праздновании сорокалетия судебных уставов, включая публикацию писем по этому поводу. Особое внимание привлек банкет в зале Павловой и инцидент у Тенишевского училища. Событиям в Петербурге в «Сыне Отечества» отведено 15 упоминаний, 14 – в «Нашей Жизни»,

2 – в «Наших днях»; сообщениям о банкетах и новостях, имеющих отношение к банкетам из провинции: в «Сыне Отечества» – 5, в «Нашей жизни» – 18, в «Наших днях» – 0.

За две недели с 20 ноября по 2 декабря в «Нашей жизни» было напечатано 32 статьи и заметки по поводу банкетов в Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Харькове, Киеве, Смоленске, Владимирской губернии, Саратове, Чернигове, Одессе, Курске, Гомеле, Ярославле, Самаре, Кишиневе (и Новочеркасске, где банкет не состоялся). В «Сыне Отечества» опубликовано 20 статей и заметок по поводу банкетов в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе, Смоленске, Владимирской губернии, Нижнем Новгороде, Курске. По количеству статей о банкетах и географическому охвату лидирует «Наша жизнь».

Наибольшее количество статей о банкетной кампании в «Сыне Отечества» приходится на № 3, 5 и 8. Например, в № 3 от 20 ноября общая площадь, отведенная банкетам, составила полторы колонки и была посвящена столичным банкетам; в № 5 от 22 ноября объем уже составил две колонки, новости были так же из Петербурга, в № 8 от 25 ноября уже три колонки, а новости как из Санкт-Петербурга, так и из провинции.

В «Нашей жизни» за период с 20 ноября по 2 декабря наибольшее количество сообщений о банкетах приходится на 25 и 27 ноября. Так, № 20 от 25 ноября содержит материал о банкетах в Санкт-Петербурге и провинции на три колонки, а в № 22 от 27 ноября 4 колонки столичного и провинциального характера. Обе газеты выходили параллельно и, дублируя порой материал о событиях, поддерживали интерес у читателей к банкетной кампании.

Из проведенного контент-анализа можно сделать вывод, что почти каждый день на протяжении двух недель газеты публиковали сообщения о принятых резолюциях и количестве участников банкетов. Основной пласт информации о банкетах в либеральной печати приходится на 20, 22, 25 и 27 ноября. Связано это с тем, что новости из провинции поступали не так быстро как из столиц. С 25 ноября сообщения о банкетах в Москве и Санкт-Петербурге дополнялись сообщениями о банкетах в провинции. Все это должно было создать у петербургского читателя впечатление того, что действительно «заговорила вся Россия» и если это обсуждается не только в столицах, но и провинции, значит, действительно, реформы необходимы.

Таким образом, либеральные издания «Наша жизнь», «Сын Отечества» и «Наши дни», созданные по инициативе «Союза освобождения» в ноябре–декабре 1904 г., отражали его интересы, распространяя его идеи, способствовали одновременно падению авторитета самодержавной власти, формировали понимание необ-

ходимости реформ, вынося на обсуждение вопрос о будущем России. Фамилии участников, их количество и авторитет должны были произвести впечатление на современников и заставить задуматься о ближайшей судьбе страны. Либералам удалось провести банкеты в Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Харькове, Киеве, Смоленске, Владимирской губернии, Саратове, Чернигове, Одессе, Курске, Гомеле, Ярославле, Самаре и Кишиневе и осветить их на страницах своих печатных органов, а отсюда по рассылке и адресам контор этих газет информация разошлась как по Москве и Санкт-Петербургу, так и по провинциальным городам, в которых были представительства этих либеральных изданий, распространяя идеи «Союза освобождения» и вызывая интерес к происходящему в столицах и провинции.

Список литературы

1. Белоконский И.П. Земское движение. – М., 1914.
2. Крылова Е.Н. Общественные настроения в России в начале XX века // Патриотизм и гражданственность в истории России: материалы междунар. науч. конф. – СПб., 2013. – С. 80–83.
3. Крылова Е.Н. Основные направления деятельности Главного управления по делам печати в 1901 г. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина: науч. журн. – 2014. – Т. 4. История. – № 1. – С. 169–177.
4. Крылова Е.Н. Российская периодическая печать на рубеже XIX–XX вв. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Вып. 5. – СПб., 2014. – С. 95–100.
5. Крылова Е.Н. Формирование общественного мнения и деятельность Министерства внутренних дел в области печати на рубеже XIX – XX в. // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв.: материалы междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. – СПб., 2014. – С. 86–91.
6. Наша жизнь. – 1904. – 6(19) нояб. – № 1.
7. Наша жизнь. – 1904. – 16(29) нояб. – № 11.
8. Наши дни. – 1904. – 18(31) дек. – № 1.
9. Освобождение. – 1904. – 31 дек. – № 62 .
10. Российский Государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 776. – Оп. 8. – Д. 1945.
11. Сын Отечества. – 1904. – 19 нояб. (2 дек.). – № 2.
12. Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. – Нью-Йорк, 1952.

ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ

УДК 94(571.12).083:373.574-055.2

С.И. Черноморченко, С.Л. Смыслова

Имидж педагога Тюменской женской гимназии (конца XIX – начала XX в.)

На основе анализа документов Тюменской женской гимназии восстанавливается образ учителя конца XIX – начала XX в., определяются его профессиональные эталонные качества и другие признаки, входящие в структуру имиджа педагога.

The image of Tyumen grammar school for girls' teacher of the period from the end of XIX to the beginning of XX century is reconstructed on the basis of the analysis of the documents from Tyumen grammar school for girls of that period. The sample professional qualities and other characteristics comprising the structure of the teacher image are determined.

Ключевые слова: женская гимназия, имидж педагога, структура имиджа, эталонные профессиональные качества.

Key words: grammar school for girls, teacher image, image structure, sample professional qualities.

В конце XIX – начале XX столетий в России были достигнуты значительные успехи в развитии женского образования. Основу этого образования составляло нравственное и религиозное воспитание, наиболее последовательно осуществляемое в женских гимназиях, которые стали появляться в России с 1862 г. В городе Тюмени женская гимназия была организована в 1904 г. на базе существовавшей до этого Тюменской женской прогимназии, которая обучала девушек всех сословий.

Главным документом, регламентирующим деятельность гимназий, внутренний распорядок, должностной состав, а также имидж педагога, был «Устав гимназий и прогимназий ведомства министерства народного просвещения», утвержденный 19 ноября 1864 г. Устав определял цель этих учебных заведений: «...доставлять общее образование и вместе с тем служить приговорительными заведениями для поступления в институт и другие специальные училища» [6, с. 6].

Образовательные и воспитательные задачи гимназии решались, прежде всего, учителями и классными надзирателями (надзирательницами). Сфера деятельности преподавателей отдельных предметов и надзирателей (наставниц) была различной. «Препода-

ватели наук» определялись «попечителем учебного округа, по собственному его избранию, или по представлению начальников сих заведений». По Уставу, учителями отдельных предметов могли быть лица, имеющие одобрительные аттестаты об окончании полного университетского курса и выдержавшие установленное на звание учителя гимназии испытание [6, с. 16]. В Тюменской женской гимназии учителя-предметники были выпускницами различных женских гимназий: Екатеринбургской, Казанской, Пермской Мариинской, Омской, Сарапульской, Тобольской Мариинской, Варшавской и др. [4. Д. 2. Л. 34–35]. Кроме того, они получали дополнительное образование на Высших женских курсах в Санкт-Петербурге, сдавали специальные экзамены, требуемые циркуляром министра народного просвещения [4. Д. 192. Л. 2]. В Уставе гимназий обязанности учителей четко не определены. Вероятно, это вызвано различиями требований, которые предъявлялись к преподаваемым предметам.

Формирование имиджа педагога происходило под влиянием специфики организации образовательного процесса. Учебный курс Тюменской женской гимназии включал в себя общеобразовательные дисциплины и практикумы развивающего характера: русский язык и словесность, историю, географию, естествоведение, арифметику, геометрию, немецкий и французский языки, начала педагогики, чистописание, рисование. В гимназии был создан специальный педагогический класс, выпускницы которого вместе с аттестатом зрелости получали свидетельства на звание домашних учительниц.

На педагога возлагалась обязанность донести материал до учеников, дать им как можно больше качественных и основательных знаний. Из этой цели следовала основная задача учителя – правильно подготовить и провести урок.

Классные наставницы, как правило, назначались начальницей гимназии из числа преподавателей, имеющих в классе наибольшее число уроков, и утверждались в этом звании попечителем учебного округа [4. Д. 192. Л. 16–17]. Так, в Тюменской женской гимназии в 1909 г. «обязанности классных наставниц в первых 4-х классах исполнялись преподавательницами безвозмездно. Каждая классная наставница в своем классе преподавала чистописание» [4. Д. 313. Л. 16 об.]. В старших классах классные дамы не выполняли обязанности учителей-предметников, их деятельность была четко определена в Уставе гимназий и прогимназий: «Классные наставники, будучи вообще ближайшими помощниками директора и инспектора в наблюдении за успехами и нравственностью учеников вверенных каждому из них классов, принимают надлежащие меры для преуспения оных, вступая, между прочим, с этой целью в сношения с родителями и родственниками ученика, а равно и с прочими препо-

давателями своего класса, в тех видах, чтобы уроки и письменные задачи были равномерно распределяемы по дням недели и чтобы вообще преподавание одного предмета не стесняло преподавания других предметов» [6, с. 17].

В Отчете о деятельности Тюменской женской гимназии указывается, что наставницы много внимания уделяли индивидуальной работе с гимназистками: они проводили дополнительные занятия с «малоуспешными, но подающими надежду на исправление» ученицами; посещали ученические квартиры, в беседах с родителями старались выяснить причины, «по которым не достигается иногда отличных результатов в преподавании», и «изыскать меры для устранения препятствий». Воспитательное воздействие на учениц осуществлялось и во время чтения «осмотрительно выбранных детских рассказов» с последующим их обсуждением, которое способствовало установлению контакта с детьми и раскрытию их внутреннего мира [4. Д. 2. Л. 29].

Профессиональные характеристики являются основными в структуре имиджа педагога, однако в зависимости от требований общества к содержанию деятельности учителя выделяют также качества личности, внешний компонент. По мнению педагогов и общественных деятелей конца XIX – начала XX в., «одно фактическое усвоение знаний не в силах оказать достаточно влияния на нравственный кругозор человека и потому не в силах повлиять благотворно на характер его душевной деятельности» [5, с. 8]. Учитель гимназии должен был быть ответственным в исполнении обязанностей воспитателя, духовного наставника детей, а значит, честным, справедливым, милосердным, совестливым: «Перед своими учениками педагогу мало быть учителем, преподавателем, а надо быть прежде всего человеком, который сумел бы согреть и осветить теплыми и яркими солнечными лучами их утро жизни» [5, с. 14].

Гуманность педагогов Тюменской женской гимназии подтверждается многочисленными фактами, обнаруженными в протоколах заседаний педагогического совета, в переписке председателя педагогического совета и начальницы гимназии с попечителем Западно-Сибирского учебного округа. Так, М. Р. Клерикова, находясь «почти 25 лет во главе управления Тюменской женской прогимназии», заложила основы будущей атмосферы всесторонней помощи испытывающим материальные затруднения ученицам. По её инициативе было учреждено общество вспомоществования нуждающимся ученицам [4. Д. 2. Л. 7]. Попечительный совет Тюменской женской гимназии ежегодно утверждал списки учениц, освобожденных от платы за обучение, в особых случаях оказывал материальную помощь [4. Д. 1]. Забота о детях и любовь к ним не подлежат измере-

нию и контролю во время ревизий, поэтому почти не находят отражения в официальных документах. Однако фрагменты реплик отдельных членов педагогического совета при рассмотрении вопросов о поведении, прилежании и успеваемости гимназисток показывают не только общую атмосферу строгости, дисциплины, послушания, но и человеческие качества учителей, наставниц, начальницы гимназии. К нарушительницам правил поведения применялись суровые меры: выговор от начальницы, снижение балла по поведению, лишение права посещать публичные мероприятия, исключение из гимназии с правом восстановления при успешном прохождении испытаний и, наконец, исключение без права восстановления. Серьезными проступками считались ложь, порча имущества учебного заведения, дерзость учителям, непосещение уроков без уважительной причины, воровство, посещение театра без разрешения, общение с офицерами [4. Д. 72. Л. 41–42]. Вместе с тем степень строгости наказания, как видно из протоколов заседаний педагогического совета, зависела от начальницы, председателя педагогического совета, а также от отдельных учителей, их способности быть добрыми и заботливыми в случае беды или неудачи. Педагогический совет неоднократно обсуждал проступки учениц, принимая справедливые решения с учётом возраста, а также характера и серьёзности нарушения.

Определенные требования предъявлялись не только к профессиональным качествам, но и к внешнему виду учителей, так как «часто в продолжение всей жизни человека все течение его мыслей и чувств находится в тесной связи и зависимости от привычек, сложившихся под влиянием личности воспитателя» [5, с. 9]. Педагоги должны быть примером для своих учеников, поэтому во всем облике соблюдалась опрятность и аккуратность. Преподаватели, имеющие церковные чины (законоучители), выглядели «соответственно чину». Мужчинам-педагогам полагался китель из сукна либо строгий костюм, который застёгивался на выпуклые металлические пуговицы, расположенные в два ряда. Визитной карточкой преподавательницы гимназии был плотный серый костюм. Волосы укладывались в аккуратную причёску. Помимо костюмов, распространены были строгие платья с высоким воротом, в основном коричневого или чёрного цветов. Светлые платья носились летом, украшения использовались как можно меньше.

Кроме одежды, педагога выделяли безупречная осанка и походка. Умение держать себя – одно из основных качеств, без которого трудно представить преподавателя гимназии. Во время урока педагог использовал умеренную жестикоуляцию для добавления экспрессии в изложение материала. Важным элементом образа педагога являлась

речь. Из-за «неудовлетворительной речи» лишались права преподавать. К речи учителя предъявлялись следующие требования: хорошая дикция, четкое изложение материала, выразительность, экспрессивность, достаточная громкость [3]. Соблюдение этих требований обуславливало большую успешность педагога в его деятельности.

Личности учителя, его образу уделяли большое внимание деятели народного образования всех уровней, что отражается как в протоколах заседаний педагогического и попечительного советов Тюменской прогимназии и гимназии, так и в ежегодных отчетах о состоянии и деятельности учебного заведения, в переписке руководства с департаментом народного просвещения и попечителем Западно-Сибирского учебного округа. На основе документов, хранящихся в фондах Государственного архива Тюменской области нами был проведен анализ характеристик учителя, представленных прежде всего признаковой лексикой.

Интересующие нас лексемы и конструкции свойственны регламентирующим документам, которые фиксируют требования к качествам субъекта учебно-воспитательного процесса. Так, в положении о педагогических курсах указывается: «Требуется, чтобы поступающие были безукоризненной нравственности и одобрительного образа жизни»; «лицо, получившие сие свидетельство, признается способным для педагогической деятельности» [7, с. 68]. В объявлении о вакансиях названы качества начальницы: «одна из лиц всякого сословия, принадлежащих к православной церкви, известных педагогической опытностью и безукоризненным поведением» [9, с. 27].

В циркуляре министра народного просвещения среди мер борьбы с «упадком дисциплины» встречаем мысль о том, что педагог «и сам обязан являть пример кротости в перенесении всего того тягостного, с чем сопряжена человеческая деятельность в области служения на пользу людей» [4. Д. 314. Л. 156]. В свидетельстве о политической благонадежности, выданном Тобольским губернатором в октябре 1912 г., указано: «Тихомирова поведения хорошего и ни в чем предосудительном в политическом отношении замечена не была» [4. Д. 192. Л. 22].

Определения, которые называют качества учителя, могут быть общеоценочными («оценка дается по совокупности разнородных свойств» [1, с. 71]), указывающими на степень соответствия функциональным требованиям: «Для преподавания специальных предметов в педагогическом классе было приглашено опытное лицо со специальным образованием» [4. Д. 7. Л. 116]. В изученных документах учитель воспринимается исключительно как имеющий качества, необходимые для выполнения профессиональных обязанностей.

Приоритетными среди них являются признаки, объединенные классификатором «психолого-педагогическое и методическое мастерство»: опытный, способный и пр. Кроме того, в характеристике учителя как должностного лица важны наличие знаний по предмету, его отношение к ученикам, к профессиональным обязанностям и нравственные качества: благонадежность, благонамеренность, доброжелательность, заботливость о вверенных его попечению детях, высокие нравственные качества, осмотрительность, педагогическая инициатива, педагогические способности, самообладание, широкий кругозор и т. п.

Анализ характеристик учителя в документах Тюменской женской гимназии и, в целом, в документах учебных заведений конца XIX – начала XX в. показывает преимущественно положительную оценку его профессиональных качеств, что позволяет сформулировать эталонные признаки.

1. Учитель должен быть политически благонадежным, «преданным Престолу и Отечеству» [10, с. 80].

2. Учитель должен иметь специальное образование в соответствии с разрядом. Отметим, что именно это требование служит основой для толкования значений слов «учитель» и «учительница» в «Словаре общедоступных сведений по всем отраслям знания» (1905) [2, с. 86]. (Преподаватели и воспитатели средних мужских учебных заведений должны были иметь высшее образование; учителя начального звена – общее среднее образование, для всех категорий было желательно специальное педагогическое образование, которое давали учительские семинарии и учительские курсы. Женщины-учительницы получали педагогическую подготовку в специализированных классах гимназий и епархиальных училищ, на педагогических курсах разного уровня).

3. Эффективная деятельность учителя не мыслится без «обогащения познаний», «совершенствования преподавательских приемов» [4. Д. 314. Л. 154 об.].

4. Учитель должен быть настойчивым, требовательным, строгим и вместе с тем внимательным, доброжелательным, заботливым и участливым по отношению к ученикам.

5. Учитель должен быть добросовестным, усердным в выполнении своих профессиональных обязанностей.

Соответствие занимаемой должности определяется именами прилагательными «достойный», «надлежащий», «подходящий» и оценивается различными наградами. В изученных нами документах имеется информация о материальном поощрении («выдано 100 руб. за особые труды» [4. Д. 253. Л. 24 об.]), благодарности «за добросовестное исполнение своих обязанностей и непропущение ни одного урока» [4. Д. 253. Л. 4 об.], о представлении к «награждению орде-

ном Станислава 3-ей степени за усердную службу» [4. Д. 313. Л. 84]. В качестве «последних наград» в одной из граф именного списка служащих названы: «ордена Св. Анны 3-й ст. и Св. Станислава 2-й ст.», «серебряная медаль», «темно-бронзовая медаль» [4. Д. 2. Л. 34 а], «серебряная медаль на Александровской ленте за труды по народному образованию» [4. Д. 17. Л. 101].

Из проведенного анализа исторических материалов становится очевидным, что документам учебных заведений рубежа XIX–XX вв. свойственна идеализация образа учителя, отражавшая устремленность к совершенствованию педагогического процесса. Эталонные качества воплощали ценность, увиденную в высоком назначении совершенного педагога как человека, помогающего ученику освоить окружающий мир и обеспечить его вхождение в жизнь, обеспечивающего связь прошлого и будущего. Именно поэтому учитель провозглашался главным субъектом обучения и воспитания: «Главным школьным деятелем, так сказать, душою школы является учитель: от его умственного развития, нравственных качеств, его отношения к делу и опытности зависит та или иная постановка школы» [8, с. 33].

При всей жесткости дисциплины и прочих трудностях стоит отметить высокое качество образования, получаемого в гимназии. Это обусловлено тем, что педагоги дореволюционной России были самоотверженными людьми, посвятившим всю свою жизнь образованию подрастающего поколения. Их педагогические идеалы отражались во всем, в том числе и в их имидже.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.
2. Большая энциклопедия: слов. общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова. Т. 19. Ундольский–Чахары. – СПб., 1905.
3. Вопросы воспитания и обучения: труды пед. о-ва, состоящего при Императорском Моск. ун-те. Т. 1. – М., 1904.
4. Государственный архив Тюменской области (ГБУ ТО ГАТО). – Ф. И-55. – Оп. 1.
5. Грунский Н. К. Лекции по педагогике. – 2-е изд. – М., 1914.
6. Дореволюционная гимназия: содержание и организация обучения / сост. М. В. Богуславский. – М., 2000.
7. Лебедев П. А. Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX в. / сост. П. А. Лебедев. – М., 1990.
8. Палопеженцев Н. И. Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии. Ч. II. Современное состояние народного образования. – Тобольск, 1895.
9. Тобольские губернские ведомости. – 1895. – № 32.
10. Шамахов Ф. Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.). – Томск, 1966.

**«Формирование нового человека»:
воспитательная работа в детских домах в 1920–1930-е гг.
(по материалам Ленинграда и Ленинградской области)**

В статье на материалах Ленинграда и Ленинградской области исследуется воспитательная работа в детских домах в 1920–1930-е гг. Раскрывается роль детских домов в воспитании «нового человека», разделяющего ценности советского общества. Автор рассматривает различные составляющие воспитательной работы и делает попытку оценить ее эффективность.

The article is devoted to the study of educational work in orphanages in 1920–1930s and based on the materials of Leningrad and Leningrad region. The article reveals the role of orphanages in education of a "new man", sharing the values of Soviet society. The author examines the different components of the educational work and makes an attempt to evaluate its effectiveness.

Ключевые слова: борьба с детской беспризорностью, детский дом, воспитание беспризорных детей, трудовое воспитание, общественно-политическое воспитание, детское самоуправление.

Key words: struggle to overcome child homelessness, orphanage, raising of abandoned children, labor education, political education, children's self-government.

На протяжении 1920–1930-х гг. основным способом борьбы с детской беспризорностью являлось помещение несовершеннолетних в детские дома. В условиях становления Советского государства важнейшей задачей представлялось воспитание молодого поколения, которое отвечало бы вызовам своего времени. Как заявляла одна из работниц органов народного образования Ленинграда на совещании у заместителя председателя Ленсовета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 29 мая 1939 г., дети, выпускаемые из детских домов, должны были иметь уверенность, что «для них будут открыты все пути к жизни, что они выпускаются из детского дома полезными Советской стране, что они вкладывают свой труд, идущий на улучшение всего народного хозяйства нашей страны» [21. Л. 9].

В отчете о работе Ленинградского пригородного исполкома III районному съезду советов (1935) утверждалось, что детские дома занимали значимое место в воспитании «нового человека» [13. Л. 135]. Отметим, что под понятием «новый человек» в 1920–1930-е гг. подразумевали «борца за укрепление завоеваний пролетариата,

строителя социалистического общества» [17, с. 9]. Приведем цитату из документа того времени: «Коммунистической партией и советской властью на детский дом возложена почетная и ответственная задача – воспитание детей в духе коммунизма и беззаветной преданности социалистической родине» [29. Л. 1]. Детдом воспринимался как «ячейка коммунистического общественного воспитания».

Детские дома находились в ведении Народного комиссариата просвещения РСФСР и отделов народного образования (далее – ОНО) на местах. Как и в современных детских учреждениях, в них пытались создать приемлемые условия для воспитания, обучения и подготовки несовершеннолетних к самостоятельной жизни. По мнению А.Б. Залкинда и М.С. Эпштейна, профессиональная деятельность которых была связана с органами народного образования, детские дома должны были выполнять три главные задачи: 1) дать воспитанникам возможность получить общее образование в школе; 2) научить какой-либо специальности с помощью организации занятий в мастерских; 3) приобщить к общественно-политической жизни, внедряя в быт детского коллектива самоуправление и привлекая детей к участию в пионердвижении и комсомольской организации [2, с. 788].

Некоторые государственные деятели возлагали большие надежды на воспитание из бывших беспризорников полезных для страны людей. Так, А.В. Луначарский подчеркивал, что «беспризорный ребенок ... по способностям, по смышленности, по общему уровню нервной системы, значительно выше среднего ребенка в семье. И часто, если этих беспризорных детей пригреть и накормить, из них выйдут такие государственные дети, которыми мы будем гордиться» [14, с. 28].

Очевидно, что воспитание бывших беспризорных ребят имело определенные трудности и специфику. Для успешной работы с несовершеннолетними, попавшими в детдом с улицы, требовались квалифицированные и опытные педагоги и воспитатели. Их в 1920–1930-е гг. было недостаточно. Заместитель начальника УНКВД по Ленинградской области Н.Г. Николаев в сводке о ходе работы по ликвидации беспризорности и безнадзорности от 19 сентября 1935 г. отмечал, что, по его мнению, к работе в детских домах Ленинграда и области в ряде случаев допускались люди, не способные выполнять роль воспитателей [23. Л. 65]. Например, в 10-м латышском детском доме Ленинграда в 1935 г. работал воспитатель Сатурский, уже дважды уволенный из других детдомов за применение «антипедагогических приемов» в работе [26. Л. 1]. Ленинградский областной ОНО пытался решить проблему нехватки кадров

путем организации курсов по подготовке и переподготовке работников детских учреждений [20. Л. 35 об.].

Выступая на XVII съезде ВКП(б), В.В. Куйбышев утверждал, что «в процессе труда, в развитии социалистического отношения к труду переваривается человек, создаются *новые люди* (курсив наш – Е.Б.), достойные социалистического общества строители» [4, с. 397]. В связи с этим одним из существенных элементов воспитательной работы считалось трудовое воспитание. Основным способом подготовки к трудовой деятельности была организация мастерских в детдомах [10. Л. 284]. Известно, что к началу 1928/29 хозяйственного года в Ленинградском округе Ленинградской области насчитывалось 17 детских домов, в которых воспитывалось 1.705 детей. При них имелось 17 трудовых мастерских, в которых обучались 758 воспитанников [9. Л. 71]. Таким образом, к концу 1920-х гг. мастерскими было охвачено чуть меньше половины воспитанников детских домов Ленинградского округа.

В сельской местности трудовое обучение проводилось также на сельскохозяйственных участках, принадлежащих детским учреждениям. На совещании заведующих детскими домами Пригородного района Ленинградской области от 13 апреля 1931 г. было принято следующее решение: «В целях воспитания современного мирозерцания детей и выработки пролетарского отношения к труду постановку сельскохозяйственных работ в детских учреждениях считать обязательной...» [11. Л. 110]. Несмотря на это, согласно протоколу заседания Президиума Ленинградского Пригородного районного исполкома, проходившему в 1935 г., только один детский дом в районе («Смена») имел все условия для развития учебных хозяйств [12. Л. 157].

Немногим лучше обстояло дело с организацией трудового обучения в детских учреждениях Ленинграда. В докладной записке о ликвидации детской беспризорности от 23 ноября 1935 г., адресованной А.А. Жданову и второму секретарю Ленинградского горкома ВКП(б) А.И. Угарову, указывалось, что воспитанники детдомов городского ОНО не получали серьезных профессиональных навыков для дальнейшего трудоустройства [22. Л. 62–63]. По данным заведующего Ленинградским гороно М.А. Алексинского, в 1937 г. в 44 школьных детских домах имелось 85 мастерских, в которых обучалось 3368 чел. Земельными участками были обеспечены восемь учреждений [24. Л. 90–91]. Для сравнения: к 1939 г. в Ленинграде насчитывалось примерно 8 тыс. воспитанников детдомов [21. Л. 10]. Отдельной проблемой был вопрос грамотного руководства мастерскими. Во второй половине 1930-х гг. ВЦСПС выделил в качестве руководителей мастерских детдомов Ленгорно

восемь квалифицированных рабочих с предприятий, из них к работе приступили только трое, а в итоге, остался лишь один, так как остальных не устроили условия их деятельности [24. Л. 92].

Общественно-политическое воспитание того времени было направлено на приобщение детей к коммунистической идеологии. Помимо стен детского дома, оно осуществлялось и в школе, где детдомовцы обучались совместно с детьми, имевшими родителей. Частью этого курса являлось антирелигиозное воспитание. По словам Л.Г. Глатман, автора популярных брошюр, адресованных пионерам, ребенок в детдоме «жил без всякой поповщины» и «воспитывался в коммунистическом духе» [3, с. 37]. Более того, как заявлял один из докладчиков на III Всероссийской конференции по охране детства (25–30 мая 1930 г.), «каждое детское учреждение должно стать очагом воинствующего безбожия, распространяющим свое влияние на окружающее население» [1, с. 33].

Другим компонентом общественно-политического образования детей было интернациональное воспитание. Его основную идею сформулировал ответственный работник органов народного образования С.В. Чукаев: необходимо было вырастить «подлинных интернационалистов, т. е. тех людей, которые везде и всюду осуществляли бы и проводили в жизнь единую идею трудового братства всех трудящихся, связывали бы свою работу и борьбу с идеями всего мирового пролетариата» [31, с. 39]. При этом он отмечал, что ни в школах, ни в детдомах до сих пор не были выработаны конкретные методы для реализации его идей на практике. Чукаев приводил данные о том, что в детских учреждениях встречались случаи травли воспитанников еврейской национальности [31, с. 39–40]. Они нашли подтверждение в архивных источниках: в 1-м пионерском детском доме¹ Смольнинского района Ленинграда специальная комиссия, проверявшая в 1939 г. факты, указанные в заявлении одного из воспитателей детского учреждения о проявлении национальной розни и антисемитизма среди воспитанников, подтвердила их существование [25. Л. 20].

Одним из методов общественно-политического воспитания являлись так называемые «ударные обязательства». Так, в связи с подготовкой к XVII съезду ВКП(б) детдомовцы Пригородного района Ленинградской области давали следующие обязательства: свести к минимуму количество неудовлетворительных оценок по школьным предметам, «повести решительную борьбу за привитие сознательной дисциплины, за сохранность социалистической собственности» и провести субботники для починки белья и уборки помещений [6.

¹ Пионерский детский дом – особый вид детских учреждений, все воспитанники которого являлись пионерами.

Л. 1]. Работники ОНО старались поддерживать дух состязательности между детскими домами, организуя конкурсы и выявляя образцовые учреждения.

Через исторические источники красной нитью проходит идея необходимости участия общественности в воспитании детдомовцев. Эту задачу должны были выполнить «шефы», прикрепленные к детдомам. Воспитательной работой в детских домах Ленинграда занимался и отдел пионеров горкома ВЛКСМ. Например, в 1937 г. им были устроены городские шахматно-шашечные и стрелковые соревнования среди выпускников детских домов, а в дни майских и октябрьских праздников в 1936 г. проводилось приглашение детдомовцев в семьи трудящихся [27. Л. 3]. Большинство воспитанников детских домов Ленинграда и Ленинградской области состояли в пионерской организации. Однако, судя по отчету о работе Ленинградского окружного ОНО за 1927–1928 гг., несмотря на то что 75 % воспитанников детдомов являлись пионерами, работа пионерских организаций была признана неудовлетворительной. Одной из причин такого положения вещей называлась «нехватка талантливых пионер-вожатых» [9. Л. 72].

Применению навыков самостоятельной жизни, полученных детьми за время пребывания на улице, способствовало осуществление принципа самоуправления в детских учреждениях. Так, в 1928 г. на одном из совещаний заведующих детскими домами Ленинградского округа высказывалось мнение о необходимости проведения раз в неделю во всех детдомах, за исключением дошкольных, дня полного самоуправления [8. Л. 144]. Приведем пример того, как могла строиться система самоуправления отдельного учреждения. В Петергофском детдоме им. Л.Д. Троцкого функции органа самоуправления выполняло исполнительное бюро, в состав которого входили выборные от воспитанников, заведующий детским домом и вожатый пионер-отряда. Кроме того, работали хозяйственный и культурно-просветительский комитеты. Редколлегия издавала стенгазету «Костер», которая заняла первое место на городском конкурсе [18. Л. 216].

При нарушении дисциплины и девиантном поведении несовершеннолетних перед педагогами вставал вопрос наказания. По мнению А.С. Макаренко, целесообразное наказание было очень важным элементом воспитательного процесса. Назначать его следовало в том случае, если ребенок нарушал интересы коллектива. В качестве наказания он предлагал применять выговор на общем собрании воспитанников, лишение отпусков, карманных денег, возмещение ребенком причиненных им убытков и т. д. [15, с. 188–189, 191–192].

В 1928 г. на совещании заведующих детскими домами Ленинградского округа подчеркивалось, что при работе с воспитанниками можно было прибегать исключительно к мерам педагогического характера [8. Л. 145]. Согласно архивным документам, применение физической силы либо изоляции детей в отдельных комнатах осуждалось. Воспитателей, практиковавших подобные методы воспитания, увольняли или налагали на них административное взыскание. Распространенной мерой воздействия являлось обсуждение проступков детей на общем сборе пионеротряда. Этот метод, к примеру, использовался в детском доме им. Энгельса Ораниенбаумского района Ленинградского округа [5. Л. 15].

В отдельных детских учреждениях воспитательная работа была организована неудовлетворительно. Так, в протоколе № 162 (п. 83) от 26 сентября 1934 г. заседания президиума Ленинградского областного исполкома выделялись детские дома Ленинградской области, в которых наблюдались трудности с дисциплиной и проведением воспитательной работы – это Ораниенбаумский, Опочецкий, Устюженский, Кирилловский, Окуловский, Сиверский, им. Володарского и дошкольный Красногвардейский детдома [20. Л. 35 об.]. О «нездоровых отношениях» между воспитанниками детского дома им. III Интернационала Молосковицкого района Ленинградского округа Ленинградской области говорилось в письме заведующего Рекковской больницей от 21 марта 1929 г., адресованном в Молосковицкий районный исполком. Он писал, что в течение месяца в Рекковскую больницу были госпитализированы три воспитанника детского дома: один с ранением виска писчим пером, оба других – с ранениями плеча и груди. Ранены все мальчики были своими же товарищами [7. Л. 19].

В 5-м детском доме Ленинграда в свободное от школы время ребята были предоставлены сами себе, а дети из приготовительной группы распевали песню: «Ленин, умирая, Сталину заказывал, хлеб по карточке давать, масло не показывать» [22. Л. 64]. В 24-м детском доме отсутствовала организация досуга детей, не имелось ни одного кружка, мастерские не были оборудованы [28. Л. 2].

О результатах воспитательной работы можно судить по тому, как сложились судьбы бывших беспризорников после выпуска из детских домов. Согласно отчету Ленинградского пригородного райисполкома за 1934 г., по Пригородному району выпустилось 213 подростков. Из них 94 чел. были направлены в ФЗУ, 50 – в колхозы, 35 – к родителям, 27 – на производство, 7 – в техникум [13.

Л. 136]. Сотрудник Комиссии по улучшению жизни детей¹ Ивановской промышленной области М.В. Попов приводил несколько частных примеров: воспитанница самарского детдома К. поступила на медицинский факультет МГУ, беспризорник П. из Иваново-Вознесенска, обучившийся слесарному делу в мастерской детдома, был оставлен там для работы инструктором [16, с. 9]. Другой известный пример касался бывшего воспитанника детского дома Н.П. Дубинина, который стал доктором биологических наук². Однако далеко не всем детдомовцам удавалось хорошо устроиться в жизни. Пять воспитанниц детского дома, расположенного в поселке Званка, после выпуска из детского учреждения работали на фабрике им. Самойловой. По поручению Ленинградского горкома ВЛКСМ директором 7-го детдома, кандидатом в члены ВКП(б) М.Н. Фишман в январе 1940 г. было проведено обследование условий работы и жизни этих пяти девушек. По данным обследователя, норму они не выполняли, поэтому зарабатывали мало, были ленивы, «грубы и нетактичны», не имели навыков труда, не знали личной гигиены [30. Л. 1–2]. После выпуска из детского дома подростки зачастую вновь оказывались в той же среде, из которой их изъяли при приеме в интернатное учреждение. Так, президиум Володарского райсовета Ленинграда в 1928 г. сообщал президиуму Ленсовета о том, что группа выпускников детдомов, работавших на фабриках и заводах, ютилась в разрушенном флигеле на территории Александро-Невской лавры, и вокруг них группировались беспризорники [19. Л. 9].

Таким образом, основной задачей воспитательного процесса в 1920–1930-е гг. являлась интеграция бывших беспризорников в советское общество. Дети воспитывались в духе коллективизма и были ориентированы на получение трудовых навыков. Анализ архивных материалов позволяет сделать вывод о том, что в детских домах Ленинграда и Ленинградской области в 1920–1930-е гг. существовали проблемы, связанные с дисциплиной, организацией досуга детей и их трудовой подготовкой. Правильной постановке воспитательной работы препятствовали недостаточное количество квалифицированных педагогов и переполненность детских учреждений.

Список литературы

1. Амосов [Н.К.]. Об очередных задачах антирелигиозного воспитания: материалы к 3-й Всерос. конф. по охране детства. 25–30 мая 1930 г. – М.; Л., 1930. – С. 32–35.

¹ Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК, или Деткомиссия – государственный орган, образованный в 1921 г. для борьбы с детской беспризорностью.

² Историю своей жизни он описал в мемуарах: см. Дубинин Н.П. Вечное движение. М., 1989.

2. БСЭ: в 65 т. Т. 5. – М., 1927.
3. Глатман Л. О трудовом воспитании беспризорных // Вожатый. – 1925. – № 19–20. – С. 36–37.
4. Доклад тов. Куйбышева о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР // XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 янв. – 10 февр. 1934 г.: стеногр. отчет. – М., 1934. – С. 380–413.
5. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ). – Ф. Р-1444. – Оп. 1. – Д. 10.
6. ЛОГАВ. – Ф. Р-2927. – Оп. 7. – Д. 9.
7. ЛОГАВ. – Ф. Р-2928. – Оп. 1. – Д. 29.
8. ЛОГАВ. – Ф. Р-2932. – Оп. 1. – Д. 8.
9. ЛОГАВ. – Ф. Р-3162. – Оп. 1. – Д. 206.
10. ЛОГАВ. – Ф. Р-3164. – Оп. 1. – Д. 30.
11. ЛОГАВ. – Ф. Р-3173. – Оп. 1. – Д. 347.
12. ЛОГАВ. – Ф. Р-3173. – Оп. 1. – Д. 912.
13. ЛОГАВ. – Ф. Р-3173. – Оп. 1. – Д. 1094.
14. Луначарский А.В. Доклад Наркомпроса // Народное просвещение. – 1924. – № 9–10. – С. 7–38.
15. Макаренко А.С. О коммунистическом воспитании // Изб. пед. произведения. – Баку, 1953.
16. Попов М.В. Детская беспризорность и патронирование. – Иваново-Вознесенск, 1929.
17. Угарова Е. Новые пути борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью (О внешкольной работе) // Детский дом. – 1928. – № 3. – С. 8–15.
18. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). – Ф. 115. – Оп. 1. – Д. 156.
19. ЦГА СПб. – Ф. 1000. – Оп. 12. – Д. 185.
20. ЦГА СПб. – Ф. 7179. – Оп. 10. – Д. 772.
21. ЦГА СПб. – Ф. 7384. – Оп. 18. – Д. 865.
22. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). – Ф. 24. – Оп. 2в. – Д. 1002.
23. ЦГАИПД СПб. – Ф. 24. – Оп. 2в. – Д. 1198.
24. ЦГАИПД СПб. – Ф. 24. – Оп. 2в. – Д. 2290.
25. ЦГАИПД СПб. – Ф. 24. – Оп. 2г. – Д. 166.
26. ЦГАИПД СПб. – Ф. К-881. – Оп. 10. – Д. 114.
27. ЦГАИПД СПб. – Ф. К-881. – Оп. 10. – Д. 215.
28. ЦГАИПД СПб. – Ф. К-881. – Оп. 10. – Д. 326.
29. ЦГАИПД СПб. – Ф. К-881. – Оп. 10. – Д. 431.
30. ЦГАИПД СПб. – Ф. К-881. – Оп. 10. – Д. 590.
31. Чукаев С.В. Интернациональное воспитание детей: материалы к 3-й Всерос. конф. по охране детства. 25–30 мая 1930 г. – М.; Л., 1930. – С. 36–43.

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

УДК 93/94(=411.21)

Д.Р. Зайнуддинов, И.М. Миргалеев

Токтамыш-хан и Аксак Тимур в биографическом сборнике Ибн Тагриберди

В статье анализируются данные из биографического сборника известного арабского автора средневековья Ибн Тагриберди о взаимоотношениях среднеазиатского правителя Тимура с Токтамышем. Приводится перевод отрывков из труда Ибн Тагриберди и комментарии к ним.

The article deals with the information from the biographical collection by famous Arabian author in the Middle Ages Ibn Tagriberdi concerning the relations of the Central Asian ruler Timur with Toktamysh. The article gives the translation of the extracts from the work of Ibn Tagriberdi and comments.

Ключевые слова: арабские источники, Золотая Орда, Ибн Тагриберди, Идегей, Тимур, Токтамыш, султан Хусейн.

Key words: Arab sources, the Golden Horde, Ibn Tagriberdi, Idegei, Timur, Toktamysh, Sultan Hussein.

В библиотеке рукописей и редких книг «Сулеймания» (г. Стамбул, Турция) имеется рукопись труда известного арабского автора из государства мамлюков в Египте Ибн Тагриберди (813–874) «ал-Манхал ас-сафи ал-мустауфиба'д ал-вафи» (المنهل الصافي المستوفي بعد الوافي) /Чистый довершающий источник после «Полного»/ [1]. К сожалению, его труд не вошел в известный сборник арабских источников и материалов В.Г. Тизенгаузена, а лишь упомянут им в дополнениях к первому тому [7, с. 528]. Сведения Ибн Тагриберди являются важными для исследователей золотоордынской истории. Планируется перевести из его труда те части, которые относятся к истории Золотой Орды, и издать в дополнениях к арабскому тому В.Г. Тизенгаузена, которую готовим к изданию с исправлениями. В комментариях мы употребляем правописание имен в той форме, в которой они приняты в историографии. В источниках имеются разночтения. В нашем случае Ибн Тагриберди использует форму Айдаку, Таймур. Мы в комментариях используем правописание имен принятой в историографии [2; 3] – Идегей, Тимур.

Перевод

A.I Идегей (ум. 814 г.х / 1411) в сборнике биографий Ибн Тагриберди (813–874 г.х.) ал-Манхал ас-сафи ал-мустауфиба'д ал-вафи (Чистый довершающий источник после «Полного»)¹

589 – Айдаку–татарский монарх (ум. 814 г.х./1411)

«[A.I.1] Айдаку – татарский монарх. Он происходит из племени Конгратов, земли Дештской. Этот Айдаку переходил (с одной службы на другую), пока не стал самым великим эмиром Токтамыш-хана и одним из командующих его правым (флангом). Затем между ним и Токтамышем произошла ссора, о чем мы расскажем подробно в биографии Таймура.

[A.I.2] Этот Айдаку так же обманул Таймура и сбежал от него. Затем он вернулся к Токтамышу, после того как достиг поставленной цели относительно него (Токтамыша), и воевал с ним – битва эта очень известна – говорят, что между этим Айдаку и Токтамышем было пятнадцать сражений. В пятнадцатом победа оказалась на стороне Токтамыша.

[A.I.3] Этот Айдаку был разгромлен, и его люди разбрелись. Он сам и около 500 его приближённых утонули в реке Сайхун, (после этого) о нем ни чего не было известно. Токтамыш приложил много усилий, чтобы найти упомянутого Айдаку, до тех пор, пока не решил, что (последний) умер.

V.I Оригинальный текст об Идегее (ум. 814 г.х / 1411) в сборнике биографий Ибн Тагриберди (813-874 г.х.) ал-Манхал ас-сафи ал-мустауфиба'д ал-вафи. (Чистый довершающий источник после «Полного»)

589 - أيدكو ملك التتار (ت 814 هـ / 1411 م)

[B.I.1] أيدكو ملك التتار أصلهم قبيلة قو نكر اتمنار ضالدشت، وتنقل أيدكو هذا إلى أنصار من أجل أمر اءتو قتاميشخان، وأحدر عوس ميسرته، ثم وقع بينه وبين توتاميش وقعما سنذكر هفيتر جمه تيمور مفصلاً

[B.I.2] وخذ عأيدكو هذا تيمور، وفر من "بعد أنالمنهم مقصوده، وواقعتو قتاميش" الواقعة المشهورة، فيلكان بين أيدكو هذا وبين توتاميش خمسة عشر وقعة، وفي الخامسة عشر غلب فيها توتاميش

[B.I.3] و انهزم أيدكو هذا وتشتت جمعه، وغرق هو و نحو خمسمائة من خواصه في نهر سيحون، ولم يعر فلخبر، وبالغتو قتاميش في الفحص عن أيدكو المذكور، حتتغلب علظنها أنه هلك

¹ Извлечение находится на страницах 100–101 (нумерация по электронному варианту) рукописи. В квадратных скобках проставлена условная нумерация для удобства сличения перевода с оригинальным текстом [1].

А.И Тимурлан (728-807 г.х./1328–1405) в сборнике биографий Ибн Тагриберди (813–874 г.х.) ал-Манхал ас-сафи ал-мустауфиба’д ал-вафи.
(Чистый довершающий источник после «Полного»)

787 –Темурланг – деспот (728–807 г.х./1328–1405)

«[А.И.1] Тимур или Тиимуур, оба варианта (звучания этого имени) допускаются. Сын Айтамуша Канлага – сын Занки – сын Санйаба – сын Тарим Тура – сын Тугрила – сын Кылыча – сын Санкуза – сын Канджака – сын ТуглСабука – сын Алтахана – деспот Тимур-гурган. Гурган на персидском языке означает родственник царей по женской линии.

Он родился 728 г. в деревне под названием Худжа Абгар в провинции Каш, одного из городов Мавараанхра. Расстояние от этого места до Самарканда – один день. Говорят, что в ночь, когда он родился нечто, подобное шлему, словно птица появилось на небе, затем свалилось на землю в открытом пространстве. И от него разлетелись угольки и искры, заполнившие землю. Говорят, что когда он вышел из чрева матери, она нашла, что в его ладонях полно крови. Предсказатели посулили, что посредством его рук будет проливаться кровь. Я утверждаю: именно так и произошло, да не простит его Аллах!

Говорят, что его отец был сапожником. Говорят, что это не так, он был эмиром у султана Хусейна, обладателя города Балх, и играл важную роль в его государстве. А мать его была из потомков Чингисхана. Говорят, что у султана Хусейна было четыре визиря, одним из них был Тимур.

[А.И.3] Его корни идут из племени Барлас. Говорят, что он занимался преступными делами. Однажды ночью он украд овец и хотел унести их, в это время его заметил пастух и пустил в него стрелу, попавшую ему в плечо. Затем он пустил вторую, которая пролетела мимо. Затем третью, попавшую ему в бедро, оставившую глубокую рану, так что он даже стал хромать от нее. Поэтому его начали называть Темур-ланг. «Ланг» на персидском языке означает хромой. Когда он выздоровел, то продолжил совершать преступные действия, разбойничая на дороге. В его делах ему помогали около 40 человек. В это время он (Тимур) говорил им, своим головорезам: я должен стать хозяином мира и уничтожить правителей всего мира. Некоторые из них насмеялись над ним. Другие верили, так как видели в нем чрезмерную решительность и смелость.

Говорят, что он (Тимур) блуждал в своих бандитских приключениях некоторое время, пока не наткнулся на лошадей султана Ху-

сейна, обладателя Балха. Дашари¹ приблизил его к себе, проявил к нему милость, предоставил ему убежище, обеспечил его тем, что он нуждается из числа еды и питья. Тимур прекрасно разбирался в скакунах. Это очень понравилось Дашари. Он (Тимур) был фаворитом Дашари и не разлучался с ним, пока тот не отправил его с лошадьми к султану Хусейну и не познакомил его с ним. (Султан) оказал благодеяние к нему и вернул к Дашари. Он находился у него (Дашари) пока тот не умер. Вслед за этим султан назначил его на место Дашари. Он начал переходить от одной должности к другой, пока не занял великое положение и не стал одним из его эмиров. Вскоре он женился на сестре султана Хусейна и жил с ней некоторое время, до тех пор пока между ними не произошла словесная перепалка, где она упрекнула его тем униженным положением, в котором он находился (до женитьбы на ней) и он убил ее. После случившегося он убежал и взбунтовался против султана Хусейна. Таким образом, его положение стало огромным по значению, он овладел теми (землями), что в Мавараанахре и стал жениться на дочерях их царей. Вслед за этим его начали называть гурганом, о значении этого слова уже было сказано в начале этой биографии. Дела его шли в гору и положение расширялось до тех пор, пока султан Хусейн не стал опасаться его и решил уничтожить его. Когда это дошло до него, то он бросился в бег из одной страны в другую.

[А.И.3] Положение его (Тимура) начало укрепляться после 760 года, когда он овладел несколькими крепостями и отправил посланников к правителям Балахшана. Ими были два брата, которые правили после их отца. Он призвал их подчиниться себе, и они ответили ему. В это время с востока против султана Хусейна восстали монголы, главой которых был ильхан Камар ад-дин. Султан Хусейн направился в их сторону и вступил с ними в бой. В это время Тимур отправил к ним гонца с тем, чтобы они воссоединились с ним, они ответили и подчинились ему. Таким образом, могущество Тимура окрепло за счет них.

Затем султан Хусейн направился к нему (Тимуру) с огромным войском, пока не достиг Кагалга. Это узкое место, через которое всадник едет в течение часа, в середине его имеются некие ворота, если их закрыть и защититься, то никто не может одолеть их. Вокруг этого места высокие горы. Войско (Хусейна) овладело входом в это ущелье со стороны Самарканда. А Тимур со своими людьми встал у другой дороги. Они (воины султана) посчитали, что окружили и стеснили его (Тимура), однако он оставил их и отправился по неизвестному пути. Всю ночь он шел по непроходимым, трудным путям,

¹ Дашари (мамлюкский термин الجشاري أو الدشاري) – коневод.

пока не достиг их на рассвете. Они начали собирать свои ноши, думая, что Тимур проявил малодушие и убежал, испугавшись их. Тут Тимур начал строить козни против них так, что он и его люди сошли со своих коней ипустили их пастись в этих лугах, а сами притворились спящими, будто бы они одни из членов их армии. Их (тимуровы) лошади прошли рядом с ними (солдатами Хусейна) и они подумали, что это их лошади, желавшие покоя. Когда переход армии завершился, Тимур и его люди сели верхом на (своих скакунов) оставленных в тылу и с криками, размахивая мечами, принялись их толочь. Люди пришли в замешательство, султан Хусейн со своими приближенными обратился в бегство, не обращая внимания друг на друга, они добрались до Балха. Тимур окружил те (трофеи), что были с ним. Оставшиеся солдаты примкнули к нему. Так армия его окрепла, имущество прибавилось, и он захватил владения Мавараннахра.

[А.И.4] Упорядочив войска, он написал Алишеру – наместнику султана Хусейна в Самарканде, дабы тот сдал город ему. Он согласился на том условии, что страна будет поделена между ними пополам. Таким образом, они вдвоем поделили эти области, затем Алишер приехал к нему, он (Тимур) проявил к нему благосклонность и продолжил (отношения) на тех условиях, что договорился с ним. Затем он отправился в путь, желая достичь Балахшана, там его встретил царь ее с ценными подарками, снабдил его своими солдатами и проводили его до Балха. Он остановился у Балха и взял его в осаду, в это время в нем был султан Хусейн. Он (султан) держался пока у него не кончились силы, и он сдался, он (Тимур) схватил его и вернул обладателя Балахшана к себе на должность в почете и славе. Затем он вернулся в Самарканд, прихватив с собой султана Хусейна и обосновался здесь, превратив его (этот город) в свою столицу. Затем он убил султана Хусейна в месяц Ш'абан 771 года. На его место он определил одного из потомков Чингисхана, по имени Саргатмиш, назначив его султаном, он не дал ему нечего из власти.

[А.И.5] События связанные с султаном Хусейном, дошли до (слуха) ильхана Токтамыша, обладателя Дешта и татар. Это стало тягостным для него, он собрал войска и вышел в путь, желая расправиться с Тимуром. Он двинулся со стороны Сагнака. Тимур тоже собрал против него своих воинов и отправился из Самарканда. Они встретились на окраине Туркистана, у реки Хаджанд. Между ними разгорелся бой, убитых со стороны Тимура было настолько много, что он почти погиб и готов был признать поражение. Когда он находился в таком душевном состоянии, неожиданно к нему подъехал на своем коне шериф (родственник пророка Мухаммада (сас)) Барака. Тимур, удрученный бедой, обратился к нему: «О господин мой, мое

войско разбито!». «Не бойся», – ответил ему шериф Барака. Он спустился со своего коня и взял пригоршню мелких камней. Затем он сел верхом и бросил их в лица их, т. е. людей токтамышовых. И возгласил во всеуслышание: «Йагайкаштай», что значит на тюркском «враг убежал». В ответ Тимур закричал то же самое. Этот возглас заполнил слух тимуридов, и они все без исключения собрались вокруг него, после того как разбежались, оставив все (трофеи) что были с ними. Тут Тимур сделал с ними второй натиск, каждый из них кричал «Йагайкаштай». Войско Токтамыша обратилось в бегство, а тимуриды погнались вслед за ними и захватили бесчисленные трофеи.

[А.И.6] Затем Тимур вернулся в Самарканд и захватил Туркестан и страны (в окрестностях) реки Хаджанд. Вслед за этим между ним и Алишером произошла ссора, и Тимур не переставал враждовать с ним, до тех пор пока не перехитрил, схватил и убил его. За счет этого он приобрел еще большее величие, и его призыв дошел до Мазиндирана, Килана, стран Рейа и Ирака. Его стали бояться как близкие, так и далекие, все это произошло примерно через два года после убийств султана Хусейна.

Комментарии

Сообщения Ибн Тагриберди об Идегее хотя и являются не оригинальными, однако в этих коротких рассказах он сумел изложить историю этого временщика в Золотой Орде с большой достоверностью (более подробно см.: [6]). Именно внутренняя борьба элит в Золотой Орде не позволили хану Токтамышу одержать победу над Тимуром. Противостоянию Токтамышу с Тимуром посвящена обширная историография (более подробно см.: [4; 5]). Включение в источниковую базу этих исследований и сведений Ибн Тагриберди позволяет подтвердить некоторые выводы и дополнить их новыми деталями.

Возвышение Тимура, жестокий разгром им мусульманских земель занимали умы не только правителей, но и весь мусульманский мир. О Тимуре и его походах написано много. Примечательно также, что и сам Тимур обращал большое внимание описанию своих деяний, походов. В Средней Азии на персидском языке панегиристами Тимура и его потомков были созданы обширные исторические сочинения, такие как Гийас ад-дин Али, Шереф ад-дин Али Йезди, Низам ад-дин Шами, Мирхонд, Хондемир и др. Однако в остальном мусульманском мире, в Золотой Орде, Анатолии, Египте и на Ближнем Востоке отношение к Тимуром было враждебным. Это характерно и для Ибн Тагриберди, который относился к Тимуром крайне отрица-

тельно, считая его деспотом. Ибн Тагриберди постоянно насыляет на него проклятия.

Здесь мы привели отрывки из сочинения Ибн Тагриберди, касающиеся его взаимоотношений с Золотой Ордой, а также ту часть источника, которая показывает причину начала противостояния Токтамыша с Тимуром, а именно, убийство Тимуром султана Хусейна. Остальная часть биографии Ибн Тагриберди затрагивает детальное описание расширения территорий государства Тимура от Индии до Ирака и от Китая до Сирии.

Далее идет история его смерти близ Атрара, где его постиг лютой мороз, и чтобы разогреть тело, он требовал у лекарей лечить его спиртными и наркотическими веществами. Как сообщает Ибн Тагриберди, их передозировка привела его к смерти.

Список литературы

1. Ибн Тагриберди (813–874 г.х.) ал-Манхал ас-сафи ал-мустауфиба'д ал-вафи. (المنهل الصافي المستوفي بعد الوافي) / Чистый довершающий источник после «Полного» / Рукопись хранится в библиотека Сулеймания (г. Стамбул). Фонд Нурсмания. – № 3428.

2. Идегей: Татарский народный эпос. – Казань, 1990.

3. Григорьев А.П. «Ярлык Идегея»: Анализ и реконструкция содержания // ИСА. Вып. XI. – Л., 1988. – С. 55–99.

4. Миргалеев И.М. Битвы Токтамыш-хана с Аксак Тимуром // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения: материалы круглого стола, проведенного в рамках Междунар. Золотоордынского форума. Казань, 29–30 марта 2011 г. / отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. – Казань, 2011. – С. 141–151.

5. Миргалеев И.М. Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. – Казань, 2003.

6. Миргалеев И.М. К вопросу о начале идегеевской эпохи // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа: материалы науч. конф. – Казань, 2000. – С. 58–62.

7. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся къ истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. I. – СПб., 1884.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47).084.1/2

И.А. Тропов

Неизвестный семнадцатый год...

В статье рецензируется сборник научных статей «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды» (Санкт-Петербург, 2013). Рецензент выделяет и характеризует содержащиеся в научных статьях новые трактовки революционного процесса в России в 1917 г., обращает внимание на дискуссионные вопросы и дополняет выводы авторов собственными суждениями. В рецензии отмечен весомый вклад авторов в исследование актуальных проблем Революции 1917 г. в России.

The article reviews the collection of scientific articles "The Revolution of 1917 in Russia: new approaches and perspectives" (St. Petersburg, 2013). Reviewer identifies and characterizes new interpretations of the revolutionary process in Russia in 1917 that are contained in scientific articles, draws attention to the discussion questions and complements the conclusions of the authors by his own judgments. In the review the significant contribution of the authors in the study of actual problems of the Revolution of 1917 in Russia is noted.

Ключевые слова: сборник научных статей, историческое исследование, исторический источник, революция 1917 г., историческая антропология, актуальность, научная новизна.

Key words: collection of scientific articles, historical research, historical source, the revolution of 1917, historical anthropology, relevance, scientific novelty.

В конце 2013 г. вышел из печати сборник материалов межвузовской научной конференции «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», которая была проведена 1 ноября 2012 г. кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена под руководством доктора исторических наук, профессора А.Б. Николаева – одного из крупнейших специалистов по истории Февральской революции 1917 г. [7]. Не скроем, название данного сборника поначалу несколько настораживает: порой под «новыми подходами» (взглядами, трактовками и пр.) скрывается всего лишь стремление актуализировать рассматриваемые проблемы в глазах потенциальных читателей. Однако внимательное ознакомление с представленными в сборнике научными статьями полностью развеяло первоначально имевшиеся сомнения.

Председателю оргкомитета конференции и ответственному редактору сборника А.Б. Николаеву удалось объединить усилия целого ряда как маститых, так и начинающих молодых ученых, специализирующихся на исследовании такого сложного и многогранного явления, как Революция 1917 г. в России. Несмотря на различие в заявленных темах и в теоретических подходах авторов, в целом получился оригинальный и новаторский труд, который, полагаем, займет достойное место в отечественной историографии семнадцатого года.

В небольшой по объему рецензии, к сожалению, не удастся сказать обо всех опубликованных материалах. Выделим несколько, на наш взгляд, наиболее значимых и актуальных направлений и тем в исследовании проблем Революции 1917 г. и проиллюстрируем их с помощью отдельных научных статей из сборника. Хотелось бы надеяться, что коллеги, чьи труды останутся за пределами настоящей рецензии, отнесутся к этому с пониманием.

Новизна представленных в сборнике работ проявилась, прежде всего, в стремлении авторов исследовать перипетии революционных событий 1917 г. в России с позиции исторической антропологии. Какие бы сюжеты ни были представлены в рецензируемом сборнике, все они так или иначе связаны с человеком революционной эпохи – его взглядами, новациями и стереотипами восприятия им окружающей действительности, жизненными стратегиями и формами взаимодействия с другими людьми.

Представляется, что такой подход, реализуемый и в ряде других исследовательских работ [2; 3], весьма перспективен. Очевидно, что Революция 1917 г., равно как и все другие исторические явления или процессы, не может быть воспринята и истолкована нами вне чувств и социальных практик «тогдашних» людей. Более того, эти идеи, чувства, ожидания, нормы, девиации – словом, весь жизненный микромир конкретного человека, испытав на себе многообразные и разнонаправленные воздействия социальной среды, и становится тем крошечным мозаичным «стеклышком», из множества которых и состоит полотно истории. «Объективное» и «непредвзятое» историческое исследование предполагает не отказ ученого от субъективизма когда-то давно жившего исторического персонажа, а выяснение того, как его внутреннее «Я» влияло на восприятие окружающей действительности, формировало его мировоззрение и поведение и в конечном счете сам ход исторического процесса.

Высокой степенью актуальности и новизны отличаются научные статьи в рецензируемом сборнике, касающиеся особенностей восприятия революционных событий 1917 г., а также лидеров революции

и контрреволюции, политическими деятелями России и зарубежья, а также рядовыми гражданами страны [см., напр.: 4; 5; 10].

Один из аспектов идейно-политической борьбы в последние годы существования царской монархии в своей статье рассмотрел Д.И. Стогов [10]. На материалах периодической печати автор выявил и охарактеризовал наиболее распространенные (в том числе, в современной отечественной и зарубежной историографии) «идеологические штампы», создававшиеся либералами в отношении русских правых или, как часто пишет автор, черносотенцев. Авторский вывод обоснован, хотя в какой-то мере предсказуем: «Используя как справедливые обвинения в адрес черносотенцев, так и подчас пускаемая в ход откровенную клевету, либеральная печать ... сознательно формировала в сознании обывателя негативный образ монархистов» [10, с. 14].

Интересно было бы пойти дальше и выяснить, в частности, следующее: «информационная война» (термин Д.И. Стогова) либералов против правых в рассматриваемый период – это был «обычный» элемент всегдашнего политического противоборства между различными партиями или же это была борьба не столько против монархистов, сколько против монарха, т. е. один из важных и необходимых ходов либералов на их пути к власти? И, конечно, характеризуя образ правых в общественном мнении России, не стоит обходить вниманием вопрос о том, насколько это общественное мнение в указанный период вообще было склонно прислушиваться к либеральной прессе? Без этого трудно выяснить, какие факторы (субъективные или объективные) в наибольшей степени повлияли на отмеченное автором явление – падение популярности монархистов в народных массах в предреволюционные годы.

Современники были едины в том, что Февральская революция 1917 г. означала широчайшее распространение свободы в российском обществе. Свобода как особая категория мировоззрения военных моряков Балтфлота весной–летом 1917 г. стала предметом рассмотрения в статье Д.А. Бажанова [1]. Проанализировав значительный комплекс материалов региональной периодической печати, прежде всего «Известия Гельсингфорсского Совета», автор пришел к выводу о том, что именно категория свободы «синтезировала в себе» основные «признаки наступившего времени», среди которых Д.А. Бажановым особо отмечены «появление равенства, прав и, через это, обретение статуса гражданина» [1, с. 165]. Это верное суждение хотелось бы дополнить еще одним положением, целиком и полностью следующим из содержательной статьи Д.А. Бажанова. В силу очень разного, порой диаметрально противоположного толкования «свободы» военными моряками весной–летом 1917 г., а так-

же очевидной политизации этого понятия в условиях нараставшей революции, «свобода» стала не столько обозначением, как пишет автор, «некоего достигнутого состояния», сколько символом, размытым в своем содержании, а потому крайне удобным для оправдания любых собственных действий, для борьбы с политическими противниками и, шире говоря, для манипулирования общественным сознанием.

Как специалист по исследованию региональных процессов в период революции и первых послереволюционных лет, не могу не отметить содержательную, но небесспорную статью А.Г. Румянцева [9]. В ней автор охарактеризовал восприятие революционных событий 1917 г. социалистом И.П. Мордвиновым – историком-краеведом, известным общественным деятелем Тихвина и Тихвинского уезда. Мастерски выполненный А.Г. Румянцевым анализ дневниковых записей позволяет разглядеть тревоги и сомнения современника, проследить эволюцию его взглядов и оценок, выявить роль слухов в переломные моменты истории. Однако попытки автора на основании дневника всего лишь одного человека дать обобщенную и притом одномерную характеристику настроений всей российской провинции («В отличие от столиц, – отмечает, в частности, А.Г. Румянцев, – провинция восприняла известие о свержении Николая II и формировании Временного правительства с большим воодушевлением» [9, с. 37]) не кажутся удачными. Ранее мы уже упоминали о весьма пестрой и противоречивой картине настроений провинции в условиях Февральской революции, в этой связи отсылаем заинтересованного читателя к некоторым опубликованным работам [11; 12].

Большой интерес представляют научные статьи, в которых авторы попытались проследить изменения, произошедшие не только в сознании людей, но и в их повседневной жизни в 1917 г. Так, Д.В. Надсадный охарактеризовал разноречивые тенденции в деятельности Петроградской городской исполнительной комиссии по благотворительности. В статье охарактеризованы последствия произошедшей в марте–апреле 1917 г. «демократизации» состава и деятельности Комиссии по благотворительности и городских попечительств о бедных, прежде всего за счет расширения участия в их работе солдатских жен, привнесших свое понимание социальной справедливости в деятельность попечительств. Не осталось без внимания автора и влияние на муниципальные благотворительные учреждения таких деструктивных факторов, как финансово-экономические проблемы в стране, политическая нестабильность и необходимость удовлетворения «возрастающих appetитов опекаемых и служащих». Развитие этих тенденций, как справедливо заме-

тил Д.В. Надсадный, поставило к осени 1917 г. местные благотворительные учреждения «на грань выживания» [6, с. 67].

Завершая рецензию, обратимся к научной статье, подготовленной А.Б. Николаевым. Не отрицая значимости всех других опубликованных в сборнике работ, отметим, что центральное место в нем занимает именно данная статья [8]. В ней автор поднимает вопрос о том, насколько часто и в связи с чем депутаты районных советов Петрограда подвергались судебному преследованию со стороны временных судов столицы в 1917 г. Профессионально анализируя весь комплекс доступных как опубликованных, так и архивных документов, ученый доказывает, что «советские депутаты крайне редко оказывались в качестве подсудимых во временных судах». А.Б. Николаев справедливо связывает это с двумя обстоятельствами: с одной стороны, большинство советских депутатов «не совершало проступков и преступлений, за которыми следовали бы наказания», а с другой – «от судебного преследования их защищал неписанный высокий статус представителя рабочих и солдат...» [8, с. 58]. Здесь же отметим, что в весьма содержательной статье А.Б. Николаева затрагивается и еще ряд актуальных в научном плане вопросов, подробная разработка которых, вероятно, будет еще продолжена исследователями. В частности, приведенные А.Б. Николаевым факты позволяют поставить вопрос о моральном перерождении по крайней мере части советской элиты уже весной 1917 г., а также об известной политизации деятельности судебных органов в условиях революции.

Подводя итог, хотелось бы поздравить всех историков-специалистов с выходом в свет сборника научных трудов «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», который отличается актуальностью и новизной опубликованных в нем статей, побуждает к дискуссии и к дальнейшему плодотворному исследованию неизвестных страниц переломного для России семнадцатого года.

Список литературы

1. Бажанов Д.А. «Свободу нам проповедуя...»: свобода как категория мировоззрения балтийских моряков весной – летом 1917 г. (на материалах периодической печати Гельсингфорса) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. / ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. – СПб., 2013. – С. 152–165.

2. Верременко В.А., Тропов И.А. Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Социально-экон. и полит. модернизация в России. XIX–XX вв.: сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Кочетков. – СПб., 2001. – С. 55–63.

3. Верременко В.А. На перекрестке повседневности и общественного сознания (о нематериальных факторах социальных движений XIX–XX вв.) // По-

вседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2012 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Вереме́нко. – СПб., 2012. – С. 17–22.

4. Гавроева Е.С. Революционная Россия в английских парламентских дебатах (апрель – июнь 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. / ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. – СПб., 2013. – С. 43–46.

5. Лысенко Е.А. Оценка перспектив русской революции в публицистических сочинениях Н.В. Устрялова 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. / ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. – СПб., 2013. – С. 185–193.

6. Надсадный Д.В. Городская исполнительная комиссия по благотворительности (Петроград, 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. / ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. – СПб., 2013. – С. 58–67.

7. Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. – СПб., 2005.

8. Николаев А.Б. Советские депутаты перед Временным судом Петрограда (весна – лето 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. / ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. – СПб., 2013. – С. 46–58.

9. Румянцев А.Г. Взгляд из провинции: события 1917 года в Петрограде глазами тихвинского краеведа и историка И.П. Мордвинова // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. / ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. – СПб., 2013. – С. 33–42.

10. Стогов Д.И. Образ черносотенцев в российской либеральной печати (1916 – первая половина 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. / ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. – СПб., 2013. – С. 6–15.

11. Тропов И.А. Революция в провинции: Лужский уезд Петроградской губернии в 1917 г. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2010. – Т. 4. История. – № 2. – С. 178–187.

12. Тропов И.А. Революция и провинция: Местная власть в России (февраль–октябрь 1917 г.). – СПб., 2011.

Сведения об авторах

Адыгамов Рамиль Камилович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела истории общественной мысли и исламоведения, Институт истории АН РТ; зав. кафедрой исламского вероучения, Российский исламский институт; e-mail: abu_muhammad@mail.ru

Бендер Екатерина Алексеевна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: ekaterinabender@mail.ru

Бочан Светлана Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры теории государства и права и отечественной истории, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова; e-mail: bochan800@mail.ru

Веремченко Валентина Александровна – доктор исторических наук, зав. кафедрой истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Волков Вячеслав Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Военно-морского флота, Военно-морская академия им. Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова; e-mail: agnee@yandex.ru

Гиззатуллин Рамиль Анасович – ассистент кафедры исламского вероучения, зав. отделом международных связей, Российский исламский институт; младший научный сотрудник, Институт истории АН РТ им. Ш. Марджани; e-mail: alauddin@mail.ru

Гогуев Борис Басиятович – кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры философии и социальной работы, Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева; e-mail: cnot@kchgu.ru

Гордеева Наталия Николаевна – аспирант кафедры истории, преподаватель истории, Выборгский институт (филиал), Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: vip.gordeeva@inbox.ru

Джунджузов Степан Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: djund@yandex.ru

Демидович Дарья Михайловна – соискатель кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; e-mail: d_demidovich@bk.ru

Зайнуddинов Дамирджан Рустамджонович – старший преподаватель кафедры филологии и страноведения, Российский исламский институт (г. Казань); e-mail: abu-hanifanur@yandex.ru

Зябиров Радик Мустафович – директор, Музей татарской истории и культуры; e-mail: radick.z@yandex.ru

Казиев Саттар Шарниязович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры «История и социально-гуманитарные дисциплины», Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева; e-mail: sattarkaz@mail.ru

Кислицына Ирина Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта; докторант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; e-mail: aleks-k-44-40@ya.ru

Кортунов Алексей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, зав. лабораторией истории и культуры казачества России, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы; e-mail: kortunov@rambler.ru

Крылова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории, доцент кафедры рекламы и общественных коммуникаций, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: hellennak@ya.ru

Курбаналиев Хайбула Алиевич – аспирант кафедры истории России XX–XXI вв., Дагестанский государственный университет; e-mail: garunovanina@mail.ru

Миргалеев Ильнур Мидхатович – кандидат исторических наук, заведующий Центром исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; e-mail: dilnur1976@mail.ru

Назария Сергей Михайлович – кандидат исторических, доктор политических наук, доцент, Государственный институт международных отношений Молдовы; e-mail: sergnazar@mail.ru

Некрасов Николай Владимирович – аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; e-mail: kuminch@yandex.ru

Салахов Марат Рустэмович – аспирант, Институт Татарской энциклопедии Академии наук Республики Татарстан; e-mail: marat-salakhov@yandex.ru

Смыслова Светлана Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет; e-mail: rcolka2@yandex.ru

Судариков Андрей Михайлович – доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой регионоведения и социально-гуманитарных дисциплин, Государственная полярная академия; e-mail: a.m.sудариков@gmail.com

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Тряхов Илья Сергеевич – аспирант кафедры истории России, Педагогический институт, Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; e-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru

Черноморченко Светлана Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, Тюменский государственный университет; e-mail: chernomorchenko@rambler.ru

Шагавиев Дамир Адгамович – кандидат исторических наук, зав. отделом истории общественной мысли и исламоведения, Институт истории АН РТ; e-mail: saiddamir@mail.ru

Шангараев Роберт Рашитович – доцент кафедры гуманитарных дисциплин, декан теологического факультета, Российский исламский институт; e-mail: abujosf@mail.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;

- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-36

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 4
Том 4. История**

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 22.12.2014. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,75. Тираж 500 экз. Заказ № 1090

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а